

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

194

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

194

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. Т. КРУГЛИКОВА

МОСКВА «НАУКА» 1983

ББК 63.4
Ж51

Редакционная коллегия:

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь),
Н. Н. ГУРИНА, А. Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Ю. А. КРАСНОВ, В. В. КРОПОТКИН,
И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИН, В. М. МАССОН, Н. Я. МЕРПЕРТ, Р. М. МУНЧАЕВ,
В. В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора),
Д. Б. ШЕЛОВ

Рецензенты:

кандидат исторических наук **М. П. АБРАМОВА,**
кандидат исторических наук **В. Г. ПЕТРЕНКО**

Железный век.— М.: Наука, 1988.— 112 с. ил.— (Крат.
Ж51 сообщ. Ин-та археологии. Вып. 194)
ISBN 5-02-009470-6

Скифы и сарматы, населявшие обширные территории степей, а также племена лесной полосы — древние народы нашей страны — всегда интересовали археологов. Настоящий сборник предлагает новые материалы по истории этих народов и позволяет решить различные вопросы их хозяйственно-экономической жизни раннего времени — в железном веке.

Для археологов.

Ж $\frac{050400000-258}{042(02)-88}$ 53-88-IV

ББК 63.4

ISBN 5-02-009470-6

© Издательство «Наука», 1988

СТАТЬИ

Н. Л. ЧЛЕНОВА

О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
СТАРШЕГО АХМЫЛОВСКОГО МОГИЛЬНИКА,
НОВОМОРДОВСКИХ СТЕЛАХ
И «ОТДЕЛИВШИХСЯ СКИФАХ»

Старший Ахмыловский могильник в Марийской АССР, где исследовано 1010 могил, резко повысил интерес к ананьинской культуре. Из него получено огромное количество бронзовых и железных вещей, которые подробно рассматривались в монографиях¹. Этому могильнику и отдельным категориям его инвентаря посвящено много статей. Материалы его постоянно привлекаются при изучении памятников других районов Восточной Европы и Сибири в киммерийскую и скифскую эпохи.

До последнего времени большинство исследователей считало этот памятник ананьинским. Лишь В. С. Патрушев относит его к особой ахмыловской культуре. В то же время все исследователи, начиная с А. В. Збруевой, отмечали связи ананьинской культуры с Кавказом².

Металлические вещи киммерийской и скифской эпох «кавказского типа» (оружие, предметы конского убора и другие воинские принадлежности) были выявлены еще в процессе раскопок Старшего Ахмыловского могильника.

Уже в 1969 г. А. Х. Халиковым и Н. Л. Членовой был сделан доклад «Киммерийские памятники на Средней Волге» на Археологической сессии в Ленинграде. В настоящее время вещи из Ахмыловского могильника и других пунктов на Средней Волге и Каме, имеющие кавказское происхождение, вошли в научный обиход и широко используются в работах, касающихся Северного Кавказа, Украины, Молдавии и других территорий.

В вопросе о том, о какого рода связях Волго-Камья с Кавказом в киммерийскую и раннескифскую эпоху свидетельствуют вещи «кавказского типа», мнения исследователей несколько расходятся. А. В. Збруева, Е. И. Крупнов, В. С. Патрушев предполагали, что это был торговый обмен, осуществлявшийся по Волге и Каме. С. В. Кузьминых на основе анализа металла заключает, что часть этих вещей — импорт, попавший в Среднее Поволжье путем многоступенчатого обмена, другая часть изготовлена на месте по привозным образцам. А. Х. Халиков довольно осторожно говорит, что между Волго-Камьем и Кавказом имелись «прямые связи», не уточняя, какие именно³.

Н. Л. Членова (доклад 1969 г.) говорила о проникновении с Северного Кавказа на Среднюю Волгу в киммерийскую эпоху не только вещей: обитавшие на Северном Кавказе киммерийцы совершили поход (или походы) на Среднюю Волгу. Этим, вероятно, объясняется наличие в Аюозинском и Старшем Ахмыловском могильниках и в других пунктах Волго-Камья предметов, близких к кавказским или идентичных им. Таковы биметаллические киммерийские кинжалы, кобанские бронзовые топоры и фибулы, обломки кавказских бронзовых поясов, переоформлен-

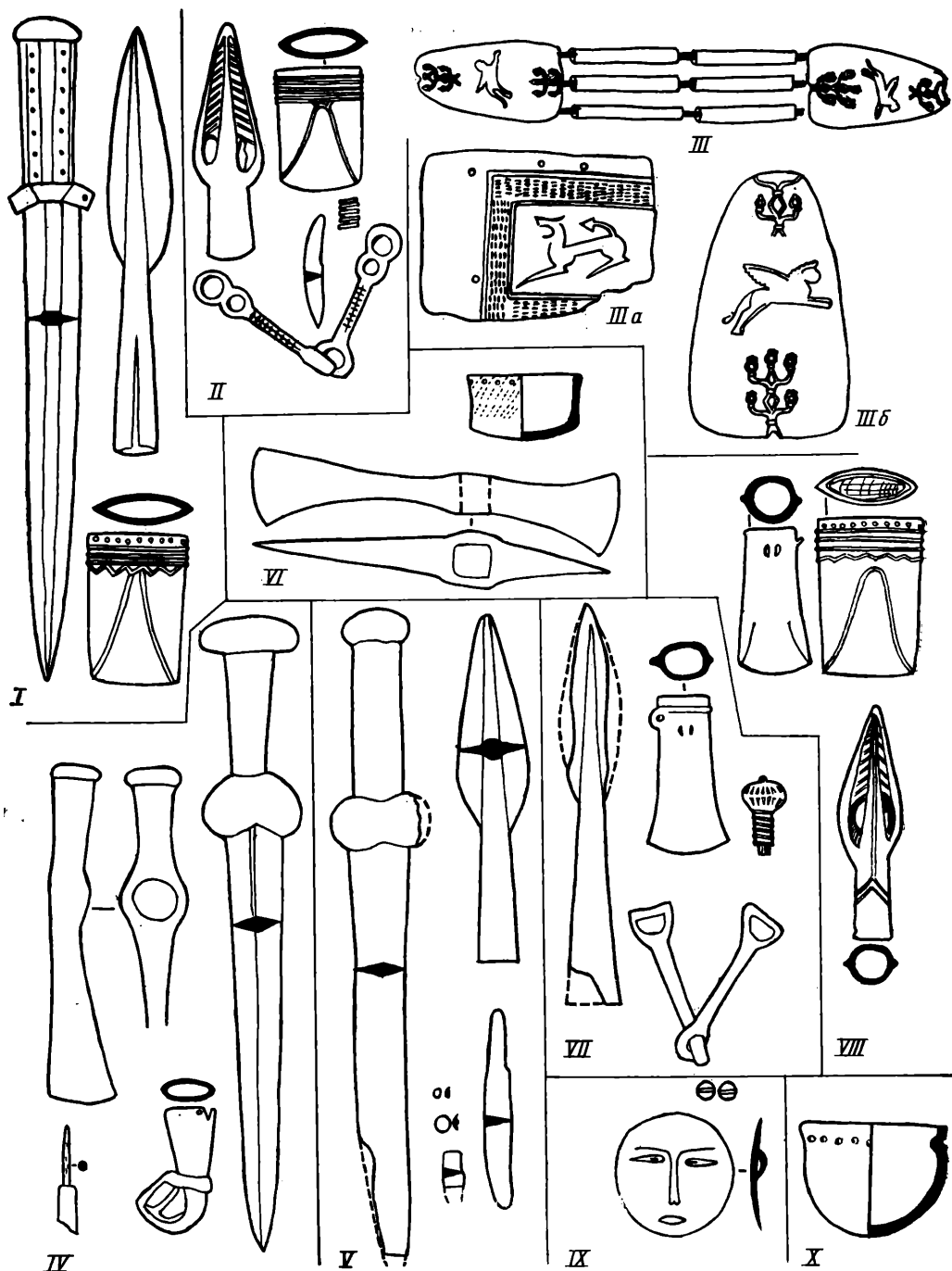

Рис. 1. Комплексы Старшего Ахмыловского могильника

I, II — смешанные киммерийско-ананьинские комплексы: киммерийский кинжал и удила, ананьинские кельты и бронзовое копье; I — погребение 26, II — погребение 136; III — обломки урартского бронзового пояса, переделанные в части ананьинского женского головного венчика, III, IIIb — погребение 800, IIIa — погребение 363; IV, V — чистые скифо-кавказские комплексы с акинаками, боевым топориком и наконечником ножен, IV — погребение 336, V — погребение 250; VI, VII — смешанные скифо-кавказско-ананьинские комплексы: скифо-кавказские топорик и удила, ананьинские кельт и сосуд, VI — погребение 183; VII — погребение 524; VIII—X — чистые ананьинские комплексы, VIII — погребение 29, IX — погребение 391, X — погребение 268 (по В. С. Патрушеву и А. Х. Халикову)

ных в женские украшения, и др. Картографирование указанных вещей показало, что путь этот проходил не по Волге, так как на Нижней Волге нет подобных находок, а по Дону, Хопру и Суре, откуда и выходил на Среднюю Волгу. Видимо, поход на далекий север был совершен мужчинами-воинами без женщин и детей, так как кавказские вещи, найденные в Волго-Камье,—исключительно предметы вооружения, конского убора и воинского снаряжения. Женские вещи в этих могильниках ананьинские. Совершившие поход киммерийцы, очевидно, смешались с местным населением и растворились в его среде. Принесенные ими вещи могли впоследствии копироваться на месте, изготавливаться из местных материалов. То же продолжалось и в раннескифскую эпоху (рис. 1, I—VII) ⁴.

Одно из доказательств того, что с Северного Кавказа на Среднюю Волгу проникали не только вещи, но и люди,—это новомордовские стелы, надгробные памятники, на которых изображено оружие — кинжалы и боевые топоры северокавказского, точнее, каменноостско-березовского типа ⁵. Эти изображения рельефные, как на северокавказских оленных камнях, чем отличаются от подобных памятников других районов. Таким образом, и техника изготовления новомордовских стел восходит к Северному Кавказу. Однако они-то не могли быть кавказским импортом, так как изготовлены из местного известняка, выходы которого есть на другом берегу Волги, напротив Новомордовского могильника. Не могли их изготавливать и по импортным образцам, во-первых, потому, что перевозка таких тяжелых и хрупких предметов на столь большое расстояние была в древности достаточно трудным делом. Во-вторых, и это главное, новомордовские стелы имеют лишь определенные черты сходства с оленными камнями Северного Кавказа, но не копируют их.

Различия их таковы. Северокавказские камни подпрямоугольны в сечении, изображения нанесены на всех четырех сторонах. Новомордовские стелы — плоские плиты с расширенной и закругленной верхней частью, с изображениями лишь на лицевой стороне. Той же формы плиты, но без всяких изображений найдены и на Тетюшском ананьинском могильнике. Северокавказские камни — «памятники, изображающие человеческую фигуру, но без признаков антропоморфности» (по Д. Г. Савинову), где «голова» отделена от «туловища» ожерельем, на «голове» — лента-диадема и серьги, на «туловище» — пояс с подвешенным к нему оружием. Новомордовские стелы еще дальше от антропоморфной фигуры: на них нет ни ожерелья, ни пояса, только оружие, но расположенное, однако, не бессистемно, а в средней части стелы, «у пояса» (хотя сам пояс и не изображен). При этом топоры изображены рукояткой вниз, как бы «подвешенными к поясу», а кинжалы — наискось, как бы «заткнутыми за пояс» ⁶. Так же изображались топоры и кинжалы на оленных камнях Кавказа. Таким образом, новомордовские стелы, восходя к северокавказским оленным камням, представляют следующую ступень схематизации человеческой фигуры, где выделены не три «зоны» человеческого тела — голова, тело выше пояса и тело ниже пояса, а лишь две: выше пояса и ниже пояса с помощью изображений оружия ⁷. Очевидно, новомордовские стелы изготовлены на месте людьми, знакомыми не только с кавказским оружием, изображенным на них, но и с особенностями изготовления кавказских стел,—людьми, пришедшими с Северного Кавказа, или их потомками. Для более позднего времени такую же миграцию людей с юга демонстрирует известная плита из Ананьинского могильника. Определенное сходство ее со скифскими антропоморфными стелами уже отмечалось ⁸.

В недавнее время Д. С. Раевский предпринял попытку трактовать миграцию в скифскую эпоху с Кавказа на Среднюю Волгу как движение «отделившихся скифов», упоминаемых Геродотом. Он считает, что скифы ступились вслед за киммерийцами, проложившими сюда дорогу. Старший Ахмыловский могильник, по мнению Д. С. Раевского, оставлен «отделившимися скифами» ⁹.

Согласиться с мнением Д. С. Раевского не позволяют следующие соображения.

1. По Геродоту, «отделившиеся скифы» отделились от скифов царских (IV, 22); царские же скифы обитали «по ту сторону Герра», на юге — до Таврики и Меотиды и до Танаиса (IV, 20)¹⁰. В соответствии с этим большинство исследователей помещает скифов царских в степном Крыму и Приазовье до Дона. Х. Коте считает также, что скифы царские пришли из Азии, что это сака хаомаварга¹¹. Но никто не локализовал скифов царских на Северном Кавказе, и текст Геродота не дает для этого оснований. Чтобы обосновать мнение Д. С. Раевского, надо прежде доказать, что скифы царские жили на Северном Кавказе.

2. Старший Ахмыловский могильник расположен на Волге, близ устья р. Ветлуги. Это противоречит указанию Геродота о том, где именно располагались «отделившиеся скифы»: «Рядом с ними (тиссагетами) в тех же самых местах обитает племя, имя которому иирки. Они также живут охотой, занимаясь ею следующим образом: охотник сидит в засаде, взобравшись на дерево, а деревья там в изобилии растут по всей стране. У каждого наготове конь, обученный ложиться на брюхо, с тем чтобы стать ниже, и собака. Как только охотник увидит с дерева зверя, он, выстрелив из лука и сев на коня, устремляется в погоню, а собака следует за ним. Выше иирков, если отклониться к востоку, живут другие скифы, отложившиеся от царских скифов и по этой причине прибывшие в эту страну. До страны этих скифов вся земля, уже описанная мной, представляет плодородную равнину, а дальше земля каменистая и неровная. Если пройти большое расстояние этой неровной страны, то у подножия высоких гор обитают люди, о которых говорят, что они все — и мужчины, а также женщины — плешивые от рождения, курносые и с большими подбородками, они говорят на особом языке, но носят скифскую одежду. Питаются они плодами деревьев. Название дерева, [плодами] которого они живут, — понтик, по величине оно приблизительно равно фиговому дереву, плод приносит равный по величине бобу, но с косточкой. Как только плоды созревают, их процеживают через [куски] ткани, из плодов вытекает сок, густой и черный, название этого сока — аски... Ведь скота у них немного, так как сколько-нибудь пригодных пастбищ там нет. Каждый живет под деревом: зимой — покрыв дерево плотным белым войлоком, а летом без войлока... название этого народа — аргиппей» (IV, 22, 23).

Таким образом, по Геродоту, «отделившиеся скифы» жили между иирками и аргиппеями, причем иирки, видимо, обитали на границе леса и лесостепи, так как в лесу невозможно охотиться на лошади (мнение, высказанное еще К. Бэрром в 1873 г. и поддержанное Э. Миннзом, В. Томашеком и Э. Филлипсом)¹². Аргиппей же, очевидно, обитали в Южном Приуралье, в степи (так как описано их жилище-юрта и напиток из степной вишни, там растущей)¹³. «Отделившиеся скифы», располагавшиеся между иирками, жителями лесостепи, и аргиппеями, жителями степных предгорий Урала, должны были обитать в степи, а никак не в лесной зоне на Нижней Ветлуге, где расположен Старший Ахмыловский могильник.

3. Пришедшие в лесной район из степей и предгорий Северного Кавказа люди должны были в корне изменить свое хозяйство — степное скотоводство — и заменить его хозяйством, сходным с хозяйством лесных племен, т. е. перестать быть скифами. Скорее всего, эти пришельцы должны были слиться с местным населением и раствориться в нем.

4. Судя по инвентарю Старшего Ахмыловского могильника, так оно и было. Кавказские предметы в его составе из-за своей необычности прежде всего бросаются в глаза. Но если сравнить кавказские вещи по численности с ананьинскими, то картина такова: а) «кавказские» вещи скифского времени¹⁴: акинаков — 7, наконечников ножен — 1, топоришков железных — 11, стрел бронзовых — 82, стрел железных — 42, удила — 10 пар, псалий — 6, подпружных пряжек и колец — 4, поясных

наборов — 3, блюшек — 44, булавок — 16, гривн — 78; всего кавказских вещей — 303, т. е. 18,5% от общего числа вещей; б) ананьинские вещи: кельтов — 342, копий бронзовых ананьинских — 29, копий железных — 91, стрел железных — 36, стрел каменных — 17, стрел костяных — 15, ножей — 367, блях — 98, височных подвесок — 77, височных колец — 85, налобных венчиков — 96, нагрудных украшений — 10, браслетов — 11, перстней — 3, гребней — 5, керамических сосудов — 53; всего ананьинских вещей — 1335, т. е. 81,5% от общего числа вещей.

К этому надо добавить чисто ананьинский погребальный обряд. Следует особо отметить, что ананьинские категории вещей представлены не только женскими украшениями, но и оружием и орудиями труда в мужских комплексах — кельтами, копьями, местными формами железных, костяных и каменных стрел, а также керамикой.

Изучение сочетания предметов в могилах и планиграфии могильника показывает следующее: а) погребения с акинаками (все пять случаев) не содержат никаких ананьинских вещей; б) из 9 погребений с железными топориками ананьинские вещи (кельт, сосуд, каменная стрела) содержат только 3 погребения; в) из 10 погребений со стрелами скифского типа только 4 содержат ананьинские вещи (кельты, костяные и каменные стрелы); г) из 21 погребения с акинаками, железными топориками, скифскими стрелами и удилами (т. е. погребений со скифо-кавказским инвентарем) 16 погребений (76,2%) расположены в южной, самой старой части могильника, хотя они и не образуют компактной группы, а погребения с железными копьями и ананьинскими кельтами распространены по всему могильнику¹⁵. Вывод: Старший Ахмыловский могильник нужно рассматривать не как кладбище пришедших с Северного Кавказа скифов и их жен из среды местного населения, а как могильник местного, ананьинского населения, в котором погребены и потомки пришедших с Северного Кавказа скифов, ассимилируемых ананьинцами.

5. Импортные с Северного Кавказа вещи имеются и в других ананьинских могильниках: Акозинском, Малахайском, Морквашинском, Тетюшском, Луговском¹⁶. Если следовать Д. С. Раевскому, то и эти могильники, т. е. практически всю ананьинскую культуру, следует считать культурой «отделившихся скифов». Но ананьинская культура по природе своей относится к лесным культурам, резко отличным от круга степных культур, к которому относится скифская. И по физическому типу люди ананьинской культуры резко отличны от скифов, имея значительную монголоидную примесь палеосибирского происхождения¹⁷.

6. Наконец, все исследователи с достаточным основанием считают, что ананьинцы и их потомки принадлежали к финно-угорской языковой семье. Вряд ли скифы-пришельцы, попав в Волго-Камье, в финно-угорскую среду, смогли сохранить свой иранский язык. Геродот, говоря об отделившихся скифах, не упоминает, что они изменили свой язык или что язык их не скифский, как говорит он это о ряде других народов.

По-видимому, придя в Волго-Камье, северокавказские скифы утратили свое хозяйство, свой язык и почти всю свою материальную культуру, за исключением некоторых предметов оружия и конского убора. Могли ли они после этого называться скифами, могли ли их считать скифами другие народы? Очевидно, нет.

Однако поиски «отделившихся скифов» на востоке Европейской части СССР перспективны, если предполагать, что они отделились от царских скифов, когда исседоны вытеснили скифов из Азии, если искать «отделившихся скифов» в степной или лесостепной зоне и учитывать указание Геродота, что они жили между иирками и аргиппеями. Попытки такой локализации имеют давние традиции. Д. А. Мачинский помещает «отделившихся скифов» между Самарской лукой и Южным Уралом, ближе к Южному Уралу¹⁸.

Действительно, если принять, что главным направлением восточной части так называемого «торгового пути Геродота» был путь по рекам

Самаре и Сакмаре¹⁹, то «плодородная равнина», упомянутая Геродотом как западная граница страны «отделившихся скифов», — это Низкое Заволжье, может быть, лиственные леса и лесостепь по Нижней Самаре, а «каменистая и неровная страна» Геродота, место жительства «отделившихся скифов», идя по которой, приходишь до подножья «высоких гор» (Урала), — это Высокое Заволжье. Но какую археологическую культуру можно отождествить тогда с «отделившимися скифами»? Археологи вслед за Б. Н. Граковым считают население степного Поволжья и Приуралья в раннем железном веке савроматами и сарматами. Д. А. Мачинский попытался выйти из положения, найдя противоречие между данными Геродота, что савроматы жили за Доном, и археологическим пониманием савроматской культуры, распространенной до Южного Зауралья. Но в этом случае придется предполагать, что у нескольких различных народов может быть одна археологическая культура, — положение, легко принимаемое историками и очень нелегко — археологами, поскольку тогда либо надо признать, что археологическая культура никакого отношения к этнической общности не имеет, либо в каждом отдельном случае произвольно решать, совпадает ли археологическая культура с этнической общностью или нет, в зависимости от желания исследователя. Очевидно, признавая, что подчас археологическая культура может не совпадать с этнической общностью, надо в каждом конкретном случае попытаться сделать все возможное, чтобы их отождествить, разумеется без насилия над фактами. В случае с «отделившимися скифами» такая возможность как будто начинает появляться.

Мы имеем в виду погребение в катакомбе кургана 1 могильника Гумарово на р. Сакмаре близ г. Кувандык Оренбургской обл. (раскопки Р. Б. Исмагилова, 1980)²⁰. Это погребение воина в диадеме (?), с колчаном, отороченным мехом и украшенным пятью золотыми бляхами-оленями с подогнутыми ногами (в позе «скифского оленя»); глаза оленей были инкрустированы бирюзой (рис. 2, 88, 89). В колчане был один железный и 88 бронзовых стрел разных типов: новочеркасские, жаботинские, переходные между ними (с длинной втулкой и шипом и др.), а также стрелы восточные, характерные для савроматов, Казахстана, Средней Азии и Сибири: трехлопастные, втульчатые и черешковые (рис. 2, 1—87). По комплексу стрел погребение бесспорно датируется VII в. до н. э. Скульптурный портрет этого воина был восстановлен по черепу Г. В. Лебединской. По ее данным, это был человек европеоидного облика, близкий по физическому типу к скифам Причерноморья. К этому же погребению относился ранее найденный на кургане оленный камень (рис. 2, 90—92). Р. Б. Исмагилов назвал Гумаровский курган древнейшим скифским курганом из Южного Приуралья. Объединив с гумаровским комплексом известные комплексы из Ендже и Белоградца в Болгарии, он назвал их «памятниками гумаровского типа», оставленными предками скифов Причерноморья²¹.

Думается, что интерпретация Р. Б. Исмагилова близка к истине. Не имея возможности рассматривать здесь вопрос о правомерности объединения комплекса из Гумарова с комплексами из Ендже и Белоградца, замечу, что отождествление его со скифами VII в. до н. э. вполне правомерно. Это подтверждает как антропологический, так и археологический материал. Действительно, тип могилы здесь — катакомба, не характерная для савроматов, но являющаяся наиболее типичным погребальным сооружением скифов с самых ранних времен. Совершенно нетипичны для савроматов стрелы «новочеркасского» и «жаботинского» типов, составляющие в гумаровском комплексе в сумме 66%. Золотые бляшки-олены для савроматов также совершенно нехарактерны, тогда как олень являлся символом скифов²². Инкрустация бирюзой глаз гумаровских оленей находит аналогию в Чиликтинском могильнике (Восточный Казахстан)²³. Наряду со стрелами среднеазиатско-казахстанского типа это указывает и на очень раннюю дату Гумаровского комплекса, и на близость его к азиатскому очагу происхождения скифов.

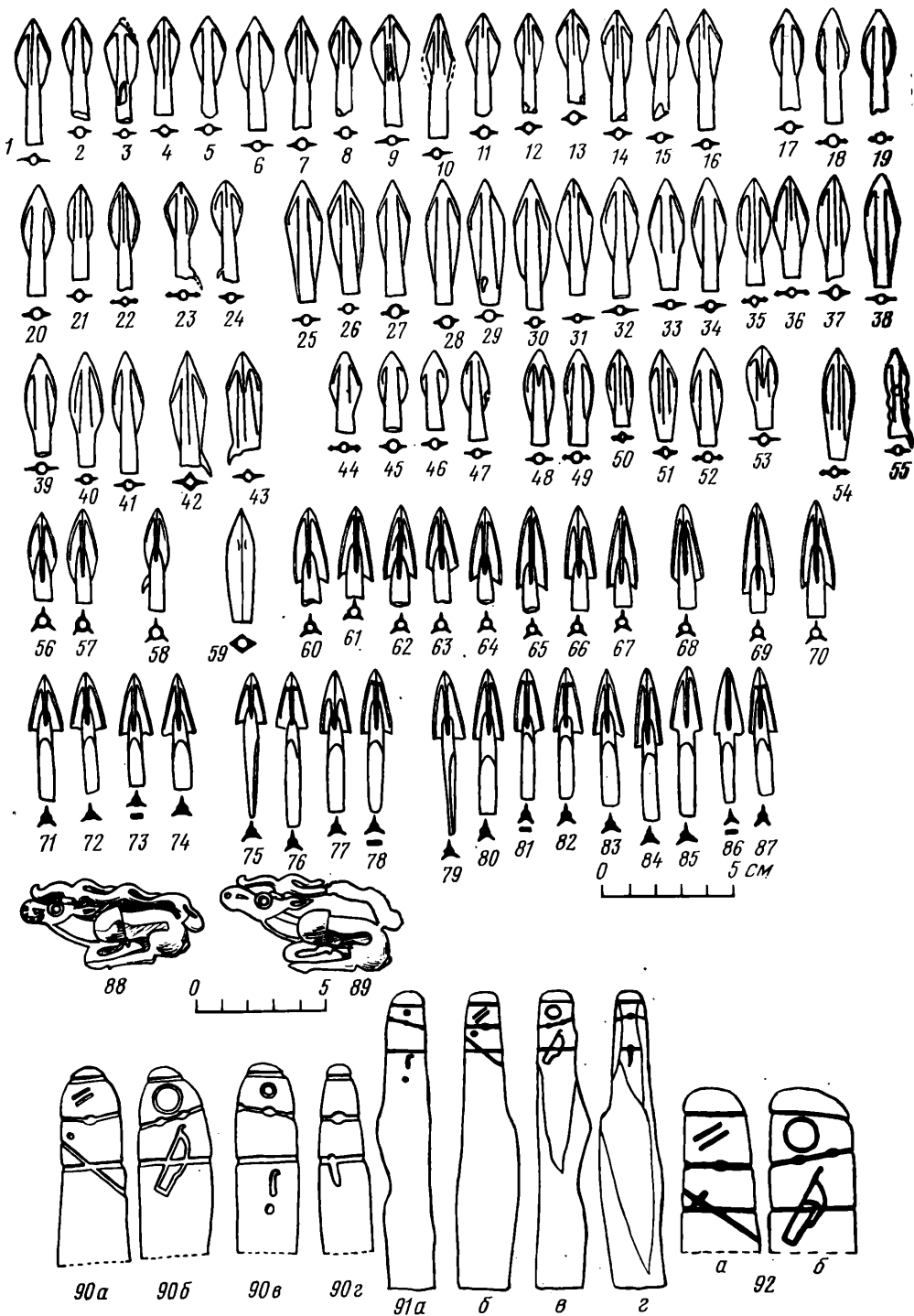

Рис. 2. Комплекс из погребения в катаcombe кургана I Гумаровского могильника
 1—87 — бронзовые наконечники стрел из колчана, по рис. Р. Б. Исмагилова; 88, 89 — золотые
 бляшки-олени, по фото Р. Б. Исмагилова; 90а—г, 91а—г, 92а, б — олений камень, стояв-
 ший на кургане 1 в рисунках разных авторов, 90а—г — по Н. Л. Членовой (с рис. С. А. По-
 пова), 91а—г — по А. А. Чарикову; 92а, б — по Р. Б. Исмагилову

Тот факт, что над рассматриваемым погребением был поставлен оленный камень киммерийского типа, не может считаться аргументом против скифской атрибуции погребения из Гумарова. Не раз уже отмечалось, что в комплексах VII в. до н. э. скифские элементы часто смешаны с киммерийскими. Было высказано мнение, что в группе памятников конца VIII—VII или VII в. до н. э. памятники западные (Северный Кавказ, Высокая могила, Белоградц) демонстрируют преобладание киммерийских компонентов, а восточные (Аржан, Уйгарак) — компонентов скифо-сако-тагарского круга²⁴. Теперь к числу этих восточных памятников добавилось погребение в катакомбе кургана 1 Гумаровского могильника, отождествление которого с памятниками «отделившихся скифов» весьма вероятно. Но пока это единственный комплекс, к тому же расположенный на восточной границе предполагаемой области «отделившихся скифов». Остается ждать, не дадут ли новые раскопки по Средней и Нижней Сакмаре и среднему течению р. Урал новых комплексов того же типа.

¹ Патрушев В. С., Халиков А. Х. Волжские ананьинцы. М., 1982; Кузьминых С. В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М., 1983; Патрушев В. С. Марийский край в VII—VI вв. до н. э. Йошкар-Ола, 1984.

² Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА, 1952. № 30. С. 160, 164—170; Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 205, 280, 281, 290, 347, 348; Смирнов А. П. Железный век Чувашия Поволжья. М., 1961. С. 92; Он же. О культурных связях Кавказа с Поволжьем // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 130—132; Халиков А. Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Тр. МАЭ. Йошкар-Ола, 1962. Т. 2. С. 47—116; Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII—VI вв. до н. э.). Грозный, 1972. С. 125—127, 144; Членова Н. Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // ПЗА. Новосибирск, 1981. С. 8—11.

³ Збруева А. В. Указ. соч. С. 170; Крупнов Е. И. Указ. соч. С. 347—348; Патрушев В. С. Указ. соч.; Кузьминых С. В. Указ. соч. С. 55, 124, 125, 174—176; Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. М., 1977. С. 257.

⁴ Членова Н. Л. Пути и распространение связей древних культур Поволжья и Приуралья в эпоху поздней бронзы: Тез. докл. // ПАПП. Куйбышев, 1976. С. 80; Она же. Распространение и пути связей древних культур Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии в эпоху поздней бронзы // САСДС. М., 1981. С. 26.

⁵ Халиков А. Х. Стелы с изображением оружия раннего железного века // СА. 1963. № 3; Членова Н. Л. Оленные камни и новомордовские стелы // Х Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы. М., 1980.

⁶ Халиков А. Х. Волго-Камье... С. 73, 58—62, 80. Рис. 36, 1—4, 6.

⁷ Это не позволяет согласиться с мнением Д. С. Раевского о том, что у новомордовских стел «членение человеческого тела на „зоны“ никак не выражено» и поэтому вряд ли возможно относить их к памятникам, изображающим человеческую фигуру (Раевский Д. С. Скифские каменные изваяния в системе религиозно-мифологических представлений ираноязычных народов евразийских степей // САКЗВД. М., 1983. С. 58). Напротив, большое сомнение вызывает попытка Д. С. Раевского трактовать все антропоморфные изваяния скифского и киммерийского времени как мировое дерево (Там же. С. 51—53 и след.). Вряд ли древние люди рассматривали любой предмет как мировое дерево только потому, что у любого предмета есть низ, верх и середина. Человеческую фигуру древние считали объектом, достойным явно не меньшего внимания, чем дерево. Это видно, например, из того, что части многих рукотворных или природных объектов именуется как части тела человека или даже его одежды: «горло», «туловище», «ручки» сосуда, «ножки» стола, «головка» булавки, «языки» пламени, «рукав» реки, «устье» реки (от слова «уста», «рот»; ср. немецкое название устья реки — «Münde» от «Mund» — «рот»), «снежные шапки», «нос» в значении «мыс», «полуостров»; в тюркских языках исток реки называется «баш» («голова») и т. д. А уж когда они преднамеренно изображали человеческую фигуру (на натуралистически или схематично), то и воспринимали ее как человеческую фигуру, а не как мировое дерево. Ни из чего не видно также, что киммерийские и скифские антропоморфные памятники осмысливались древними как какие-то космические символы: на них изображены только одежда и оружие воина.

⁸ Членова Н. Л. Об оленных камнях Монголии и Сибири // МАС. М., 1962. С. 31. Рис. 6, 5—7; С. 33.

⁹ Погребова М. Н., Раевский Д. С. О некоторых комплексах II четверти I тысячелетия до н. э. Закавказья, Север-

- ного Кавказа и Восточной Европы // Душетская научная конференция. Тбилиси, 1984.
- ¹⁰ Здесь и далее цитируется по: *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота: Тексты, перевод, комментарии. М., 1982. С. 107—109.
- ¹¹ *Мищенко Ф. Г.* Геродот. История в девяти книгах. М., 1884—1886. Указ.; *Граков Б. Н.* Скифы. Київ, 1947. Карта; *Он же.* Каменское городище на Днепре // МИА. 1954. № 36. С. 18; *Он же.* Скифы. М., 1971. С. 14, 17; *Яценко И. В.* Скифия VII—V вв. до н. э. // ТГИМ. 1959. Вып. 36. С. 98; *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М., 1979. С. 112—115, 191; *Артамонов М. И.* Этногеография Скифии // Учен. зап. ЛГУ. 1949. № 85. Сер. ист. наук. Вып. 13. С. 170; *Kothe H.* Die königlichen Skythen und ihre blinden Knechte // Veröffentlichungen des Instituts für Orientalforschung. Berlin, 1968. Bd. 69. S. 99.
- ¹² *Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Указ. соч.; *Нейхардт А. А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. С. 138.
- ¹³ Подробнее см.: *Членова Н. Л.* Предыстория торгового пути Геродота // СА. 1983. № 1. С. 48, 55.
- ¹⁴ Все цифровые данные взяты из уже упоминавшейся книги В. С. Патрушева «Марийский край...».
- ¹⁵ Подсчеты сочетаний предметов в погребениях произведены по: *Патрушев В. С., Халиков А. Х.* Указ. соч. Планиграфия погребений дана по: *Патрушев В. С.* Указ. соч.
- ¹⁶ *Збруева А. В.* Указ. соч. Табл. XXIX, XXX; *Халиков А. Х.* Очерки... Табл. XI, XIII, 6, XIV, 1, XIX, 4, 5; *Он же.* Волго-Камье...
- ¹⁷ *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР. М., 1948; *Трофимова Т. А.* Антропологический тип населения ананьинской культуры // КСИИМК. 1941. Вып. 9; *Акимова М. С.* Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968; *Алексеев В. П.* К палеоантропологии ананьинской культуры // СЭ. 1981. № 4.
- ¹⁸ *Мачинский Д. А.* О времени первого активного выступления сарматов Приднепровья по данным письменных свидетельств // АСГЭ. Л., 1971. 13. С. 31. Карты 1 и 2.
- ¹⁹ *Членова Н. Л.* Предыстория... С. 52, 53. Рис. 4.
- ²⁰ *Исмагилов Р. Б.* Завершение раскопок Гумаровской группы // АО 1980 г. М., 1981. С. 134, 135; *Он же.* Отчет за 1979 г. и за 1980 г. // Арх. ИА. Р—1. Д. 7426; Р—1. Д. 7624. Благодарю Р. Б. Исмагилова за рисунки стрел и разрешение их опубликовать. Бляшки-олени опубликованы: *Исмагилов Р.* Каменная стела и золотые олени из Гумарово // Скифо-сибирский мир. Новосибирск, 1987.
- ²¹ *Исмагилов Р. Б.* К вопросу о памятниках гумаровского типа в Восточной Европе // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986.
- ²² *Членова Н. Л.* Скифский олень // МИА. 1962. № 115; *Абаев В. А.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1979. Т. 3. С. 11—14.
- ²³ *Черников С. С.* Загадка Золотого кургана. М., 1965. С. 30.
- ²⁴ *Савинов Д. Г., Членова Н. Л.* Западные пределы распространения оленьих камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности // Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978. С. 94.

И. С. МАНЮХИН

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ПОЗДНЕКАРГОПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В литературе нет единого представления о позднекаргопольской культуре и ее хронологии. М. Е. Фосс считала, что памятники VI—V вв. до н. э. в Каргополье оставлены продвинувшимися сюда племенами из чамско-ветлужского района¹. С. В. Ошибкина полагает, что позднекаргопольская культура возникла в конце II тысячелетия до н. э. на основе местной культуры эпохи бронзы, пока еще плохо изученной. Ананьинская культура оказала на нее незначительное влияние на позднем этапе². Оба исследователя считают, что в V—IV вв. до н. э. из-за ухудшения климатических условий жизнь на позднекаргопольских поселениях прекращается. Л. А. Голубева высказала мнение, что позднекаргопольские древности доживают до культуры летописной веси³. М. Г. Косменко пришел к выводу, что в юго-восточной Карелии позднекаргопольская культура возникла в результате взаимодействия местных племен с сетчатой керамикой и пришлому ананьинского населения приблизительно в середине I тысячелетия до н. э. Последняя точка зрения хорошо аргументирована, но в основе ее — комплексы карельских по-

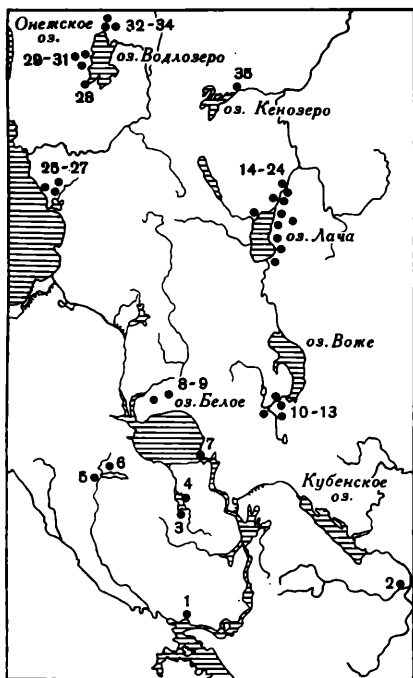

Рис. 1. Карта памятников позднекаргопольской культуры

- 1 — Торово; 2 — Векса Г; 3 — Яковлево; 4 — Остров Перховта; 5 — Андозеро II; 6 — Андозеро III; 7 — Пески; 8 — Водоба I; 9 — Водоба II; 10 — Селище; 11 — Стрелка; 12 — Каравайха; 13 — Лисицынская; 14 — Маяк; 15 — устье Ольги; 16 — устье Ольженицы; 17 — Кубенино I—II; 18 — Кинема; 19 — Попово; 20 — Верхнее Веретье; 21 — Ковжа; 22 — Тихманьга; 23 — Ольский мыс; 24 — Сухое; 25 — Муромское III; 26 — Муромское IV; 27 — Муромское VII; 28 — Сомбома; 29 — Охтома I; 30 — Охтома II; 31 — Охтома III; 32 — Илекса III; 33 — Илекса V; 34 — Шеттима; 35 — Кенозеро

селений, которые являются только частью позднекаргопольского материала. Возникает необходимость рассмотреть с этих позиций коллекции из Белозерья и Каргопожья и попытаться уточнить хронологические рамки и содержание позднекаргопольских древностей этих районов (рис. 1).

К числу наиболее известных поселений здесь относятся Кинема, Кубенино I, Верхнее Веретье, Попово⁴, Селище, Кубенино II⁵, Яковлево⁶, где позднекаргопольские комплексы перемешаны с более ранними неолитическими. На Селище, кроме того, есть еще и позднесредневековый слой. Из находок наиболее многочисленна керамика. Типологически она легко отделяется от посуды каменного века и средневековья. По своим особенностям керамика эпохи железа распадается на две группы.

Первая группа представлена сетчатой керамикой, присутствующей во всех позднекаргопольских комплексах. На поселениях Архангельской и Вологодской областей сетчатая посуда составляет до 16,5% от общего количества⁷, со временем число ее уменьшается. Первая группа керамики генетически связана с сетчатой керамикой эпохи бронзы. Такая посуда в большом количестве обнаружена на стоянке в г. Белозерке, Ягорбской стоянке на р. Шексне, поселении Илекса на Куштозере⁸. Сетчатая керамика белозерско-каргопольского района близка посуде памятников Ленинградской обл. и Карелии. Это так называемая «ложно-текстильная» керамика, сетчатые отпечатки на которой нанесены гребенчатым штампом. Форма сосудов реконструируется в редких случаях. Известны сосуды полуяйцевидной (Усть-Рыбежна II), бомбовидной (Усть-Рыбежна II, Кинема, Суна VI) и усеченно-конической (Исады, Елменкоски) формы⁹. Основными видами орнамента являются ямочный и гребенчатый. Ямки неправильной формы с неровными краями и дном образуют один или несколько поясков в верхней части сосуда, но иногда опускаются и на тулово (рис. 2, 1). Изредка они накальвались с внутренней стороны. Подобный «жемчужный» орнамент встречен на керамике поселений Пичево, Сомбома I, Охтома I, III, Горелый мост VI в Карелии (раскопки М. Г. Косменко и Ю. А. Савватеева), Усть-Рыбежна II, Илекса на Куштозере и Ягорбской стоянке. Нередко пояски из ямок заменяются поясками различных вдавлений и наколов. Особенно характерен орнамент из ямок с наколами, насечками, отсками и короткой гребенки между ними. С ямками и наколами часто сочетаются узоры,

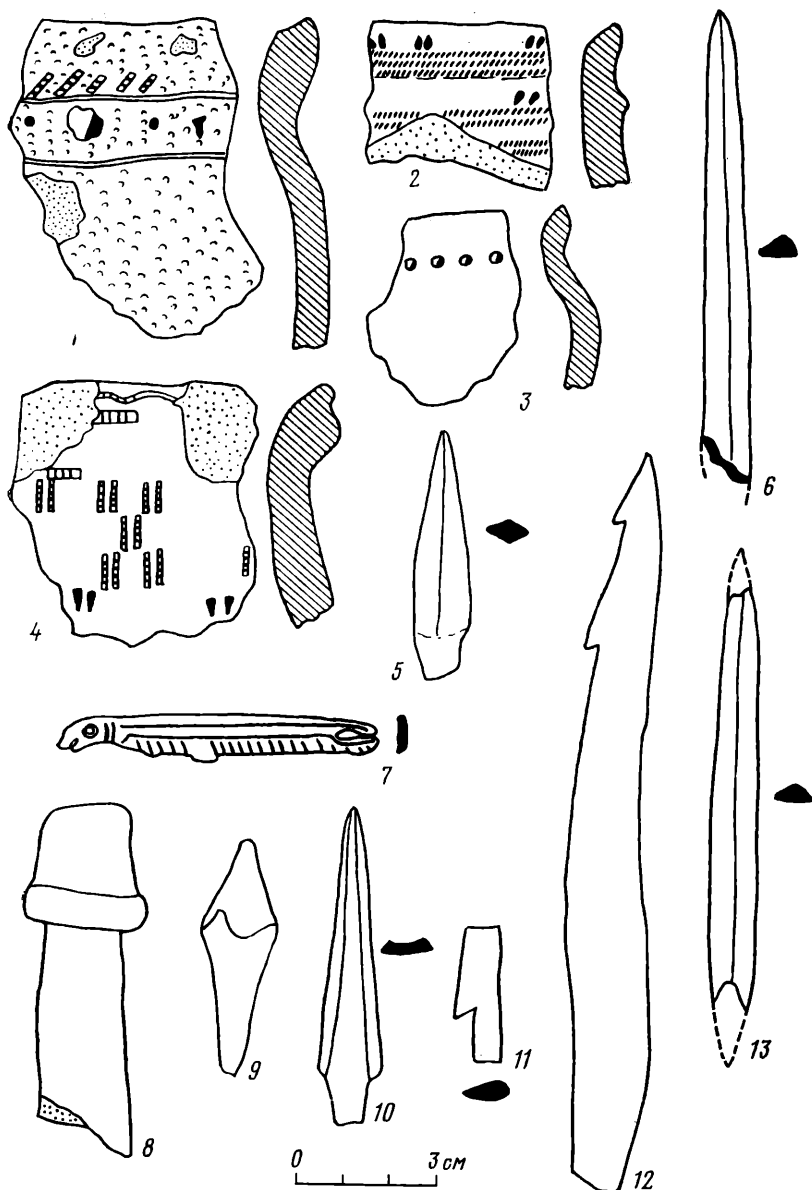

Рис. 2. Находки с позднекаргопольских поселений и поселения Малая Суна IX

1 — Малая Суна IX; 2, 3 — Кубенино; 4—6, 12, 13 — Верхнее Веретье; 7 — Водоба II; 8—11 — Селище; 1—4 — глина; 5, 6, 8—13 — кость; 7 — бронза

выполненные гребенчатым штампом. Часто встречаются горизонтальные зубчатые пояски, зигзаг, заключенный в рамку из этих поясков, косые параллельные отпечатки гребенчатого штампа¹⁰.

В Восточной Карелии и Каргопольско-Белозерском районе памятники с «чистой» сетчатой керамикой, судя по литературе, немногочисленны, полнее такая керамика представлена в позднекаргопольских комплексах, где сосуществует со шнуровой. В Ленинградской обл. и Западной Карелии, которые не входили в ареал позднекаргопольской культуры, таких памятников много. По времени некоторые из них частично синхронны позднекаргопольским. Комплекс с поселения Кудомы XI по кельту акко-зинско-меларского типа можно датировать VIII—VI вв. до н. э.¹¹, а комплекс поселения Елменкоски по форме для отливки кельта — 400—200 гг. до н. э.¹²

Для второй группы керамики характерны отски шнура в орнаментации, наличие валиков и воротничков. Такая посуда была широко распространена в Поволжье и Прикамье с ананьинского времени. На всех поселениях позднекаргопольской культуры она сосуществует с сетчатой и, по-видимому, одновременна ей. Об этом свидетельствуют гибридные типы сосудов: на сетчатой керамике появляются валики и воротнички, керамика ананьинских типов приобретает плоское дно, примесь песка и дресвы, сетчатую поверхность¹³.

Керамика второй группы первоначально была, вероятно, чашевидной. Известны миниатюрные сосуды такой формы из Водобы, Селища, Верхнего Веретья, украшенные отсками шнура¹⁴. Форма их копировала форму крупных сосудов. Количество шнуровой керамики на позднекаргопольских поселениях невелико, в среднем составляет 7—8%. Лишь в отдельных случаях она достигнет 20—25% общего количества керамики в комплексах¹⁵. Как правило, представлены отпечатки шнура правого витя. Орнаментальные композиции довольно однообразны. Отски веревочки располагаются зонами по несколько рядов (чаще всего по три), пространство между ними заполнено ямками, отсками короткого гребчатого штампа или двузубого штампа (рис. 2, 2). Наряду с разделенными есть и неразделенные шнуровые композиции, которые сплошной зоной покрывают верхнюю часть сосуда. Узоры в виде волнистой линии редки.

Разреженные шнуровые композиции типичны для развитого и позднего периодов ананьинской культуры¹⁶, воротничок характерен для прикамской посуды, на которой он появляется в VI в. до н. э.¹⁷ Исходя из этого, шнуровую керамику нельзя отнести ко времени ранее VI в. до н. э. Вероятно, восточное происхождение имеет и керамика, в орнаментации которой шнуровые отски заменены отсками гребенки, поясками протраченного штампа или каннелюрами¹⁸. Часть фрагментов керамики трудно отнести к какой-либо из указанных групп. Это неорнаментированные сосуды и сосуды с простыми узорами, имевшими широкое распространение (рис. 2, 4). Учитывая это, можно предположить, что восточный компонент в позднекаргопольской керамике был, по-видимому, более значительным. При этом напомним, что даже в собственно ананьинских памятниках количество шнуровой керамики подчас невелико, особенно в Поволжье¹⁹. Так, на поселении Казанка I такая посуда составляет 7,1% керамического комплекса, на Маклашевском городище и Нижнеуслонском поселении — 9,5%. Большая часть ананьинской посуды орнаментирована гребенкой и ямками.

Своеобразие позднекаргопольской посуды заключается в сосуществовании, взаимопроникновении и смешении двух типов керамики, в результате чего появляются керамические комплексы, которые в целом отличаются от сетчатой и ананьинской посуды. Возникают оригинальные узоры в виде поясков протраченного штампа, каннелюр, сложных композиций из коротких отсков гребенки. Разнообразны и широко представлены отски двузубого штампа.

Возникновение позднекаргопольской культуры связано, вероятно, с проникновением в Белозерско-Каргопольский район и юго-восточную Карелию ананьинских племен. Речь здесь не может идти о заимствовании или влиянии, поскольку керамика на данной территории в рассматриваемое время не служила предметом обмена или торговли. Стиль орнаментации в силу устойчивости традиций также не мог быть предметом заимствования. Такая точка зрения соответствует мнению А. Х. Халикова и других авторов, что в конце VI—V в. до н. э. ананьинские племена покинули Поволжье и устремились в Поветлужье и далее на север²⁰. Причину этого передвижения следует искать, может быть, в резком усилении давления со стороны степных племен. Керамика ананьинского типа появляется в это время в Архангельском Беломорье²¹ и в бассейне Вычегды²². Вещевой материал позднекаргопольских поселений не всегда можно выделить из-за перемешанности с остатками дру-

гих эпох. Прежде всего это относится к каменным и отчасти костяным изделиям. Позднекаргопольскими, может быть, являются каменные молоты с перехватом из стоянок Кинема и Кубенино I²¹, аналогии которым имеются на поселениях с сетчатой керамикой Карелии, Ленинградской обл. и Костромского Поволжья²⁴. Появляются они еще в неолите.

Костяные изделия сохранились только на позднекаргопольских памятниках бассейнов озер Лача и Воже. Рукояти ножей и шильев²⁵ находят многочисленные аналогии на городищах дьякова типа. Так, наиболее распространенные рукояти с грибовидным навершием (рис. 2, 8) считаются типично дьяковскими и датируются второй половиной I тысячелетия до н. э.²⁶ Рукояти с отогнутым навершием из стоянок Селище и Кубенино II датируются тем же или несколько более ранним временем. С. В. Ошибкина считает, что две рукояти с обломанными концами из Верхнего Веретья по ряду признаков могли иметь конусовидное навершие. Такие изделия также характерны для второй половины I тысячелетия н. э.²⁷

Большие гарпуны из трубчатых костей с одним или двумя зубцами, найденные на стоянках Селище и Верхнее Веретье (рис. 2, 12) и сложные однозубые гарпуны из Верхнего Веретья и Кубенино I известны на дьяковских и ананьинских памятниках. Последние относятся к раннему этапу дьяковской культуры и датируются временем не позднее IV—III вв. до н. э.²⁸ В Прикамье они найдены вместе со скифскими стрелами V—III вв. до н. э.²⁹

Игловидные и одноопишные наконечники стрел (рис. 2, 11), а также наконечники с биконической головкой появляются в эпоху камня, но представлены и на памятниках железного века лесной полосы. Тупые стрелы, найденные на стоянках Селище и Верхнее Веретье, широко распространяются только с начала эпохи железа (рис. 2, 9). Стрелы с прямоугольным и ромбическим поперечным сечением различных пропорций, с коротким черешком или без него, обнаруженные на ряде позднекаргопольских памятников (рис. 2, 6, 13), имеются и на поселениях ананьинской и дьяковской культур. В Поволжье и Прикамье они существуют от конца эпохи бронзы до средневековья³⁰. Наконечники с пером удлиненно-треугольной формы и более или менее четко выраженными уступчиками при переходе к черешку (Селище, Кубенино I, рис. 2, 10) также можно с уверенностью связывать с позднекаргопольскими комплексами.

На поселении Яковлево было найдено роговое кольцо с орнаментом из концентрических кругов³¹. Аналогии ему имеются в материалах Пижемского городища, которое датируется серединой I тысячелетия до н. э. или несколько более ранним временем³². Роговое кольцо с отверстием встречено на поселении Верхнее Веретье. Такое же кольцо, интерпретированное как пряслице, найдено на Щербинском городище³³.

Глиняные пряслица дисковидной формы найдены на позднекаргопольских поселениях Кубенино I и Водоба, а биконической формы — на поселениях Верхнее Веретье, Яковлево, Кенозеро и Стрелка на р. Модлоне. Первые появляются в начале эпохи железа и бытуют долгое время, вторые представляются более поздними. В погребениях Старшего Ахмыловского могильника биконические пряслица характерны для VI в. до н. э.³⁴, а в Прикамье существуют с рубежа нашей эры и широко бытуют в более позднее время.

Из металлических изделий сохранилось только несколько вещей. Наиболее известен типичный аккозинско-меларский кельт со стоянки Кинема³⁵. Такие кельты изготавливались, вероятно, в Среднем Поволжье и были распространены от Скандинавии до Урала. Датируются они VIII—VI вв. до н. э.³⁶ На поселении Водоба II найдена бронзовая фигурка (рис. 2, 7), определенная как изображение рыбы с птичьей головой. Думается, что в этом предмете скорее следует видеть образ лося. Бляшки с изображениями лосей широко распространены в Прикамье в гляденовское время, но существуют и позднее. Прикамский характер из-

деля подтверждает и анализ металла, из которого сделана эта вещь³⁷. В литературе есть упоминание о находках двух железных ножей на стоянке Ольский мыс³⁸. Таким образом, в позднекаргопольских комплексах есть вещи, которые можно связать, с одной стороны, с сетчатой керамикой, а с другой — с керамикой, ведущей свое происхождение из Поволжья и Прикамья.

Возникнув в конце VI—V вв. до н. э. в результате контакта племен с сетчатой керамикой и ананьинцев, позднекаргопольская культура продолжала существовать длительное время. В Карелии она существует до V—VI вв. н. э. В Белозерско-Каргопольском районе с уверенностью можно говорить пока о второй половине I тысячелетия до н. э., а предположительно — и о более позднем времени. Ряд позднекаргопольских мотивов встречается на средневековой керамике белозерских вепсов³⁹.

- ¹ Фосс М. Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР // МИА. 1952. № 29. С. 118, 119.
- ² Ошибкина С. В. Краткая характеристика позднекаргопольской культуры // КСИА. 1975. Вып. 142. С. 21, 23, 24.
- ³ Голубева Л. А. К проблеме этногенеза веси // Древние славяне и их соседи. М., 1970. С. 146.
- ⁴ Фосс М. Е. Указ. соч. С. 206—232.
- ⁵ Брюсов А. Я. Отчет о работе Вологодской археологической экспедиции в 1959 году // Арх. ИА АН СССР. Р — 1. № 2066.
- ⁶ Ошибкина С. В. Стоянка Яковлево Вологодской области // СА. 1966. № 1. С. 165—169.
- ⁷ Ошибкина С. В. Краткая характеристика... С. 21.
- ⁸ Ошибкина С. В. Об изображениях птиц на керамике эпохи бронзы // КСИА. 1980. Вып. 161. С. 46, 47; Воеводский М. В., Збруева А. В. Участок по р. Шексне // Археологические работы академии на новостройках в 1932—1933 гг. М.; Л. 1935. Т. 1. С. 128, 129; Брюсов А. Я. Северная археологическая экспедиция // КСИИМК. 1949. Вып. 26. С. 28.
- ⁹ Гурина Н. Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР // МИА. 1961. № 87. С. 468, 469. Рис. 185, 186, 197; Фосс М. Е. Указ. соч. Рис. 40; Косменко М. Г. Двуслойное поселение в устье р. Суны // Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск, 1978. Рис. 3; Он же. Стоянка Елменоски на оз. Куйто // Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. Петрозаводск, 1980. Рис. 2, 7.
- ¹⁰ Косменко М. Г. Двуслойное поселение... Рис. 8, 13, 15; Гурина Н. Н. Указ. соч. Рис. 194, 195, 198.
- ¹¹ Косменко М. Г. Двуслойное поселение... С. 140.
- ¹² Косменко М. Г. Стоянка Елменоски... С. 106.
- ¹³ Ошибкина С. В. Краткая характеристика... С. 21.
- ¹⁴ Там же. Рис. 3, 3, 4, 5.
- ¹⁵ Она же. Стоянка Яковлево... С. 265.
- ¹⁶ Ишмурагова Г. Р. Керамика ананьинских поселений западных районов Татарии // СА. 1975. № 1. С. 51—54.
- ¹⁷ Ашишмина Л. И. Керамика ананьинских поселений Среднего Прикамья // Археологические памятники Северного Приуралья. Сыктывкар, 1985. С. 77.
- ¹⁸ Ошибкина С. В. Краткая характеристика... Рис. 1, 5, 9.
- ¹⁹ Ишмурагова Г. Р. Указ. соч. С. 57.
- ²⁰ Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа: VIII—VI вв. до н. э. М., 1977. С. 258.
- ²¹ Фосс М. Е. Указ. соч. С. 120—123.
- ²² Буров Г. М. Древний Синдор. М., 1967. С. 122, 127.
- ²³ Фосс М. Е. Стоянка Кубенино // СА. 1937. № 5. Табл. III, 3; Она же. Стоянка на оз. Лача в устье р. Кинемы // КСИИМК. 1947. Вып. 14. Рис. 11, 19, 28.
- ²⁴ Косменко М. Г. Двуслойное поселение... Рис. 5, 9, 10; Гурина Н. Н. Указ. соч. С. 96, 466.
- ²⁵ Ошибкина С. В. Костяные рукоятки из позднекаргопольских стоянок // СА. 1968. № 4. С. 249—253.
- ²⁶ Дубынин А. Ф. Щербинское городище // Дьяковская культура. М., 1974. С. 224.
- ²⁷ Розенфельдт И. Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974. С. 101.
- ²⁸ Смирнов К. А. Дьяковская культура // Там же. С. 35.
- ²⁹ Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30. С. 237—239.
- ³⁰ Халиков А. Х. Указ. соч. С. 205.
- ³¹ Ошибкина С. В. Стоянка Яковлево... Рис. 1, 20.
- ³² Збруева А. В. Указ. соч. С. 299.
- ³³ Дубынин А. Ф. Указ. соч. С. 223.
- ³⁴ Патрушев В. С. Марийский край в VIII—VI вв. до н. э. Йошкар-Ола, 1984. С. 101.
- ³⁵ Збруева А. В. Указ. соч. Рис. 57, 1.
- ³⁶ Кузьминых С. В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. М., 1983. С. 84.
- ³⁷ Цветкова И. К. Неолитические поселения в районе Белого озера // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961. С. 47.
- ³⁸ Овсянников О. В., Григорьева Г. В. Железоплавильный горн на стоянке Ольский мыс // КСИА. 1964. Вып. 102. С. 22—24.
- ³⁹ Голубева Л. А. Веси и славяне на Белом озере в X—XIII вв. М., 1973. С. 152, 153.

СКИФСКИЕ РИТУАЛЬНЫЕ СОСУДЫ

В скифских курганах IV в. до н. э. среди сопроводительного инвентаря погребений неоднократно были встречены металлические сосуды с шаровидным туловом и расширяющимся кверху горлом. В литературе эти сосуды получили название круглотелых (округлых, шаровидных) кубков.

М. И. Ростовцев определил подобные сосуды как ритуальные и votивные и сравнивал их форму с формой арибалла. Происхождение таких сосудов он связывал с глиняными сосудами скифской архаики, имевшими резной орнамент¹. В. А. Ильинская пришла к выводу о заимствовании их формы в предскифский период от лесостепного населения. Эта форма после определенного развития и доработки волилась в скифскую культуру и нашла свое завершение в металлических изделиях IV в. до н. э.² Исследователь отмечает специфичность круглотелых кубков для скифского мира. Того же мнения по поводу предскифских корней этих сосудов придерживается С. С. Бессонова³.

К точке зрения М. И. Ростовцева присоединились все исследователи, занимавшиеся вопросами, связанными с металлическими круглотелыми кубками, несмотря на разногласия по поводу места их изготовления. А. И. Мелюкова, не отрицая сходства между глиняными сосудами предскифского времени и скифской архаики, с одной стороны, и металлическими сосудами IV в. до н. э. — с другой, указывает, однако, что они разделены почти двухвековым интервалом. Это, а также отсутствие возможных прототипов в одновременных памятниках на смежных территориях, не позволило ей считать вопрос о зависимости металлических кубков от местных глиняных форм окончательно решенным⁴.

Мнение М. И. Ростовцева о ритуальной принадлежности круглотелых сосудов, которые находятся в руках персонажей на различных изображениях, трактуемых им как ритуальные сцены, также получило поддержку. Как ритуальные рассматривал их М. И. Артамонов⁵. С. С. Бессонова определила округлые сосуды на изображениях как «атрибут ситуации, как сосудов для возлияний, роль которого связана с культом священного напитка, а уже через него с широким кругом представлений»⁶. В. А. Ильинская видела в круглотелых кубках священные чаши скифских этногенетических преданий⁷, хотя последние названы Геродотом фиалами и связывались им как со скифами, так и с греками (через Геракла), что уже исключает специфичность их для скифского мира. У Геродота отмечается также ношение фиал на поясе и металл как материал, из которого они были изготовлены. Скифские же металлические круглотелые кубки появляются лишь в IV в. до н. э. В более раннее время существуют, как уже говорилось, только глиняные сосуды близкой формы, что делает отождествление фиал с круглотелыми кубками недостаточно справедливым. Наиболее полные сведения о круглотелых кубках представлены в работе А. И. Мелюковой, где автор выделяет среди них три типа⁸. Таким образом, сосуды, объединяемые исследователями определением «круглотелые (округлые, шаровидные) кубки», имеют несколько разновидностей, на двух из которых хотелось бы остановиться.

I группа (рис. 1, А). Сосуды с раструбообразным горлом, плавно расширяющимся к отогнутому наружу венчику, и округлым туловом. Они составляют большинство в сравнении с другими группами (курганы Куль-Оба — 3 экз., Солоха — 3 экз., Чмырева Могила — 1 экз., Рыжановка, курган 4 — 1 экз., Волковцы, курган 1 — 1 экз., Чертомлык — 1 экз., Частые курганы — 1 экз., Гайманова Могила — 2 экз.)⁹. Именно в этой форме исследователи видят скифский вариант сосудов, похожий на глиняные лесостепные сосуды скифской архаики или восходящей к ним, но

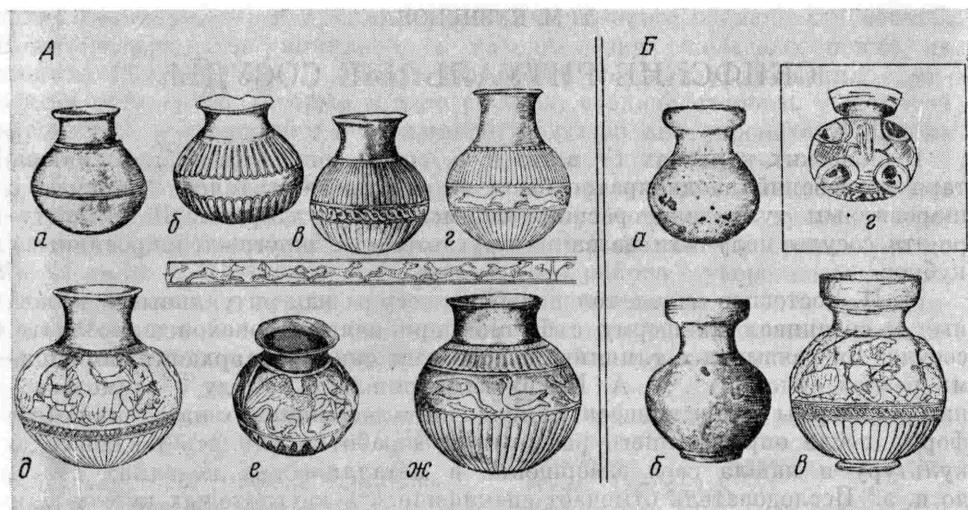

Рис. 1. Сосуды I и II групп

А — металлические сосуды I группы: а, в — село Волковцы, курган 1; б — Чмырева могила, курган; г — село Рыжановка, курган 4; д — Частые курганы, е — Солоха, курган; ж — Куль-Оба, курган.

Б — металлические сосуды II группы: а — Толстая Могила, курган; б — Чмырева Могила, курган; в — Куль-Оба, курган; г — коринфский арибалл (Ольвия, некрополь, могила 30, раскопки 1940 г., глина)

оторванный от последних почти двухсотлетним интервалом. Круглотелые кубки этой группы в основном круглодонные. Лишь сосуды из Гаймановой Могилы имеют поддон.

II группа (рис. 1, Б, а—в). Сосуды, включенные в эту группу, имеют также округлое тулово, но более низкое и широкое горло, переходящее в так называемый лекифообразный венчик (курганы Чмырева Могила — 2 экз., Куль-Оба — 1 экз., Толстая Могила — 1 экз., Красный Подол — 1 экз., Краснокутский курган — 1 экз.)¹⁰. Сосуды II группы, как правило, имеют поддон (круглое дно только у «кубка» из Толстой Могилы).

Происхождение круглотелых кубков II группы определяется различно. А. П. Манцевич относил их к изделиям фрако-македонских мастеров¹¹. Н. А. Онайко рассматривала такие сосуды как результат «добавления лекифообразного венчика к северопричерноморской форме сосудов со сферическим туловом и раструбообразным горлом»¹², т. е. как слияние местной и греческой форм. А. И. Мелюкова предполагает появление рассматриваемых сосудов «из одного источника под воздействием одних и тех же прототипов»¹³. Следует иметь в виду, что сосуды этой группы появляются на скифской территории только в IV в. до н. э. и не имеют полных аналогий в инокультурных памятниках. Последнее может свидетельствовать если не о различиях в истоках происхождения «кубков» этих двух групп, то о различиях в их назначении. Появление новой формы могло быть вызвано новыми потребностями культовой практики скифов.

Среди сосудов I группы много с сюжетными и орнаментальными сценами (рис. 1, А; 2, а, б). При единстве формы они имеют различную орнаментацию, расположенную только на тулове. В кургане Куль-Оба обнаружено три таких сосуда, на одном из которых изображены «утки, вылавливающие рыб», на двух других — «сцены терзания копытных животных хищниками»¹⁴. Сосуд из кургана Солоха украшают изображения «сфинксов», из кургана 4 у села Рыжановка — изображения «бегущих хищников»¹⁵.

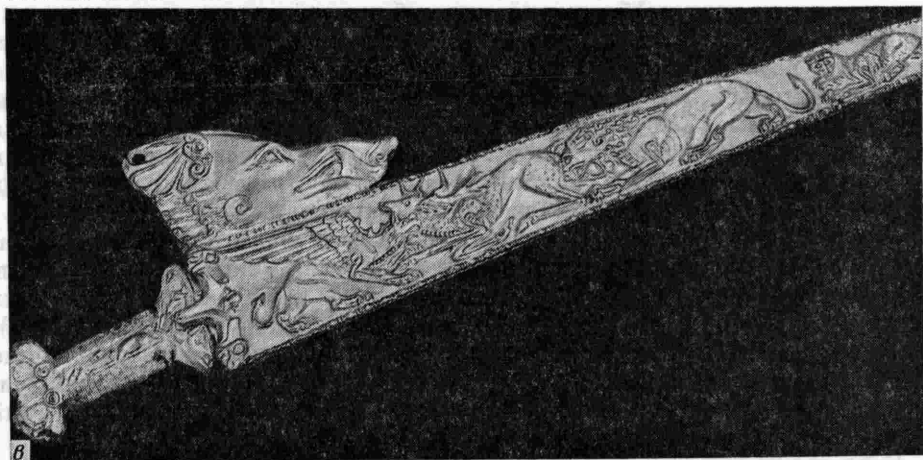
Все эти зооморфные и зооморфизированные изображения объединяются единой символикой, связанной с «миром смерти в его различных ипо-

а

б

в

г

Рис. 2. Изображения «сцен терзания»

а, б — на сосудах I группы, Куль-Оба, курган; в, г — на ножнах мечей: в — село Большая Белозерка, курган; г — Толстая Могила, курган

стасях», где сцены терзания трактуются как «метафорическое обозначение смерти», как «своего рода изобразительный эквивалент жертвоприношения», совершаемого во имя продолжения жизни¹⁶.

Не противоречит этой общей смысловой направленности изображений на сосудах I группы и сосуд из Частых Курганов, на котором представлены сцены с антропоморфными изображениями, отождествляемые с

«мифологическими сюжетами»¹⁷. По наблюдению Е. А. Савостиной, оружие на боспорских надгробиях изображается опущенным острием вниз. Это привело исследователя к мысли о специфичности символики оружия в погребальной тематике античности, подтверждающейся сведениями из Вакхилида: «Оплакивающие держат копья острием не вверх, а вниз, потому что на похоронах у древних все делалось наоборот»¹⁸. На сосуде из Частых Курганов все оружие, в том числе копья, изображено опущенным «рабочей частью» вниз. Исключение составляют только гориты, висящие на скифских поясах в «нейтральном» положении. Связь этого сосуда с погребальным культом несомненна, так как он обнаружен в кургане. Общепризнанным считается и то, что этот сосуд, как и большинство произведений торевтики, происходящих из скифских курганов, делали греческие мастера в городах Северного Причерноморья, возможно в Пантикапее¹⁹. Все это, вероятно, свидетельствует об общих мотивах, приведших к изображению оружия (копий) на надгробиях и на рассматриваемом сосуде опущенным «рабочей частью» вниз — стремлением подчеркнуть связь этих изображений с загробным миром.

Таким образом, не исключено, что символика изображений на сосудах, более всего связанная с символикой потустороннего мира, символикой смерти, определяет и сами эти сосуды как символы смерти, символы жертвенного акта. Рассматривая семантику изображения сцен терзания на предметах вооружения, Д. С. Раевский отметил популярность среди мотивов декора скифского оружия этого сюжета, трактуемого как символ смерти во имя жизни, как символ жертвоприношения²⁰.

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что сцены «терзания копытных животных хищниками» на ножнах скифских мечей IV в. до н. э. часто являются единственным изображением на них (рис. 2, в, г), как и на сосудах рассматриваемой группы (рис. 2, а, б). Если учесть, что ножны являются футляром для меча и непосредственно с ним связаны, то сцены, изображенные на ножнах, можно рассматривать как отображение смертоносной сущности самого предмета, который у скифов являлся вещественным воплощением «бога Ареса».

Сходство символики на ножнах мечей с символикой на металлических сосудах, отмеченное для IV в. до н. э., позволяет предположить, что подобное совпадение орнаментики в этот период скифской истории не случайно, а вызвано, видимо, адекватной смысловой значимостью у скифов как меча, так и сосудов рассматриваемой группы. Предназначение и роль меча, который прежде всего являлся оружием, т. е. средством убийства, хорошо известны. И если символика на ножнах отражает смертоносную сущность предмета, хранимого в них, то и символика на сосудах может рассматриваться как отражение смертоносной сущности обряда, связанного с кровавыми человеческими жертвоприношениями. Как справедливо отметил Д. С. Раевский, семантика вещи и ее ритуальная функция нередко дублируются в декоре самой вещи²¹. Поэтому не исключено, что «круглотелые кубки» I группы могли участвовать в ритуалах, связанных с жертвоприношениями.

О такого рода ритуале сообщает Геродот, упоминая об использовании сосуда в обрядах, связанных с ежегодными человеческими жертвоприношениями, посвященными «древнему железному акинаку», который являлся «изображением Ареса», одного из скифских божеств: «Полив головы (пленных) вином, они закалывают людей над сосудом и затем, подняв его вверх на кучу хвороста, выливают кровь на акинак» (Herod., IV, 62). Важно, что этот сосуд, названный Геродотом ἄγγος, является единственным, связываемым им с каким-либо определенным скифским божеством. Геродот в скифском рассказе упоминает этот сосуд только один раз, к сожалению, без пояснения, которое помогло бы точно восстановить его форму. Перевод термина «ἄγγος» дает нам несколько значений, среди которых, помимо приведенного выше слова «сосуд», дающего обобщающее значение «вместилища для жидкости»²², имеется и еще два: «кувшин», «жбан»²³. Если учесть, что «кувшин — это срав-

нительно высокий бочковатый сосуд с ручкой и носиком, иногда с крышкой; урна»; «высокий округлый сосуд с ручкой»²⁴ или «высокий, суживающийся кверху сосуд с ручкой и носиком»²⁵, а «жбан — это сосуд в виде кувшина с крышкой»²⁶, то вырисовывается форма некоего округлого, суживающегося кверху сосуда с крышкой (или без нее), носиком (или без него) и ручкой. Археологические находки как времени Геродота, так и скифской архаики свидетельствуют, что в скифских комплексах не обнаружены сосуды, полностью удовлетворяющие приведенным выше определениям.

Единственными сосудами, известными в Скифии, которые больше, чем другие, соответствуют искомой форме, т. е. имеют округлое тулово и сужающееся кверху горло, и являются так называемые «округлые (круглотелые, шаровидные) кубки».

Из сообщений Геродота известно, что святилища Ареса у скифов представляли собой высокие кучи хвороста длиной и шириной в три стадии, а высотой несколько меньше. Наверху такой кучи, составленной из повозок хвороста, на ровной четырехугольной площадке, ограниченной тремя обрывистыми сторонами, находился древний акинак, которому была посвящена кровь пленных. Эту кровь в сосуде-ангосе доставляли паверх с четвертой, доступной для восхождения стороны, где ее и выливали на акинак (*Herod.*, IV, 62).

Круглотелые кубки I группы в большинстве своем круглодонны, что указывает, по всей вероятности, на отсутствие необходимости устанавливать куда-либо эти сосуды. Их относительная узкогорлость была достаточно удобной и для наполнения сосудов, и для того, чтобы благополучно поднять в таком сосуде жертвенную кровь пленных на высокую и, возможно, не совсем устойчивую кучу хвороста, на вершине которой был установлен акинак.

По мнению исследователей, бог Арес во времена Геродота у греков «был известен в основном как необузданное и жестокое божество войны, насильственной и потому неестественной смерти». Важно отметить, что, по наблюдению С. С. Бессоновой, в IV в. до н. э. прослеживается тенденция к превращению этого божества в одно из главных божеств скифского пантеона²⁷.

Все это дает возможность предположить, что скифский «ангос» упоминаемый Геродотом, мог быть близок круглотелым кубкам I группы. Однако сущность термина «'αγγος», по всей видимости, связана с функциональным назначением сосуда, а не с его формой, которая могла, вероятно, быть различной. Отсюда и представляется важной предложенная трактовка изображений на сосудах рассматриваемой группы («сцены терзания копытных хищниками», «утки, вылавливающие рыб», «хищники», «сфинксы» и даже «мифологический сюжет»), объединяющихся символикой потустороннего мира, смерти, жертвоприношения. Такая трактовка дает ключ к разгадке ритуальной функции круглотелых кубков, с одной стороны, и реконструкции формы сосудов, названных Геродотом «ангос», — с другой. Косвенным подтверждением этому может являться и употребление Софоклом (современником Геродота) термина «'αγγος» для определения урны для праха²⁸.

Но круглотелые кубки не встречаются в скифских могилах V в. до н. э., т. е. в памятниках того времени, к которому относятся сведения Геродота об «ангосе». Возможно, участвуя в ритуале Ареса, такие сосуды не входили в число атрибутов скифского погребального обряда, чем, видимо, и объясняется перерыв между глиняными формами архаики и металлическими сосудами IV в. до н. э. Появление последних в погребальных памятниках IV в. до н. э. может быть связано с изменением или расширением их роли в скифской религиозной обрядности.

Присутствие подобных сосудов в руках персонажей в сценах религиозного характера и наличие на однотипных сосудах различных изображений, объединенных общей символикой, возможно, свидетельствует о том, что подобные сосуды, связанные в предшествующее время только

с культом Ареса, в IV в. до н. э. становятся уже символами кровавых человеческих жертвоприношений скифским божествам.

Конкретизация этих божеств для IV в. до н. э. затруднительна. Но некоторые сопоставления можно предположительно провести, исходя из различий в знаковых выражениях, составляющих орнаментацию круглотелых кубков I группы. Сопоставление изображений со сценами «терзания копытных животных хищниками» на ножнах мечей, связанных с акинаком — воплощением Ареса, и сосудах позволяет предположить, что последние, видимо, можно рассматривать как символы жертвоприношения этому божеству.

Изображения «уток» на одном из куль-обских сосудов уже трактовались Д. С. Раевским как символика Таргитая, а «шаровидные кубки» — как его культовые атрибуты²⁹. Исследователь не учел, однако, два момента на этих изображениях: присутствие на нем рыб и акт ловли рыб «утками» (сцена терзания), которые и в отдельности, и в совокупности подчеркивают принадлежность всего сюжета к символике загробного мира. Если трактовка «уток», предложенная Д. С. Раевским, верна, то этот сосуд, в силу изложенных выше соображений, можно рассматривать как символ жертвоприношения Таргитаю.

Предлагаемая интерпретация круглотелых кубков I группы позволяет объяснить как общую символику сосудов, объединяющуюся единой формой, так и отдельные сюжеты на некоторых из них. Соотношение этих сосудов с «ангосом» Геродота дает возможность объяснить и ритуальную роль круглотелых кубков в скифских обрядах, и их отсутствие в погребальных памятниках между VI и IV вв. до н. э., и предположительную реконструкцию «ангоса», участвовавшего в ритуале Ареса.

Сосуды II группы (рис. 1, Б, а—в) безусловно определяются как атрибуты погребального обряда скифов, однако их роль в этом обряде остается пока недостаточной определенной. К этой группе относится только один орнаментированный кубок, происходящий из кургана Куль-Оба, с изображениями скифов на тулове. Этот сосуд в силу того, что на нем имеются антропоморфные изображения, всегда рассматривался в совокупности с сосудом из Частых Курганов, также имеющим изображения скифских воинов. Сюжеты изображений на обоих сосудах трактовались в разное время различно: от бытовых сцен из скифской жизни до скифских этногенетических преданий, воплощенных изобразительными средствами. При некотором сходстве изображения на этих сосудах имеют и много различий, на которые уже обращал внимание Д. С. Раевский. Очень важным представляется различие в расположении оружия. Если на сосуде из Частых Курганов оно обращено «рабочей частью» вниз, то на куль-обском сосуде оружие в руках у скифов располагается «рабочей частью» вверх. Круглотелые кубки I и II групп отличаются друг от друга, таким образом, не только по форме, но и по символике орнамента, причем последняя, возможно, противопоставляет их друг другу. Отмеченное противопоставление изображений, связываемое с противопоставлением «жизнь» — «смерть», возможно, подтверждает для сосуда из кургана Куль-Оба (II группа) высказанное Д. С. Раевским мнение, что эта символика, выражающая идею обожествленного происхождения земной власти скифских царей, была призвана отобразить наличие у скифов сильной царской власти³⁰.

Круглотелые кубки II группы остаются, к сожалению, безымянными. Их неправомерно даже предположительно связать с «ангосом» Геродота, так как появляются они в Скифии только в IV в. до н. э., т. е. позже того времени, к которому относятся сведения, изложенные в Скифском логосе. Однако вслед за М. И. Ростовцевым их можно было бы именовать арибаллами в силу их близости последним (рис. 1, Б—2), если ввести в такое название уточнение, подчеркивающее и условность самого названия, и регион наибольшего сосредоточения, т. е. определить эти сосуды как «скифские арибаллы».

- ¹ *Ростовцев М. И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИАК. СПб., 1913. Вып. 49. С. 10; *Он же.* Воронежский серебряный сосуд // МАР. СПб., 1914. № 34. С. 83.
- ² *Ильинская В. А.* О священной чаше у скифов // Античные города Северного Причерноморья и варварский мир: Крат. тез. докл. Л., 1973. С. 14, 15.
- ³ *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. Киев, 1983. С. 103.
- ⁴ *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. М., 1979. С. 190.
- ⁵ *Артамонов М. И.* Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. Вып. 2. С. 129—171.
- ⁶ *Бессонова С. С.* Указ. соч. С. 104.
- ⁷ *Ильинская В. А.* Указ. соч. С. 13.
- ⁸ *Мелюкова А. И.* Указ. соч. С. 187—194.
- ⁹ Там же. С. 187.
- ¹⁰ *Онайко Н. А.* Античный импорт... С. 36—38; *Мозолевский Б. М.* Товста Могила. Киев, 1979. С. 142; *Полин С. В.* Захоронение скифского воина-дружинника у с. Красный Подол на Херсонщине // Вооружение скифов и сарматов. Киев, 1984. С. 113. Рис. 14, 2; *Мелюкова А. И.* Краснокутский курган. М., 1981. С. 98, 99. Рис. 30, 7.
- ¹¹ *Манцевич А. П.* К вопросу о торевтике в скифскую эпоху // ВДИ. 1945. № 2. С. 217, 218.
- ¹² *Онайко Н. А.* Указ. соч. С. 38.
- ¹³ *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. С. 192.
- ¹⁴ *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Л., 1966. Рис. 241, 242.
- ¹⁵ *Онайко Н. А.* Указ. соч. Табл. XXXI, 438, XXXII, 784.
- ¹⁶ *Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. М., 1985. С. 150, 153.
- ¹⁷ *Раевский Д. С.* Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея // СА. 1970. № 3. С. 90—97.
- ¹⁸ *Савостина Е. А.* К символике изображения лука из Востора // СА. 1983. № 4. С. 50.
- ¹⁹ *Ростовцев М. И.* Воронежский серебряный сосуд. С. 83, 84.
- ²⁰ *Раевский Д. С.* Модель мира... С. 153, 154.
- ²¹ Там же. С. 153, 154.
- ²² *Словарь русского языка.* М., 1961. Т. 4. С. 290; *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. 4. С. 280.
- ²³ *Древнегреческо-русский словарь.* М., 1958. Т. 1. С. 18.
- ²⁴ *Даль В.* Указ. соч. Т. 3. С. 240; *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1982. С. 275.
- ²⁵ *Словарь русского языка.* М., 1958. Т. 2. С. 191.
- ²⁶ *Словарь русского языка.* М., 1957. Т. 1. С. 645; *Даль В.* Указ. соч. Т. 1. С. 528.
- ²⁷ *Бессонова С. С.* О культуре оружия у скифов // Вооружение скифов и сарматов. С. 15, 16.
- ²⁸ *Древнегреческо-русский словарь.* Т. 1. С. 18.
- ²⁹ *Раевский Д. С.* О семантике одного из образцов скифского искусства // Новое в археологии. М., 1972. С. 67.
- ³⁰ *Раевский Д. С.* Скифский мифологический сюжет... С. 96.

Т. Б. БАРЦЕВА

БРОНЗОВЫЕ КИНЖАЛЫ СЕРЖЕНЬ-ЮРТА (ИТОГИ СПЕКТРОАНАЛИТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ)

Ведущими памятниками восточного варианта кобанской культуры на Северном Кавказе являются поселение и могильник у с. Сержень-Юрт в Шалинском р-не Чечено-Ингушетии. В результате многолетних раскопок под руководством Е. И. Крупнова здесь получен богатейший материал, который был систематизирован В. И. Козенковой¹.

Основным видом вооружения у восточных кобанцев как на первом, так и на втором этапе развития культуры были кинжалы. Большинство кинжалов первого хронологического этапа (X—VII вв. до н. э.) оказались либо целиком бронзовыми (I тип), либо биметаллическими (II тип). Многие из них были исследованы в кабинете спектрального анализа Института археологии АН СССР (далее КСА ИА). Результаты такого изучения (табл. 1) легли в основу настоящей статьи.

На раннем этапе культуры преобладали кинжалы кавказских форм. Исследованные кинжалы кавказских форм первого варианта I типа с подтреугольной формой клинка, линзовидным сечением и закругленным верхним краем, по которому иногда расположено от двух и более отверстий для крепления рукояти, в Сержень-Юртовском могильнике найдены в погр. 6 (рис. 1, 3), 16 (рис. 1, 2), 24 (рис. 1, 6), 37 (рис. 1, 5), 38

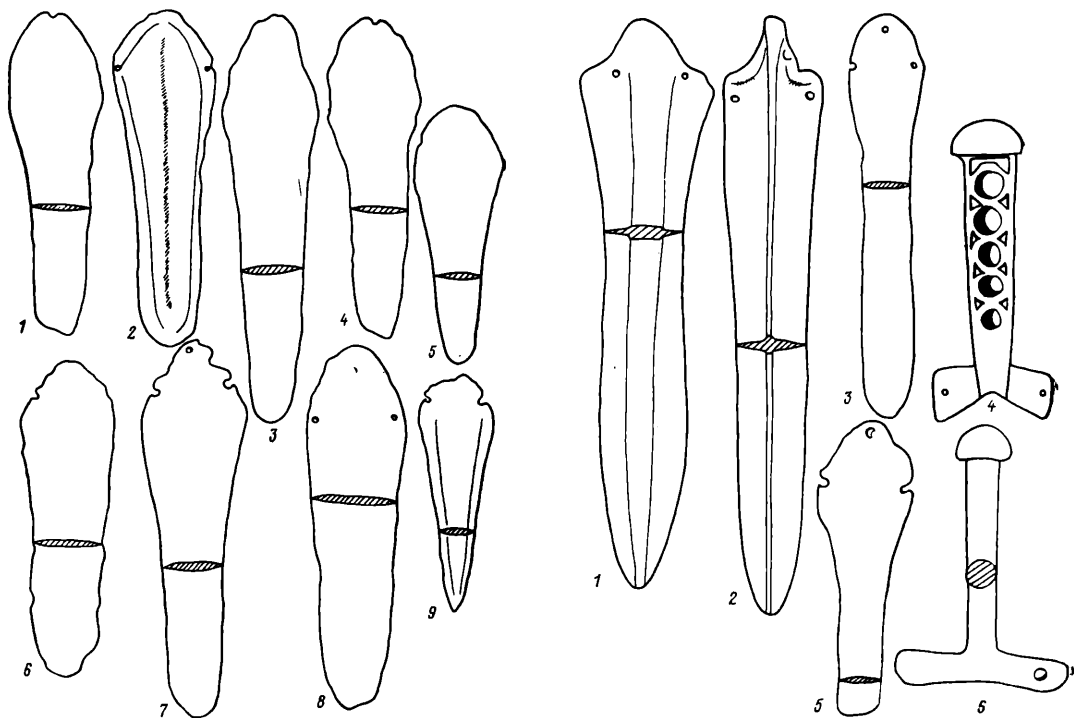

Рис. 1. Кинжалы из Сержень-юртовского могильника

1 — погребение 39; 2 — погребение 16; 3 — погребение 6; 4 — погребение 38; 5 — погребение 37; 6 — погребение 24; 7 — погребение 53; 8 — погребение 75; 9 — погребение 63

Рис. 2. Кинжалы из Сержень-юртовского могильника

1 — погребение 57; 2 — погребение 42; 3 — погребение 50; 4 — погребение 70; 5 — погребение 56; 6 — погребение 44

(рис. 1, 4), 39 (рис. 1, 1), 50 (рис. 2, 3), 53 (рис. 1, 7), 56 (рис. 2, 5), 63 (рис. 1, 9), 75 (рис. 1, 8). Несмотря на общее морфологическое сходство, кинжалы первого варианта имеют некоторые расхождения в оформлении (ребра на клинках из погребений 16, 63, рис. 1, 2, 9) и неустойчивость линейных размеров (от 10 до 17 см). Неоднороден и химико-металлургический состав их металла, но без какой-либо четкой взаимосвязи с теми или иными вариациями внешнего оформления. У семи клинков и заклепки от ручки клинка (№ 30.875) преобладает сложный сплав на медной основе с добавками олова, сурьмы и мышьяка, где олово обычно представлено в пределах от 1,5 до 10%, сурьма — от 0,35 до 1,2%, мышьяк — от 0,15 до 1,5%, а примесь свинца — в пределах от 0,04 до 0,4% (анализы № 11.714; 30.712; 30.724; 30.810; 30.835; 30.849; 30.875—30.876; рис. 1, 3, 4, 6—9; 2, 5). Три небольших кинжала из погр. 16, 39, 50 отлиты из оловянной бронзы, где олова — не выше 7—8%, сурьмы и мышьяка — ниже 0,3% (анализы № 30.720; 11.715; 30.731 — заклепка от ручки кинжала 11.715; 30.795; рис. 1, 1, 2; 2, 3). Кинжал из погр. 37 изготовлен из медно-оловянно-мышьякового сплава (олова — 2,5%, мышьяка — 0,6%, сурьмы — 0,035%, анализ № 11.679, рис. 1, 5).

Ко второму варианту относятся два массивных клинка с лезвием подтреугольной формы, центральной нервюрой и сложным сечением. У кинжала из погребения 42 выделен короткий прямоугольного сечения черешок, а из погр. 57 — небольшой овальный выступ на месте перехода клинка в рукоять с двумя сквозными отверстиями для крепления последней. Общая длина кинжалов достигает 23—25 см (рис. 2, 1, 2). Состав металла у кинжала из погр. 57 аналогичен выявленному для ведущей

Таблица 1
 Результаты спектрально-аналитического изучения кинжалов Сержень-Юрта

Шифр	Предмет, погрешение	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
11.679	Кинжал, п. 37	осн.	2,5	0,1	—	0,009	0,025	0,035	0,6	0,05	0,04	0,004	0,001—0,003
11.714	Кинжал, п. 38	»	6,0	0,15	—	0,002	0,03	0,9	1,5	0,08	0,04	0,005	0,001
30.712	» п. 6	»	7,0	0,06	0,007	0,003	0,025	0,35	0,75	0,01	0,06	0,001	0,001
30.720	» п. 16	»	8,0	0,2	0,05	0,004	0,02	0,2	0,2	0,05	0,05	0,02	0,001—0,003
30.724	» п. 24	»	9,0	0,4	0,005	0,008	0,03	1,2	0,8	0,001	0,004	—	0,001
30.731	Заклепка кинжала 11.715, п. 39	»	8,0	0,04	?	—	0,003	0,05	0,02	0,01	0,003	0,001	?
11.715	Кинжал, п. 39	»	7,0	0,08	0,08	?	0,025	0,01	0,015	0,008	0,05	0,007	0,001
30.765	» п. 42	»	10,0	0,01	—	0,002	0,015	2,2	0,06	0,002	0,05	0,02	0,001
30.795	» п. 50	»	7,0	0,5	0,005	0,004	0,015	0,09	0,3	0,01	0,08	0,009	0,001
30.810	» п. 53	»	9,0	0,04	?	0,0009	0,015	1,2	0,45	0,01	0,1	0,01	0,001
30.835	» п. 56	»	10,0	0,4	—	0,006	0,05	0,45	0,15	0,01	0,075	0,006	0,001—0,003
30.848	» п. 57	»	8,0	0,6	—	0,001	0,025	0,45	0,5	0,02	0,1	0,004	0,001
30.849	» п. 63	»	3,5	0,25	—	0,003	0,03	0,7	0,45	0,001	0,09	0,002	0,001
30.875	» п. 75	»	1,6	0,045	—	0,003	0,02	0,45	0,5	0,001	0,05	0,002	0,001
30.876	Заклепка кинжала 30.875, п. 75	»	0,8	0,02	—	0,002	0,006	0,45	0,25	0,07	0,03	0,001	0,001
30.855	Рукоять биметалл. кинжала, п. 70	»	7,0	0,04	—	0,003	0,015	0,9	0,06	0,01	0,09	0,009	0,001
30.767	» п. 44	»	5,0	0,02	—	0,002	0,05	0,08	1,5	0,001	0,2	0,007	0,001

группы 1 варианта (анализ № 30.848). Для клинка из погр. 42 отмечен бинарный оловянно-сурьмяный сплав на медной основе при концентрациях олова в 10% и сурьмы — 2,2% (анализ № 30.765).

Многообразие рецептуры для всех кинжалов I типа в сочетании с морфологическими вариациями позволяет предположить, что их производство было налажено в нескольких мастерских. При этом сложные оловянно-сурьмяно-мышьяковые бронзы не были характерны для местных производственных традиций².

Из известных восточным кобанцам сплавов (медно-оловянного и медно-оловянно-мышьякового) в исследованной серии отлиты всего четыре кинжала (анализы № 11.679; 11.715; 30.720; 30.795; рис. 1, 1, 2, 5; 2, 3). Существует мнение, что все кинжалы I типа являются наиболее архаичной формой оружия, многочисленные аналогии которой находят среди закавказских памятников³. Не исключено, что и рецепты с сурьмяными добавками у большинства кинжалов I типа также следует связывать с южными производственными традициями, где они зафиксированы у кинжалов с обоймами и прорезными набалдашниками (могильники Кедабек, Дыг, Ахмахи, Далегау, Еленендорф), и в древностях Западной Грузии (могильники Уреки, Эрети, Нигвзиани)*. В то же время более разнообразные наборы сержень-юртовских кинжальных бронз не позволяют признать их все закавказскими, равно как и местными изделиями. Поэтому вопрос о местах производства всей серии рассматриваемых кинжалов следует пока оставить открытым.

Наряду с кинжалами кавказских форм в Сержень-Юрте известны и кинжалы так называемого «кабардино-пятигорского» типа (3 экз.). Рукояти двух из них были исследованы (из погр. 44 и 70; анализы № 30.767; 30.855, рис. 2, 4, 6). Наиболее ранним считается цельнобронзовый кинжал с однородным кольчатый орнаментом на рукояти (вариант первый типа II, по В. И. Козенковой), датированный концом IX — первой половиной VIII в. до н. э.⁴ По химико-металлургическим показателям (оловянно-сурьмяная бронза: олово — 7%, а сурьма — 0,9%) он сходен с металлом клинка I типа из погр. 42. Кроме того, по составу меди сержень-юртовский кинжал сравнивался с рукоятями с кольчатым орнаментом из районов Прикубанья (погр. 50 могильника у хут. Кубанского), Кисловодска и Змейского поселения⁵ и более далекими находками со Средней Волги (Старший Ахмыловский, Полянский II могильники, Татарское Бурнашево). Полное совпадение с сержень-юртовским металлом обнаружено только у рукояти из Змейского поселения (КСА ИА, анализ № 30.883). Близки обе вещи и морфологически, что дает право считать их изделиями единого производственного центра. Сходная с ними рукоять из случайных находок в районе Кисловодска (КСА ИА, анализ № 11.640) отлита из более сложного тройного сплава, где, помимо олова (8%) и сурьмы (1,5%), отмечено до 1,5% мышьяка. Расширяется круг медно-оловянно-сурьмяных изделий за счет рукояти из Кубанского могильника, оформленной, однако, тремя рядами кольчатого орнамента (КСА ИА, анализ № 1068), и материалов средневожских памятников, морфологически также отличных от кавказских.

С. В. Кузьминых, изучивший металл рукоятей Старшего Ахмыловского и Полянского II могильников, отметил для них те же оловянно-сурьмяные сплавы. За изделия местного производства он принял только медный кинжал из Татарского Бурнашева и кинжал из погр. 55 Старшего Ахмыловского могильника, сделанные из оловянно-мышьяковой бронзы⁶. По мнению А. Х. Халикова, массовые находки в Среднем Поволжье биметаллических кинжалов предскифской поры свидетельствуют о тесных контактах ананьинского населения с югом Восточной Европы⁷. А. Х. Халиков и А. И. Тереножкин считают эти кинжалы средневожской продукцией⁸. Иначе думает Н. Л. Членова, полагая, что имело

* Все материалы кинжальных бронз, использованные в качестве фонового материала, находятся в архиве КСА ИА.

место продвижение носителей каменноостско-березовской культуры с Северного Кавказа на Среднюю Волгу⁹.

Решая вопросы производства, нельзя не учитывать химико-металлургические показатели, поэтому следует поддержать выводы С. В. Кузьминых об интенсивном торговом обмене ранних ананьинцев с Кавказом и о возможностях импорта кавказского оружия на Среднюю Волгу¹⁰. Поразительное сходство рецептуры (оловянно-сурьмяные бронзы) у всех сравниваемых локальных групп, очевидно, свидетельствует о наличии единого производящего центра, мастера которого исполняли по индивидуальным заказам наиболее эффективный вид оружия, получивший в начале железного века распространение в кобанских, протомеотских и ананьинских памятниках. Возможно, что металлообрабатывающие традиции центра были заимствованы из Закавказья (Восточное Закавказье, Западная Грузия), где подобные кинжальные сплавы отмечены для орудия периода железного века II и более ранних кинжалов, близких кинжалам I типа. Вывод о производстве биметаллических кинжалов с кольчатыми рукоятями в едином центре подтверждается сопоставлением их рецептурных схем с металлом синхронных биметаллических кинжалов с гладкими и рамочными рукоятями, происходящих с территории Восточной Европы и Северного Кавказа. Более ранняя дата (не позже конца IX в. до н. э.) для части кинжалов с территории Восточной Европы, предложенная А. И. Тереножкиным¹¹, не нашла поддержки у специалистов¹².

Изучен состав металла 12 кинжалов (17 анализов), среди которых клинки из случайных находок в Среднем Поднепровье, Головатыне, на Одешине (Гербино, Суворово), в Прикубанье (Николаевский могильник), Пятигорье (Кисловодск, Березовка), Кескеме, Ставрополье (Александровка) и Дагестане (Хосрех)¹³. В этой же группе (по хронологическому принципу) рассмотрены и два цельнобронзовых кинжала с черешковыми рукоятками без дополнительного оформления навершия и перекрестья из Высокой Могилы, погр. 5¹⁴, и из случайных находок в Киеве с навершием в виде фигурки кабана и двух птичьих головок на месте перекрестья¹⁵. Мечи с гладкими рукоятями из лесостепного Поднепровья, Головатына (КСА ИА, анализы № 19.667, 19.668) и два цельнобронзовых кинжала из погр. 5 Высокой Могилы и Киева (КСА ИА, анализы № 19.604; 19.979) попадают в единую геохимическую группу с высоким содержанием висмута, никеля, кобальта (сотые—десятые доли процента), мышьяка (от 0,6 до 4%), характерную для металла Тувы, Алтая, Казахстана¹⁶. Концентрации олова в их сплавах достигают 16%. Рецептурные вариации зависят от низких или высоких содержаний свинца, представленного в интервале от 0,1 до 6%, в результате чего кинжалы следует считать отлитыми либо из оловянно-свинцово-мышьяковых (Среднее Поднепровье, Высокая Могила), либо из оловянно-мышьяковых бронз (Киев, Головатыно). Скорее всего, отливку кинжалов данной группы следует связывать с деятельностью восточных производственных центров. О возможных путях проникновения в Восточную Европу из восточных областей наиболее ранних кинжалов карасукских форм (по Н. Л. Членовой) уже отражалось в литературе¹⁷.

Определенные соответствия в материалах тувинского кургана Аржан можно найти и для редких в Северном Причерноморье форм цельнобронзовых кинжалов из Высокой Могилы и Киева¹⁸. К группе восточных изделий принадлежит и бронзовый меч из Гербино, найденный на Одешине и относимый А. И. Тереножкиным к белозерской ступени. В отличие от рассмотренных выше он изготовлен из мышьяковой бронзы, где концентрации мышьяка поднимаются до 1% (КСА ИА, анализы № 26.431, 26.432) при пониженных содержаниях серебра (0,005, 0,008%). Среди всех исследованных северокавказских и восточноевропейских рукоятей полным аналогом его металлу (химии и рецепту) является рукоять кинжала из погр. 83 Николаевского протомеотского могильника¹⁹ (КСА ИА, анализ № 1006). Учитывая состав металла этих изделий, их,

вероятно, можно назвать продукцией единого круга мастеров, изготовлявших кинжалы, которые Н. Л. Членова относит к казахстанско-восточноевропейским²⁰. В третью химико-металлургическую группу объединяются кинжалы, отлитые по рецептам оловянных бронз, где олово представлено в интервале от 3,5 до 10% с добавками мышьяка, не превышающими рубеж 0,6%. Исключение — кинжал из погребения 44 Серженъ-юртовского могильника, у которого содержания мышьяка поднимаются до 1,5% (анализ № 30.767). Однако в отличие от разобранных выше кинжалов карасукских форм в его химическом составе крайне низки (тысячные доли процента) микропримеси висмута, кобальта, что сближает его с рассматриваемыми. Ядро группы составляют кинжалы, найденные в основном на Северном Кавказе (в районах Кисловодска, Чечни, Дагестана и Ставрополя). Единственное исключение — кинжал из погр. 2 в кургане 5 у с. Суворово Одесской обл. (КСА ИА, анализы 8044, 8045, 11, 641, 28.595; 26.436; 22.432).

Рукояти, объединенные по химико-металлургическим показателям в единую группу, обнаруживают поразительное разнообразие в деталях внешнего оформления. В одну группу попадают кинжалы с рамочными и круглыми рукоятями, с полусферическими навершиями, у большинства (5 экз.) вытянутые прямоугольные перекрестья, реже (2 экз.) небольшие перекрестья с подтреугольными концами, охватывающими клинок, на одном из концов сквозное отверстие. Лишь у кинжала из Березовского могильника навершие брусковидное, а перекрестье имеет по одному отверстию на каждом крыле. Рукоять и перекрестье суворовского кинжала орнаментированы ломаной линией. Вероятно, подобно рассмотренным выше кинжалам с кольчатыми рукоятями, кинжалы из медно-оловянных сплавов следует признать изделиями северокавказского производственного центра, мастера которого работали по индивидуальному заказам. Ранее, учитывая географию распространения находок, к такому выводу пришел Н. В. Анфимов²¹.

Таким образом, устанавливается определенная взаимосвязь между химико-металлургическими группами и географией находок для кинжалов с мышьяковыми добавками и характерной геохимией и кинжалов, отлитых из оловянных бронз. Так, группа сложных оловянно-мышьяковых, оловянно-свинцово-мышьяковых и мышьяковых бронз охватывает степную и лесостепную территорию Восточной Европы. Исключение одно — рукоять из разрушенного погр. 83 Николаевского могильника в Прикубанье. Синхронные им кинжалы с территории Северного Кавказа попадают в группу оловянных бронз. Для металлургической группы оловянно-сурьмяных бронз принцип территориальной связи нарушается, ибо в ней оказались и северокавказские, и средневолжские образцы. Но именно в эту группу попали все проанализированные рукояти с «кольчатым» орнаментом.

Суммируя полученные результаты, следует отметить, что появилась возможность определить сферы действия по крайней мере двух производственных центров. Один снабжал своей продукцией степные и лесостепные территории Восточной Европы и был связан с сибирско-казахстанскими культурами карасукского круга. Другой, расположенный на Северном Кавказе, находился под воздействием закавказского производства. С закавказскими производственными традициями следует связывать появление на Северном Кавказе рецепта оловянных бронз, широко употреблявшихся в металлообработке Закавказья с конца бронзового века²². Определенным образом подтверждает этот вывод рецептура Кубанского (погр. 39) и мугерганского кинжалов (КСА ИА — анализы № 10.328; 28.633), навершия которых, по закавказским аналогиям, примыкают к группе «двураструбных»²³. Их высокооловянная рецептура соответствует южнокавказскому металлу из Шуши, Степных курганов, Паша-тапа, Зигдифюрского канала. По закавказским металлообрабатывающим традициям изготовлены и некоторые клинки кавказских форм и кинжалы с ажурными рукоятями, отлитые из оловянно-сурьмяных бронз.

В Закавказье этот сплав чаще всего отмечен у кинжалов с прорезными набалдашниками и обоймами, известных уже с конца II тысячелетия на протяжении всего VIII и даже в самом начале VII в. до н. э.²⁴ Полученные химико-металлургические данные хорошо согласуются с результатами исследований В. Г. Котовича о выработке на основе закавказских и передневосточных прототипов специфически местных образцов оформления рукоятей и появление нескольких разновидностей биметаллических кинжалов с прямым перекрестьем, которые затем проникают в районы Волго-Камья²⁵.

- ¹ Козенкова В. И. Кобанская культура (восточный вариант) // САИ. 1977. Вып. 2—5; Она же. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры (восточный вариант) // Там же. 1982. Вып. 2—5.
- ² Барцева Т. Б. Цветная металлообработка на Северном Кавказе в раннем железном веке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974. С. 8—10.
- ³ Козенкова В. И. Типология... С. 19.
- ⁴ Там же. С. 20; Она же. К вопросу о ранней дате некоторых кинжалов так называемого кабардино-пятигорского типа // Stud. Thracica. София, 1975. 1. С. 98.
- ⁵ Анфимов Н. В. Кинжалы кабардино-пятигорского типа из Прикубанья // МИА. 1965. № 130. Рис. 1, 3; Козенкова В. И. К вопросу о ранней дате... Рис. 1, 2; Барцева Т. Б. Цветная металлообработка на Северном Кавказе в раннем железном веке: Дис. канд. ... ист. наук. М., 1974 // Арх. ИА. Р — 2. 2130а. Рис. 18, 3.
- ⁶ Кузьминых С. В. Metallургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М., 1983. С. 128, 130, 131.
- ⁷ Халиков А. Х. Железные кинжалы с бронзовыми рукоятками из Волго-Камья // МИА. 1969. № 169. С. 281.
- ⁸ Он же. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969. С. 278; Тереножкин А. И. Киммерийские мечи и кинжалы // Скифский мир. Киев, 1975. С. 23.
- ⁹ Членова Н. Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западносибирской археологии (эпоха железа). Новосибирск, 1981. С. 15.
- ¹⁰ Кузьминых С. В. Указ. соч. С. 175.
- ¹¹ Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976. С. 105. Рис. 97. С. 195.
- ¹² Членова Н. Л. Карасукские кинжалы. М., 1976. С. 24, 25; Халиков А. Х. Железные кинжалы... С. 276; Он же. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа: (VIII—VI вв. до н. э.). М., 1977. С. 161.
- ¹³ Тереножкин А. И. Киммерийцы. Рис. 12, 5; 33, 5; 37, 7; 48, 1; 68, 1; 69, 2, 8; Давудов О. М. Святилище у высокогорного селения Хосрех // Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983. Рис. 6, 1; Александровка // Арх. КСА ИА. № 29. 432.
- ¹⁴ Бидзиля В. И., Яковенко Э. В. Киммерийские погребения Высокой Могилы // СА. 1974. № 1. Рис. 8.
- ¹⁵ Тереножкин А. И. Киммерийцы. Рис. 41, 2.
- ¹⁶ Барцева Т. Б. Цветная металлообработка скифского времени (лесостепное днепровское Левобережье). М., 1981. Рис. 4, 5; Пяткин Б. Н. Результаты спектрального анализа бронз кургана Аржан // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул, 1983. С. 88—95; Членова Н. Л. Карасукские кинжалы. С. 84. Прил. 1, № 4/9.
- ¹⁷ Членова Н. Л. Карасукские кинжалы... С. 53, 54, 71.
- ¹⁸ Грязнов М. П. Аржан — царский курган раннескифского времени. Л., 1980. Рис. 11, 1—3.
- ¹⁹ Анфимов Н. В. Указ. соч. С. 197. Рис. 1, 4.
- ²⁰ Членова Н. Л. Карасукские кинжалы. С. 52, 53.
- ²¹ Анфимов Н. В. Указ. соч. С. 197, 198.
- ²² Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966. С. 81. Рис. 26.
- ²³ Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977. С. 53.
- ²⁴ Там же. С. 72.
- ²⁵ Котович В. Г. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978. С. 121.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕЛЕЗНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ПАМЯТНИКОВ КУРСКОГО ПОСЕЙМЬЯ

Изучение техники железообработки в скифский период представляет большой интерес. Уже в раннескифскую эпоху в Восточной Европе можно выделить три крупных региона, где железо не только прочно вошло в быт населения, но и технология его обработки имела локальные отличия (Северный Кавказ, Волго-Камье, Среднее Поднепровье) ¹. Большой вклад в исследовании кузнечной техники и лесостепной, и степной Скифии принадлежит Б. А. Шрамко ², работающему в содружестве со специалистами-металловедами. Коллекции кузнечного инвентаря, изученные ими, происходят в основном из памятников Украинской ССР.

Сопредельные территории лесостепной зоны также дают обильный материал для характеристики железообрабатывающего производства на ранних ступенях его развития. Так, в Курском Посеймье культура племен скифского времени представлена такими достаточно полно изученными памятниками, как городища Кузина гора, Моисеевское, Марицкое, Переверзево I ³.

На этих памятниках основу культурного слоя составляют материальные остатки скифского облика. Вместе с тем здесь встречается и юхновская керамика. По мнению исследователей, в VI—V вв. до н. э. население этих городищ входило в сферу скифского влияния. Присутствие в слое городищ юхновской керамики связывается с расселением здесь в середине V в. до н. э. юхновских племен.

Ассортимент железных изделий, обнаруженных на этих памятниках, широк и разнообразен. Это ножи, серпы, тесла, долота, шилья, иглы, рыболовные крючки, браслеты, булавки, кинжалы, наконечники копий, псалии. Предварительная технологическая характеристика их получена при изучении предметов из городища Марица ⁴.

В настоящей работе рассматриваются результаты металлографического исследования кузнечного инвентаря с городищ Кузина гора, Моисеевское и Переверзево I. Для получения наиболее полной картины развития местной железообработки мы привлекаем материалы и из городища Марица.

Таблица 1

Предмет	Памятник				Итого
	Кузина гора	Моисеевское	Переверзево	Марица	
Ножи	19	6	20	22	67
Серпы	2	—	3	4	9
Тесла	2	—	—	3	5
Долота	—	—	1	—	1
Шилья	—	—	5	4	9
Рыболовные крючки	—	1	—	—	1
Браслеты, булавки	1	1	—	3	5
Клин	—	—	1	—	1
Кинжалы	1	—	1	—	2
Наконечники копий	—	—	1	—	1
Псалии	—	—	1	—	1
Итого	25	8	33	36	102

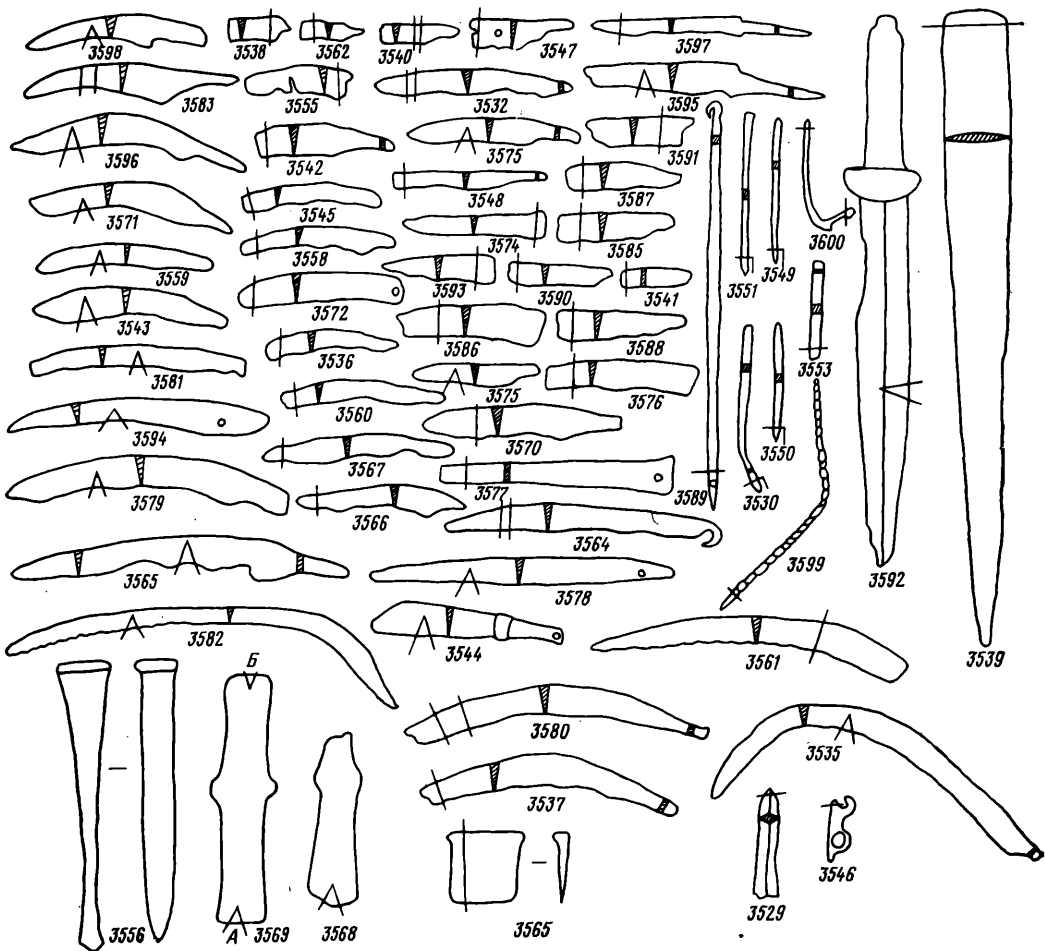

Рис. 1. Железные изделия с городищ Курского Посеймья. Номера на рисунке соответствуют номеру анализа (Кузина гора — ан. 3568—3592; Моисеевское — ан. 3593—3600; Переверзево I — ан. 3529—3567)

Всего подвергнуто металлографическому изучению 102 предмета, т. е. все находки железных изделий перечисленных городищ. Основу коллекции составляют орудия труда — ножи, серпы, тесла, шилья, иглы. Остальные предметы представлены единичными экземплярами (табл. 1).

Наиболее многочисленны ножи — универсальное орудие, употреблявшееся в быту, хозяйстве, промыслах (67 экз.). По форме их можно разделить на две группы: с изогнутым и прямым клинком, что, безусловно, связано с различным функциональным их назначением. Преобладают ножи второй группы (49 экз.).

Большинство ножей имеет плоский короткий (2—3 см) черешок, иногда с отверстием от заклепок. В одном случае помимо заклепок была еще и обоймица (рис. 1, ан. 3544 — Переверзево I). Линия спинки плавно, без уступов, переходит в черешок. Линия лезвия отделена от черешка небольшим уступом. У двух экземпляров ножей (ан. 1003 — Марица, ан. 3564 — Переверзево) короткая рукоять загнута в виде петли. Длина большинства ножей от 10—12 до 15—18 см, только два экземпляра (ан. 1103 — Марица, 3577 — Кузина гора) отличаются крупными размерами (25 см) и имеют длинную (13 см) рукоять, одна из которых орнаментирована концентрическими кругами (ан. 1103 — Марица).

Таблица 2

Предмет	Технологическая схема					Всего	Из них термообработанные
	Целиком из железа	Целиком из сырцово-й стали	Целиком из цементово-й стали	Цементация	Сварные		
Ножи	25	9	7	7	17	65	2
Серпы	3	2	1	2	1	9	1
Тесла	—	—	—	1	4	5	—
Долота	—	—	—	—	1	1	—
Клин	—	—	—	—	1	1	—
Рыболовные крючки	—	1	—	—	—	1	—
Шилья	5	4	—	—	—	9	—
Браслеты, булавки	4	—	1	—	—	5	—
Кинжалы	—	1	—	1	—	2	—
Наконечники копий	—	1	—	—	—	1	—
Псалии	—	1	—	—	—	1	—
Всего	37	19	8	12	24	100	3

Из коллекции типологически выпадают два ножа из Моисеевского городища (рис. 1, ан. 3595, 3597). Они имеют четко выделенный с двух сторон черешок, напоминая по форме ножи средневековья. Оба орудия обнаружены в раскопах, культурный слой которых нарушен погребениями XIII в.⁵

Металлографическим изучением ножей выявлено шесть технологических схем их изготовления: 1) целиком из железа; 2) целиком из сырцово-й стали; 3) целиком из цементованной стали; 4) цементация готового изделия; 5) сварка из двух и более полос; 6) наварка стального лезвия. Последняя схема — наварка стального лезвия на железную основу с последующей термообработкой — типична для средневековья и обнаружена на ножах из Моисеевского городища, типологически близких к средневековым.

Для рассматриваемого периода наиболее характерны предметы, изготовленные целиком из железа или сырцово-й стали, полученной случайно в ходе металлургического процесса, и сварные (табл. 2). Немногочисленны орудия, изготовленные из специально полученной цементованной стали. Также редко использовался прием цементации готового изделия — поверхностной либо локальной⁶.

Сварных изделий выявлено 17. Из них три орудия из городища Кузина гора изготовлены из двух полос: либо стальных (ан. 3586), либо железной и стальной (ан. 3574), либо железных, но с повышенной твердостью, приближающейся к среднеуглеродистой стали (ан. 3573). Остальные ножи этой группы изготовлены либо из нескольких полос железа или малоуглеродистой сырцово-й стали, либо из чередующихся полос железа и сырцово-й стали. В одном случае зафиксирован выход на лезвие наиболее углеродистой полосы по типу трехслойного пакета (ан. 3559 — Переверзево I) (табл. 2).

Термообработка (твердая закалка, микротвердость 464–824 кг/мм²) обнаружена на двух экземплярах из городища Переверзево I (рис. 1, ан. 3544, 3547). Один из них (ан. 3544) отличается высоким качеством исполнения (чистотой металла, мелкозернистостью структуры). Этот экземпляр выделяется также типологически наличием обоймицы и своеобразной формой клинка (линия лезвия прямая, линия спинки имеет четкий скос к острию). Второй экземпляр представлен в виде обломка лезвия с частью черешковой рукояти (найден в согнутом виде). Особенностью его является наличие небольших круглых отверстий на клинке. Он был откован из железа, подвергнут поверхностной цементации и за-

кален в холодной воде. Оба изделия происходят из одного раскопа, причем последний из ямы.

В изученной коллекции девять серпов. В большинстве случаев они слабо изогнуты, рукоять составляет продолжение лезвия. Только у одного орудия рукоять оформлена в виде петли (рис. 1, ан. 1104 — Марица). Длина полностью сохранившихся экземпляров 22—23 см, ширина полотна 1—2 см. На одном из серпов сохранились следы насечек (ан. 3582 — Кузина гора). Серп из городища Переверзево I (ан. 3535) отличается сильной изогнутостью полотна ближе к острию.

При изготовлении серпов использовались те же пять технологических схем, что и при формовке ножей. Пять серпов откованы из железа (ан. 991, 1092 — Марица; 3561 — Переверзево I) и сырцової стали (ан. 3535, 3537 — Переверзево I). Приемов по улучшению рабочих качеств орудий не прослежено. Из специально полученной качественной высокоуглеродистой цементованной стали откован серп из Кузиной горы (ан. 3580), подвергнутый в заключение термообработке — мягкой закалке (микротвердость 274—383 кг/мм²). При изготовлении другого серпа из городища Кузина гора (ан. 3582) была применена сварная конструкция из трех полос стали с выходом на лезвие наиболее углеродистой полосы (содержание углерода в ней 0,5—0,7%, микротвердость — 236—274 кг/мм²). Два серпа из городища Марица (ан. 1096, 1104) изготовлены с использованием поверхностной цементации. Мелкозернистость структурных составляющих и незначительность шлаковых включений, прослеженные на серпах, свидетельствуют о тщательности ковочных работ.

Группа плоских тесловидных орудий представлена изделиями из городищ Марица (ан. 992, 1100, 1104) и Кузина гора (рис. 1, ан. 3568, 3569). Они имеют удлиненное, чуть расширенное к концу лезвие, отделенное от обушка с двух сторон плечиками. Общая длина орудий около 15 см, ширина лезвия 2,5—3 см; обушковая часть по ширине либо равна, либо немного меньше лезвийной. Различаются такие орудия по соотношению длины обушка и лезвия. При этом можно выделить три варианта такого соотношения: I — 1:1 (ан. 3569); II — 1:2 (ан. 992, 1100); III — 1:3 (ан. 1101). Плечики соответственно располагаются либо в центре орудия, либо ближе к пяточной части обушка. У одного изделия обушок полностью не сохранился, поэтому трудно отнести его к какому-либо варианту.

Технологические приемы изготовления тесловидных орудий сводились к двум схемам — пакетованию и цементации изделия. В группу пакетированных входят два тесла из городища Марица (ан. 992, 1100) и два из Кузиной горы. Одно тесло из Кузиной горы (ан. 3569) имеет лезвие, сваренное из двух полос — железа и малоуглеродистой стали, а обушок цельножелезный. Подобную конструкцию можно было бы определить как наварку стальной полосы с целью упрочения лезвия. Но поскольку использована некачественная мягкая сталь, которая не могла дать должного эффекта, скорее всего, следует рассматривать ее как вариант пакетирования. Функциональному назначению рассматриваемых орудий пакетирование как технологическая схема наиболее соответствовала, поскольку придавала лезвию необходимую упругость. Использование приема односторонней поверхностной цементации при изготовлении тесла из городища Марица преследовало, по существу, ту же цель, т. е. создавало упругое лезвие с твердой рабочей поверхностью.

Хотя коллекция тесловидных орудий невелика, намечается некоторая связь между вариантами изделий и технологическими схемами. Так, у тесла (ан. 3569), относящегося к первому варианту, лезвие сварено из двух полос разнородного металла; два тесла второго варианта (оба из городища Марица) изготовлены в технике пакетирования металла; тесло третьего варианта из того же памятника выполнено с использованием приема односторонней цементации лезвия. К этому же варианту можно отнести тесло (случайная находка, коллекция Харьковского историче-

ского музея), исследованное Б. А. Шрамко. Показательно, что оно выполнено в той же технике⁷. Такая связь, возможно, отражает различие в функциональном назначении орудия.

Одним экземпляром представлено долото втульчатого типа длиной 17,5 см (ан. 3556 — Переверзево). Рабочая часть его откована из пакетного металла — несколько полос мягкого железа (микротвердость 116—128 кг/мм²). К сожалению, самый конец рабочей части не сохранился. Это затрудняет возможность определить, применялись ли дополнительные операции по повышению механических свойств орудия.

Орудие типа клина (рис. 1, ан. 3563) из Переверзевского городища имеет заостренный рабочий конец и уплощенную расширенную площадку с противоположной стороны, которая, как показало микроструктурное исследование, испытывала значительные ударные воздействия (удлиненность, как бы сплюснутость структурных составляющих, имеющих вытянутость в поперечном по отношению к форме изделия направлении). Оно выполнено в технике пакетирования из нескольких полос мало- и среднеуглеродистой стали (микротвердость 143—151 кг/мм²).

Рыболовный крючок из Моисеевского городища (рис. 1, ан. 3600) был откован из сырцово малоуглеродистой стали. Большинство шильев (9 экз.) — четырехгранные изделия с одним заостренным концом, длиной 9—10 см. Они изготовлялись целиком из железа или мягкой сырцовой стали. Однако в тех случаях, где хорошо сохранилась рабочая часть (рис. 1, ан. 3530, 3549 — Переверзево), фиксируется специальный прием по ее упрочению — наклеп, благодаря которому механические свойства металла значительно повышались (микротвердость структурно возростала до твердости высокоуглеродистой стали — 254—383 кг/мм²).

Проколки, или булавки, (4 экз.) несколько длиннее шильев — до 24 см (рис. 1, ан. 3589 — Кузина гора). Иногда стержень у них витой. Один конец заостренный, другой либо загнут в петлю, либо раскован в виде лопаточки. Три изделия этой группы (ан. 1005, 1093 — Марица; 3599 — Моисеевское городище) изготовлены целиком из железа, у одного острие было подвергнуто поверхностной цементации (ан. 3589 — Кузина гора).

Из черного металла изготовлялись и некоторые украшения, например перстни и браслеты. Металлографическое изучение обломка пластинчатого браслета из городища Марица (ан. 993) показало, что он был сделан целиком из железа.

Предметы вооружения и конского снаряжения представлены единичными экземплярами.

Кинжал из Кузиной горы (рис. 1, ан. 3592) имеет сегментовидное перекрестие и треугольный клинок ромбического сечения. С двух сторон по осевой линии клинка проходит ребро жесткости. Клинок и плоская рукоять прямоугольного сечения выкованы из единой заготовки. Перекрестие закреплено с помощью кузнечной сварки. Навершие не сохранилось. Ступенчатое оформление конца рукояти свидетельствует, что навершие имело отверстие для насаживания. Общая длина кинжала 32,5 см, длина клинка 21,5 см, ширина в самой широкой части 3 см, ширина рукояти 1,8 см. Клинок был откован из неравномерно науглероженной сырцовой стали (микротвердость феррито-перлитных участков 236, ферритных — 110 кг/мм²). Судя по мелкозернистости структурных составляющих и незначительности шлаковых включений, металл подвергался длительной и тщательной обработке.

Обломок лезвия меча из Переверзево имеет линзовидное сечение (ан. 3539), длина сохранившейся части 37,5 см, ширина до 4 см. Клинок имел, по-видимому, вытянутую треугольную форму. Металлографический анализ показал, что изделие было отковано из железа и подвергнуто поверхностной цементации. Содержание углерода в поверхностном слое 0,6—0,7%, микротвердость феррито-перлитных зон 221—274 кг/мм², ферритных — 181 кг/мм².

Таблица 3

Технология	Памятники			
	Кузина гора	Моисеев- ское	Перевер- зево I	Мари- ца
Целиком из железа	2	1	12	23
Целиком из сырцової стали	7	1	10	1
Целиком из цементованной стали	1	2	2	2
Цементация	3	—	2	7
Сварные	12	2	7	3
Всего	25	6	33	36
Из них: термообработанные	1	—	2	—

Наконечник копья из Переверзевского городища, от которого сохранился только фрагмент (рис. 1, ан. 3529), был откован из сырцової неравномерно науглероженной стали, подвергнутой длительной и тщательной ковке (микротвердость 128 кг/мм²). Псалий из того же памятника, также фрагментированный (ан. 3546), изготовлен из мягкой малоуглеродистой стали, загрязненной шлаковыми включениями.

Проведенное исследование позволяет дать следующую характеристику железообрабатывающему производству скифского времени в Курском Посеймье. Основным сырьем служили железо и сырцовая сталь, полученные в сырцудутном горне. Особенностью исходного металла является его повышенная мягкость. Так, показатели микротвердости ферритной структуры очень низки: 110, 116, 122, 128 кг/мм². Обычно же древнее сырцудутное железо имеет следующие показатели: 170, 181, 193 кг/мм². Последним данным соответствует только металл из городища Марица. Микроскопически чаще всего повышенная мягкость феррита сочетается с присутствием в структуре нитридов. Как зафиксировано в материалах городищ Кузина гора, Моисеевское, Переверзево I, подобные включения отмечены в 80% случаев, тогда как в металле из городища Марица они отсутствуют^а. К целенаправленному получению стали путем цементации местные мастера прибегали редко.

Ведущими схемами изготовления изделий из черного металла исследованной коллекции были: целиком из железа; целиком из сырцової стали; сварка из двух и более полос (железа и сырцової стали) (табл. 2). Суммарно доля этих схем в каждом памятнике сходна (Кузина гора — 84%, Переверзево I — 87,6%, Марица — 75%). Внутри этой группы по соотношению указанных схем материалы из Марицы несколько отличны. Так, изделий, откованных целиком из железа, в коллекции из городища Марица преобладающее большинство (23 экз.), тогда как в коллекциях из Кузиной горы и Переверзевского городища их значительно меньше, зато число изделий из сырцової стали и сварных возрастает по сравнению с аналогичными из городища Марица (табл. 3). Вероятнее всего, это связано с отмеченными особенностями исходного сырья. Повышенная мягкость железа изделий из городищ Кузина гора и Переверзево I, видимо, компенсировалась за счет использования сырцової стали (микротвердость 181—193 кг/мм²) или сварки нескольких полос металла, улучшавшей механические свойства изделия, даже если металл этот был однородным. С этой же целью использовался такой прием, как наклеп.

Термическая обработка не характерна для местной кузнечной техники: отмечено всего три случая (серп из Кузиной горы и два ножа из Переверзево).

Местные кузнецы хорошо владели практически всеми основными кузнечными операциями по пластической обработке черного металла, такими, как рубка, вытяжка, изгиб, осадка, высадка, скручивание, пробивка, насаживание, сварка, правка. Качество ковочных операций, как правило,

высокое (мелкозернистость структуры, малочисленность шлаковых включений, отсутствие следов пережога). Только на шести изделиях (5 экз. из городища Переверзево I, один — из Кузиной горы) зафиксированы признаки перегрева металла в процессековки (видманштеттова структура).

При сравнительном анализе данных, полученных при исследовании железных изделий из различных центров железообработки в рассматриваемую эпоху, обнаруживается единообразие в наборе используемых технологических схем. Однако соотношение их определяет локальные особенности. По этому признаку коллекция из Курского Посеймья наиболее близка материалам из лесостепных памятников Левобережной Украины и значительно отличается от продукции железообрабатывающих центров Северного Кавказа и Волго-Камья, для которых характерно было широкое использование высокоуглеродистой стали и термообработки⁹.

- ¹ Терехова Н. Н., Хомутова Л. С. Освоение человеком химико-термических и термических процессов на ранних этапах становления железообрабатывающего производства в Восточной Европе // *Человек и окружающая среда в древности и средневековье*. М., 1985. С. 149—154.
- ² Шмаков Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д. Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии // *СА*. 1963. № 4; Шрамко Б. А. Орудия скифской эпохи для обработки железа // *СА*. 1969. № 3; Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А. Новые исследования техники обработки железа в Скифии // *СА*. 1971. № 4; Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д. К вопросу о железообрабатывающем ремесле в степной Скифии // *СА*. 1986. № 2.
- ³ Алихова А. Е. Древние городища Курского Посеймья // *МИА*. 1962. № 113. С. 86—129; Пузикова А. И. Марицкое городище в Посеймье. М., 1981.
- ⁴ Вознесенская Г. А., Хомутова Л. С. Техника и технология кузнечного производства на городище Марица // *СА*. 1979. № 4. С. 180—188; *Они же*. Результаты металлографического изучения железных предметов Марицкого городища // *Пузикова А. И. Марицкое городище в Посеймье*. М., 1981. С. 106—108. В настоящей работе ссылки на рисунки и номера анализов даны по указанным публикациям.
- ⁵ Алихова А. Е. Указ. соч. С. 123.
- ⁶ В число цементованных изделий мы включили нож из городища Марица (ан. 1004), технологическая схема которого предварительно была определена как вварка. Однако отсутствие четких металлографических признаков этой схемы (в частности, отсутствие сварочного шва), с одной стороны, и необычность подобной технологии в столь раннее время — с другой, заставляют пересмотреть этот вывод. Скорее всего, мы имеем здесь дело с локальной цементацией, что хорошо демонстрирует и фотография микроструктуры (см.: *Вознесенская Г. А., Хомутова Л. С. Техника и технология...* Рис. 3, 5).
- ⁷ Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д. Техника обработки железа... С. 43, 44. Рис. 1, 14.
- ⁸ Вопрос о происхождении в металле подобных включений (связано ли это с характером используемых руд или с ходом металлургического процесса) до сих пор окончательно не решен.
- ⁹ Терехова Н. Н. Кузнечная техника у племен кобанской культуры Северного Кавказа в раннескифский период // *СА*. 1983. № 3. С. 110—128; Патрушев В. С., Розанова Л. С. Технология изготовления железных вещей из Старшего Ахмыловского могильника // *СА*. 1986. № 1. С. 184—197.

Б. А. РАЕВ

БРОНЗОВЫЙ ШЛЕМ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ НОВОЧЕРКАССКОГО МУЗЕЯ

Осенью 1979 г. во время экскурсии по Новочеркасскому музею К. Ф. Смирнов обратил мое внимание на выставленный в отделе оружия шлем типа «шапочка жокея». Время поступления, место и обстоятельства находки шлема неизвестны, инв. № СР-147.

Шлем конической формы завершается сверху пишечкой-навершием. Высота шлема 21 см, длина 23 см, ширина 20 см (рис. 1). Отогнутый наружу нижний край украшен косыми насечками, расходящимися от

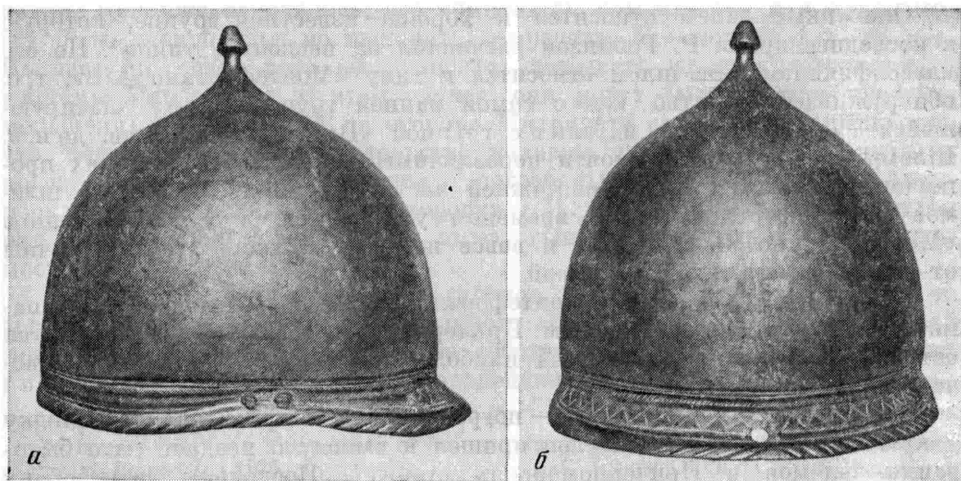

Рис. 1. Бронзовый шлем из Новочеркасского музея

а — вид справа;
б — вид спереди

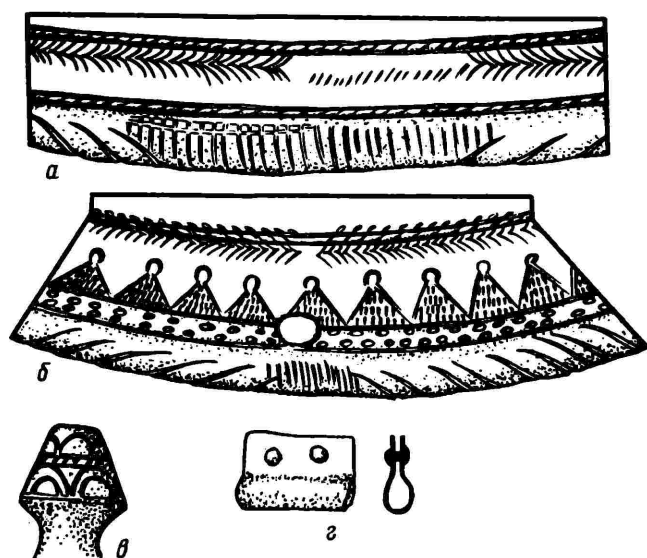

Рис. 2. Прорисовки деталей шлема

(а — д)

центра козырька в разные стороны. Спереди, в центре козырька, и сзади поясok насечек разорван короткими вертикальными насечками. Выше по всей окружности проходит узкий валик с косыми насечками, имитирующий веревочку; на козырьке он расширяется, и его поверхность украшена не насечками, а точечным орнаментом. Выше расположен поясok «елочного» орнамента, направленного вершинами друг к другу в центре над козырьком. Сверху по всей окружности проходит еще один поясok «веревочки», по верхнему краю которого на лицевой части шлема имеются короткие косые насечки. На козырьке свободное пространство между рядами «веревочного» и «елочного» орнаментов украшено заштрихованными треугольниками, вершины которых направлены вверх и завершены кружком (имитация свисающих кистей?) (рис. 2, а, б).

Шпика-навершие орнаментирована двумя ярусами полукруглых арок (в нижнем ярусе — двойных), разделенными горизонтальным пояском «веревочки» (рис. 2, в). С внутренней стороны по бокам расположены две пластинчатые петли для крепления нащечников, соединенные со шлемом при помощи двух заклепок (рис. 2, г). Левая петля, как и оба нащечника, отсутствует. Не сохранилась также и пластина с двумя петлями для крепления дополнительных подбородочных ремней, о первоначальном существовании которой говорит отверстие на козырьке.

Описанный шлем относится к хорошо известной группе, которую в последнее время Р. Робинзон расчленил на несколько типов¹. По его классификации наш шлем относится к типу «Монтефортино А/В», т. е. обнаруживает сходство как с самой ранней группой — «А», датирующейся IV—III вв. до н. э., так и с группой «В» конца III—II вв. до н. э. Шлемы в этих группах почти неразличимы между собой в общих пропорциях, только орнамент на нижней части и на шишке-навершии шлемов «Монтефортино А» со временем упрощается, а у шлемов типов «Монтефортино С, D, E, F» и вовсе исчезает. Поздние типы отличны от самых ранних также и формой.

Находки шлемов типа «Монтефортино А/В» сосредоточены в Испании², Этрурии³ и в Северном Причерноморье⁴. На последних нужно остановиться подробнее, как на наиболее важных для датировки новочеркасского шлема.

Рассмотрев два комплекса — погребение из Мариентала и находку у хут. Веселого, — В. П. Шилов пришел к выводу о поздней дате бытования шлемов в Причерноморских степях⁵. Поскольку даты обоих комплексов сомнительны, автор привлек для подтверждения своей точки зрения племени типа «шапочка жокея» с именами владельцев первой половины I в. н. э. Однако все эти племени типологически иные — с широким, почти горизонтально отогнутым козырьком, без орнамента, т. е. типа «Монтефортино С/D», которые действительно появляются лишь в раннеимператорское время и доживают до середины I в. н. э.⁶ Предположение о том, что племени из Мариентала и Мелитополя (Токмак-Могилы) попали к сарматам после того, как они вступили в непосредственный контакт с Римом на западе, несколько ранее высказывал П. Рейнке⁷.

Следует отметить, что все племени из Причерноморья относятся к типу «Монтефортино А/В», существование которого до времени Августа вряд ли было возможно. Из найденных на юге Восточной Европы шлемов достоверно II в. до н. э. датируется Антиповский⁸. Нет особых оснований подвергать сомнению находку шлема и меча у хут. Веселый в одном комплексе, так же как и датировать комплекс из Марьевки началом нашей эры. Самым поздним из наших комплексов, видимо, является погребение в Мариентальском кургане D 22, но ни ориентировка погребенного в нем⁹, ни меч с кольцевым навершием не противоречат его датировке II — началом I в. до н. э.

Относительно мест изготовления шлемов «Монтефортино А/В» сейчас, кажется, нет уже разногласий. В IV в. до н. э. их начали делать в Этрурии по кельтским образцам¹⁰. Шлемы IV—III вв. до н. э. очень стандартны по форме, и это лишнее свидетельство изготовления их в одном районе; отступления от стандарта, наблюдаемые на некоторых шлемах из Испании, по мнению исследователей, говорят об их местном производстве¹¹. Локализация мастерских, изготовлявших племени «Монтефортино А/В», в Этрурии подтверждается и наличием на некоторых из них этрусских надписей¹² и изображением аналогичных шлемов на фресках этрусских погребальных камер¹³.

Шлемы типа «шапочка жокея» были распространены от Испании до Поволжья в течение длительного времени. По мнению Р. Робинзона, их носили еще в I в. до н. э., но уже только в качестве парадных¹⁴. В последующем племени «Монтефортино А/В» послужили прототипом для шлемов легионеров раннеимператорского времени («Монтефортино С/D»).

Таким образом, шлем из коллекции Новочеркасского музея можно с уверенностью относить к изделиям из италийских мастерских IV—III вв. до н. э. Его проникновение в Подонье относится ко II — началу I в. до н. э., так же как и большинство восточноевропейских находок.

Обращает на себя внимание концентрация находок шлемов на юге Восточной Европы, в районах, очень удаленных от центров их изготов-

ления. Как уже отмечалось, все комплексы, которые так или иначе могут быть датированы, не выходят за пределы II — начала I в. до н. э. Не дает ли такая дата возможности связывать их распространение с войнами Митридата? В этом случае они могут быть частью трофеев, захваченных воевавшими на стороне Митридата сарматами. Любопытно, что, когда известны обстоятельства находки, шлемы не обнаружены в погребениях, но как-то связаны с погребальными комплексами (Антиповка, Мелитополь, Новопрехоровка, Марьевка, Мариенталь — шлем над погребением, в заполнении ямы), выполняя в них, по всей видимости, особую роль.

Во всяком случае, появление шлемов типа «Монтефортино А/В» на северо-восточной периферии античного мира связано с первой волной проникновения западных, еще не собственно римских, но итальянских импортов к кочевникам восточноевропейских степей.

- ¹ *Robinson H. Russell. The armour of Imperial Rome. L., 1975. P. 11—41.*
- ² *Alvarez J.-A. Abásolo, Rodriguez F. Pérez. El casco celtico de Gorrita (Valladolid) // BSSA. 1980. XLVI. 93 y ss.*
- ³ *Schaaff U. Eisenhelme aus vorrömischer Zeit // Jb. RGZM. 1974. Bd. 21. Anm. 22.*
- ⁴ Марьевка: *Iakounina-Ivanova L. Une trouvaille de l'âge de la Tène dans la Russie méridionale // ESA. 1927. I. P. 100—103. Fig. 1—8; Мариенталь, курган D22; *Rau P. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des Deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrowsk, 1927. S. 53—55. Abb. 46; Вельский: *Артамонов М. И. Работы на строительстве Манычского канала // Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 109. С. 209. Рис. 191, 6, 7; Reinecke P. Ein neuer Bronzehelm italischer Form aus der Ukraine // Festschrift für Otto Tschumi. Frauenfeld, 1948. S. 91. ff. Abb. 1—4; Антиповка: *Гущина И. И. Случайная находка в Воронежской области // СА. 1961. № 2. С. 241. Рис. 1; Новопрехоровка: *Косыненко В. М., Лукьяшко С. И., Максименко В. Е. Два шлема*****
- из фондов Ростовского областного музея краеведения // СА. 1978. № 2. С. 266. Рис. 3.
- ⁵ *Шулов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975. С. 149 и след.*
- ⁶ *Robinson H. Russell. Op. cit. P. 18. ff. Pl. 10—36.*
- ⁷ *Reinecke P. Op. cit. S. 95, 96.*
- ⁸ *Гущина И. И. Указ. соч. С. 246.*
- ⁹ *Мошкова М. Г., Максименко В. Е. Сарматские погребения Ясыревских курганов Нижнего Дона // КСИА. 1973. Вып. 133. С. 74 и сл.*
- ¹⁰ *Schaaff U. Op. cit. S. 190; Robinson H. Russell. Op. cit. P. 13.*
- ¹¹ *Alvarez J.-A. Abásolo, Rodriguez F. Pérez. Op. cit. P. 111.*
- ¹² *Kharsekin A. I. Two inscribed object from Hermitage museum of Leningrad // St. Etr. 1959. 27. 151 ff. Fig. 1, 2; Messerschmidt F. Inedita Etruriae // Ibid. 1932. 6. P. 518.*
- ¹³ *Martha J. L'art étrusque. P., 1899. P. 184. Pl. 2.*
- ¹⁴ *Robinson H. Russell. Op. cit. P. 13.*

Н. А. КРЕНКЕ, Л. Д. СУЛЕРЖИЦКИЙ

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХРОНОЛОГИЯ ДЪЯКОВА ГОРОДИЩА

Серийное радиоуглеродное датирование образцов из культурного слоя Дьякова городища в Москве проведено в связи с тем, что в хронологии дьяковской культуры имеется много спорных вопросов, а радиоуглеродный метод для датирования дьяковских городищ применялся в ограниченном масштабе. Трехметровый культурный слой Дьякова городища представляет сложное чередование многочисленных прослоек, относящихся к двум основным горизонтам (слоям): верхнему и нижнему. Эти горизонты местами разделяла почти не содержащая находок прослойка пепла с песком.

Приступая к работе, мы исходили из следующих соображений о радиоуглеродном датировании сравнительно молодых археологических объектов. Все живое вещество, связанное с атмосферой, несет в себе радиоуглеродную метку. Если его остатки могут быть очищены от по-

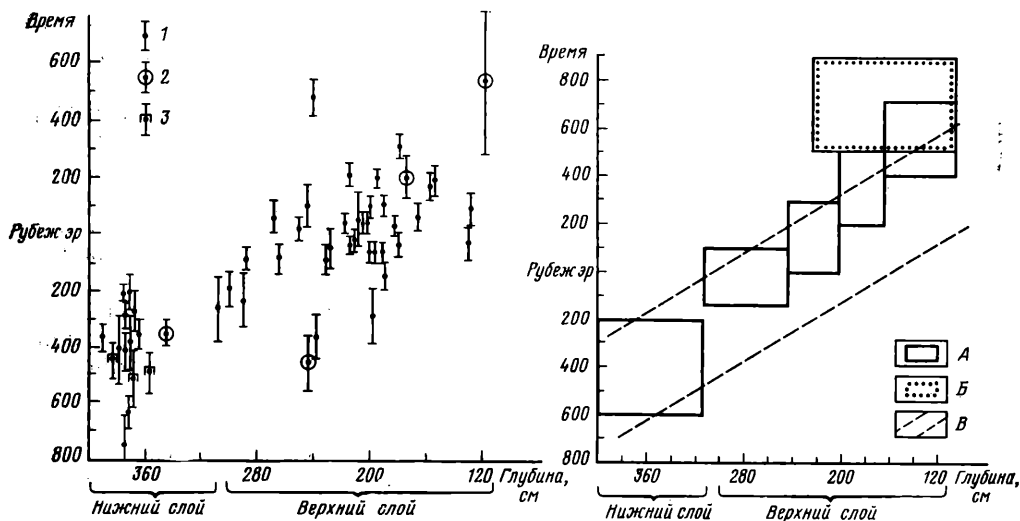

Рис. 1. Стратиграфическо-хронологическое распределение радиоуглеродных дат, полученных по образцам из культурного слоя Дьякова городища

1 — древесный уголь; 2 — кость, 3 — земля, насыщенная органикой («почва»). Глубина — 120 см, соответствует дневной поверхности городища до раскопок

Рис. 2. Соотношение радиоуглеродных и археологических датировок культурного слоя Дьякова городища

А — археологические датировки, по А. Ф. Дубынину, К. А. Смирнову, Н. А. Кренке; Б — археологические датировки, по И. Г. Розенфельдт, В — диапазон, в котором располагается большинство радиоуглеродных дат

сторонних примесей, они должны давать правильные даты времени выхода материала образца из обменного цикла. Отклонение получаемых дат от возраста слоев, из которых отбирались образцы, может обуславливаться несколькими причинами. Так, при длительном росте дерево во внутренней части имеет древесину, имеющую иногда возраст в несколько сотен лет. Накопление органического вещества в культурном слое может идти достаточно долго. Датирова такое вещество радиоуглеродным методом, мы получаем средний возраст всей органики. Мы должны учитывать также, что древний человек мог использовать ископаемую древесину, древесину от старых построек, перекапывать землю, выворачивая на поверхность «древний» материал и пряча «молодой» вглубь. Возможные ошибки в интерпретации стратиграфии — лабораторные ошибки, загрязнение образцов. Тем не менее при внимании к стратиграфии и отбору образцов (непереотложенные кухонные остатки, уголь от свежесрубленных дров, хвороста и другие материалы с малым индивидуальным возрастом) «правильных», т. е. отражающих реальный возраст слоя, дат должно быть больше, чем «неправильных».

Всего исследовано 58 образцов (табл. 1). Для получения дат использовался сцинтилляционный вариант радиометрических измерений концентрации C_{14} . При подготовке углерода образцов для получения счетного вещества использовалась стандартная для лаборатории Геологического института АН СССР методика. Образцы проходили не менее двух суточных измерений, большей частью на разных установках, исследовались вперемешку с образцами из других объектов.

На рис. 1 радиоуглеродные даты размещены в соответствии со стратиграфическим положением образцов, по которым они были получены.

Восемь из 17 дат нижнего слоя относятся к двум строительным горизонтам одной и той же постройки (№ 3910, 3913 — из верхнего горизонта, № 3187, 3188, 3189, 3904, 3912, 4020 — из нижнего горизонта). Временной интервал между ними, судя по стратиграфическим дан-

ным, был минимальным. Остальные даты получены по различным объектам, рассредоточенным в нижнем слое. Это древесный уголь, сгоревшие гравяные выстилки полов, кости и земля, содержащая значительную примесь органики (в таблице 1 — «почва»). Систематических отклонений радиоуглеродных дат, связанных с материалом образца, не наблюдалось. Пересчет радиоуглеродных дат в календарные производился путем умножения даты на 1,03 (поправка к «числу Либби») и вычитания 1950 (календарный возраст используемого стандарта NBS).

В целом результаты радиоуглеродного датирования образцов из нижнего слоя показывают, что формирование этого слоя происходит главным образом в интервале от V до III в. до н. э. Две даты, показавшие VIII—VII вв. до н. э., вероятно, не соответствуют возрасту нижнего слоя, так как противоречат всему остальному массиву дат.

Из верхнего слоя получены даты 41 образца, большинство из которых происходят из его средней части. Датирование проводилось по древесному углю от построек, костям, мелкодисперсному углю или копоти («сажа» в табл. 1). Наибольшая серия из девяти дат (№ 3194, 3195, 3199, 3459, 3464, 3193, 3458, 3468, 3196, 3194) получена для образцов, взятых из постройки, обнаруженной на глубине 195—215 см. Возможно, это была не одна, а три постройки, быстро сменившие друг друга, так как в разрезе центральной части этого сооружения наблюдались прослойки трех полов, разделенные несколькими сантиметрами культурного слоя. Сопровождалась ли переделка полов перестройкой стен, из которых отбирались образцы, — неизвестно.

Несколько дат, полученных для верхнего слоя, оказались значительно древнее основного массива дат соответствующих горизонтов, а одна моложе (№ 3457). Причина удревнения двух дат (№ 2793, 2907, глубина 245 см) точно установлена: они были получены по образцам, взятым из выброса древнего перекопа, нарушившего нижний слой. Считая, что возрасту слоя больше соответствуют массовые, а не единичные даты, следует предположить, что накопление верхнего слоя началось, видимо, на рубеже III—II вв. до н. э. Отложение слоя на глубине 200—220 см происходило, вероятно, в I — начале II в. н. э. Во II—III вв. н. э. откладывался горизонт 160—180 см. Верхнюю хронологическую границу функционирования городища нельзя точно определить из-за малочисленности и низкого качества имеющихся радиоуглеродных дат. Наиболее вероятно, что она находится в интервале IV—VII вв. н. э.

На рис. 2 показано, как сопоставляются радиоуглеродные и археологические даты культурного слоя Дьякова городища. Высота прямоугольников на этом рисунке соответствует степени точности археологических датировок для соответствующих горизонтов. Приведем основные аргументы, на которых основаны эти датировки. Нижний слой датируется по костяным стрелам (рис. 3, 9—12), текстильной керамике непрофилированных форм, которая на других городищах найдена в комплексе с изделиями скифского круга. Эту датировку подтверждают найденные на Дьяковом городище синие глазчатые бусы (рис. 3, 13) и наверхие, выполненные в зверином стиле.

Время отложения нижнего и верхнего слоев, вероятно, разделяла хронологическая лакуна. Это доказывается значительными различиями в составе керамических комплексов нижнего и основания верхнего слоев, а также тем, что в нижнем горизонте верхнего слоя скачкообразно возрастает количество железных изделий.

Для археологической датировки верхнего слоя наиболее существенны следующие соображения. На глубине 200—240 см появляются золотостеклянные бусы римского времени и лощеная керамика, что указывает на возраст II—III или I—III вв. н. э. На глубинах 208 и 173 см найдены пять бронзовых лунниц с эмалью (рис. 3, 2—6), датирующихся в пределах III—V вв. н. э.⁴ В интервале 160—200 см обнаружены бронзовые изделия — поясные наконечники и привески, баптиковидные нашивки, умбонovidные подвески поздних форм и т. д.,

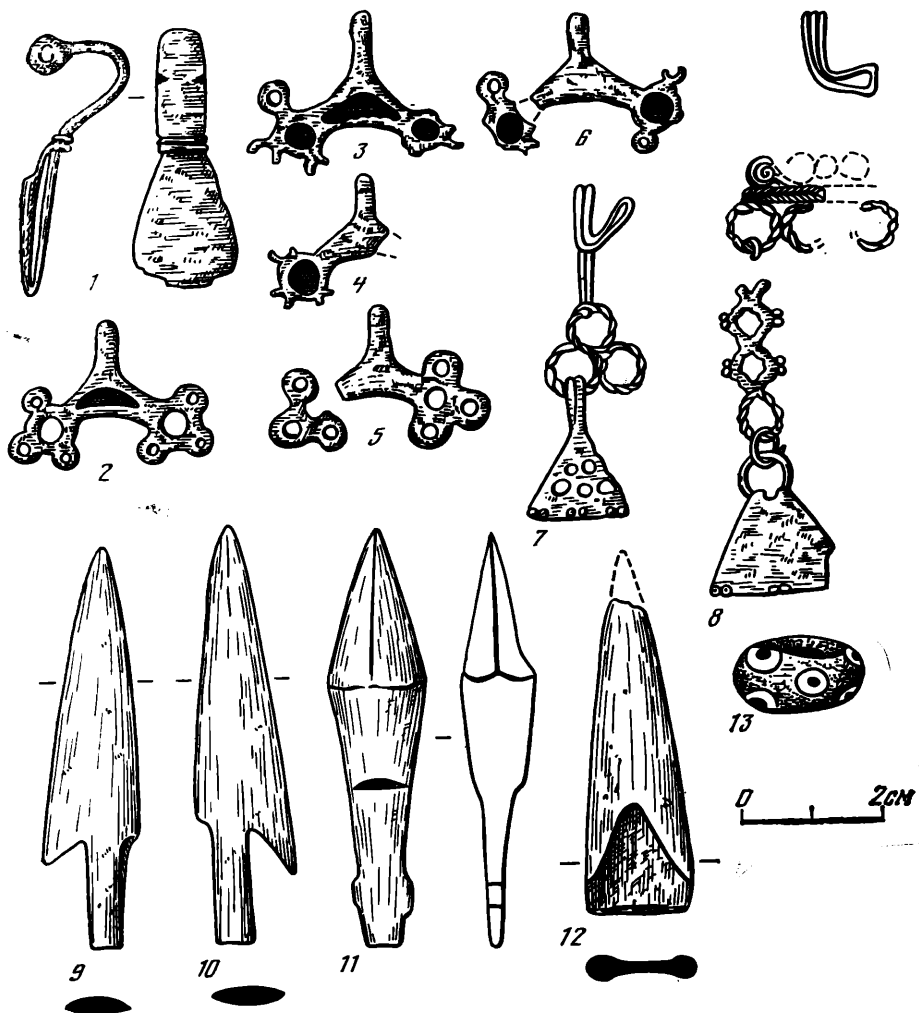

Рис. 3. Находки из культурного слоя Дьякова городища

1 — перекоп; 2 — верхний слой, глубина 208 см; 3—6 — верхний слой, глубина 173 см; 7 — верхний слой, глубина 208 см; 8 — верхний слой, глубина 165 см; 9—13 — нижний слой; 1—8 — бронза; 9—12 — кость; 13 — стекло

которые, по А. Ф. Дубынину² и К. А. Смирнову³, нужно датировать III—V вв. н. э. В нестратифицированных условиях на городище была найдена фибула IV в. н. э. (рис. 3, 1)⁴.

На рис. 2 отмечен также возраст верхней и средней части верхнего слоя Дьякова городища согласно датировкам, предложенным И. Г. Розенфельдт⁵. Размеры данной статьи не позволяют подробно разбирать аргументы И. Г. Розенфельдт. Отметим лишь, что имеется ряд серьезных возражений против предложенных ею омоложенных дат многих типов дьяковских вещей.

Сопоставление традиционных археологических датировок с радиоуглеродными показывает их хорошую сходимость. Для нижнего слоя совпадение полное. Для верхнего слоя радиоуглеродные даты систематически подтверждают более ранние археологические датировки. Так, например, горизонт, где были найдены лунницы с эмалью (—173 см), радиоуглеродным методом с наибольшей вероятностью датируется рубежом II—III вв. н. э., что соответствует концепции, удревяющей возраст эмалей.

Таблица 1

Радиоуглеродные даты образцов из раскопок Дьякова городища

№ ГИИ	Глубина, см	Возраст по C ₁₄	Условный календарный возраст	Материал	Примечание
Нижний слой					
4021	-395	2240±50	360 г. до н. э.	уголь	№ 3912, 4020, 3910, 3913, 3904, 3186, 3189, 3187 – от одной постройки
2798	-385	2320±60	440 г. до н. э.	почва	
2781	-380	2290±130	410 г. до н. э.	уголь	
3912	-390	2630±110	750 г. до н. э.	»	
3910	-375	2390±70	410 г. до н. э.	»	
4020	-390	2090±30	200 г. до н. э.	»	
3904	-400	2160±50	280 г. до н. э.	»	
3913	-360	2510±60	630 г. до н. э.	»	
3188	-400	2260±100	380 г. до н. э.	»	
3189	-400	2090±60	200 г. до н. э.	»	
3187	-400	2150±80	260 г. до н. э.	»	
2797	-370	2390±100	510 г. до н. э.	почва	
2800	-367	2230±50	350 г. до н. э.	уголь	
2796	-360	2370±60	490 г. до н. э.	почва	
2792	-345	2230±50	350 г. до н. э.	кость	
3906	-310	2140±110	260 г. до н. э.	уголь	№ 3906, 3907 – от одной постройки
3907	-310	2130±50	250 г. до н. э.	»	
Верхний слой					
2799	-300	2070±60	180 г. до н. э.	сажа	№ 3192, 3195, 3199, 3459, 3464, 3193, 3458, 3468, 3196, 3194 – от одной постройки
2788	-290	2120±100	230 г. до н. э.	уголь	
3915	-285	1970±40	80 г. до н. э.	сажа	
3908	-270	1830±70	60 г. н. э.	уголь	
3198	-265	1970±60	80 г. до н. э.	»	
2780	-280	9250±70		»	
3916	-265	2740±120		»	
3911	-250	1870±40	30 г. н. э.	уголь	
3197	-245	1790±70	110 г. н. э.	»	
3457	-240	1420±60	490 г. н. э.	»	
2907	-245	2240±80	360 г. до н. э.	»	
2793	-245	2330±100	450 г. до н. э.	кость	
2785	-230	1970±50	80 г. до н. э.	уголь	
3462	-225	1930±70	40 г. до н. э.	»	
3460	-215	1920±30	30 г. до н. э.	»	
4178	-215	1690±40	220 г. н. э.	»	
3192	-215	1830±40	60 г. н. э.	»	№ 4575 и 4179 – от одного объекта
3195	-215	1840±30	50 г. н. э.	»	
3199	-210	1900±40	10 г. н. э.	»	
3459	-210	1860±40	40 г. н. э.	»	
3464	-210	1830±100	60 г. н. э.	»	
3193	-205	1840±40	50 г. н. э.	»	
3458	-200	1850±40	50 г. н. э.	»	
3468	-200	1940±40	50 г. до н. э.	»	
3196	-200	1940±40	50 г. до н. э.	»	
3194	-195	1690±30	210 г. н. э.	»	
4575	-200	1790±60	110 г. н. э.	»	
4179	-200	2170±100	290 г. до н. э.	»	
3471	-190	1950±40	60 г. до н. э.	»	
4572	-190	1790±40	110 г. н. э.	»	
3456	-190	2030±50	140 г. до н. э.	»	
3463	-180	1870±40	30 г. н. э.	»	
3461	-180	1520±40	320 г. н. э.	»	
2786	-180	1920±40	30 г. до н. э.	»	
2795	-175	1690±80	210 г. н. э.	кость	
4574	-165	1830±50	70 г. н. э.	уголь	
4573	-155	1720±40	180 г. н. э.	»	
2783	-155	1700±50	200 г. н. э.	»	
3469	-130	1910±60	20 г. до н. э.	»	№ 3469 и 4571 – от одной постройки
4571	-130	1800±60	100 г. н. э.	»	
2794	-120	1370±250	540 г. н. э.	кость	

Показательно, что амплитуда дисперсии дат (300 лет) из постройки в верхнем слое практически совпадает с амплитудой дисперсии дат, полученных для постройки из нижнего слоя. Такой же разброс дат прослеживается и на других участках разреза (рис. 1). По-видимому, 300-летний интервал характеризует разрешающую способность радиоуглеродного метода применительно к образцам с Дьякова городища.

- ¹ Фролов И. К. Лунницы с выемчатой эмалью // Из древнейшей истории балтских народов. Рига, 1980. С. 111—124; Гороховский Е. Л. Хронология украшений с выемчатой эмалью Среднего Поднепровья // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. Киев, 1982. С. 134.
- ² Дубынин А. Ф. Троицкое городище // Древнее поселение в Подмосковье. М., 1970. С. 54—95; Он же. Щербинское

городище // Дьяковская культура. М., 1974. С. 217—243.

- ³ Смирнов К. А. Дьяковская культура // Дьяковская культура. С. 49—55.

⁴ Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. М., 1966. Вып. Д1—30. С. 69.

⁵ Розенфельдт И. Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв. М., 1982.

Н. А. КРЕНКЕ

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ДЬЯКОВСКИХ ПАМЯТНИКОВ БАСЕЙНА МОСКВЫ-РЕКИ

В литературе существуют две основные периодизации дьяковской культуры. Согласно К. А. Смирнову¹ и И. Г. Розенфельдт², дьяковская культура эволюционно развивалась на протяжении около полутора тысяч лет. Первым из указанных исследователей ее история подразделяется на три этапа, вторым — на четыре. П. Н. Третьяков³ выделяет собственно дьяковскую и позднедьяковскую культуры, причем последняя, по его мнению, не была результатом эволюционного развития первой, а возникла в ходе продвижения на восток балтских племен.

В настоящей статье сделана попытка оценить указанные выше гипотезы в свете материалов, полученных при раскопках Дьякова городища в 1981—1983 гг. Культурный слой его представлен тремя хронологическими горизонтами: материал из погребенного дерна представляется древнее V в. до н. э., нижний культурный слой датируется V—III вв. до н. э., верхний культурный слой — от II—I вв. до н. э. до VII—VIII вв. н. э. Возраст этих хронологических горизонтов определен на основе радиоуглеродных датировок⁴ и по археологическим находкам (костяные стрелы, синие глазчатые античные бусины, лунницы с эмалью мощинского типа и т. д.).

Затрудняет исследование тот факт, что население Подмосковья в период отложения ранних слоев дьяковских городищ еще только осваивало металлургию железа, а в период отложения поздних слоев тех же памятников достигло сравнительно высокого уровня обработки этого металла. Это влияло на материальную культуру в целом. Поэтому для определения эволюционного или дискретного характера развития дьяковской культуры мы в первую очередь рассматриваем находки, развитие форм которых не так тесно связано с прогрессом в обработке железа. Это лепная керамика и многочисленные глиняные изделия производственного характера.

Здесь уместно остановиться на вопросе о возможности распространения выводов, полученных при исследовании Дьякова городища, на другие памятники Подмосковья. По нашему мнению, этот вопрос должен быть решен положительно. Многолетние исследования дьяковских городищ, расположенных по Москве-реке, показали, что заметного своеобразия отдельных памятников не наблюдается, а прослеживается, наоборот,

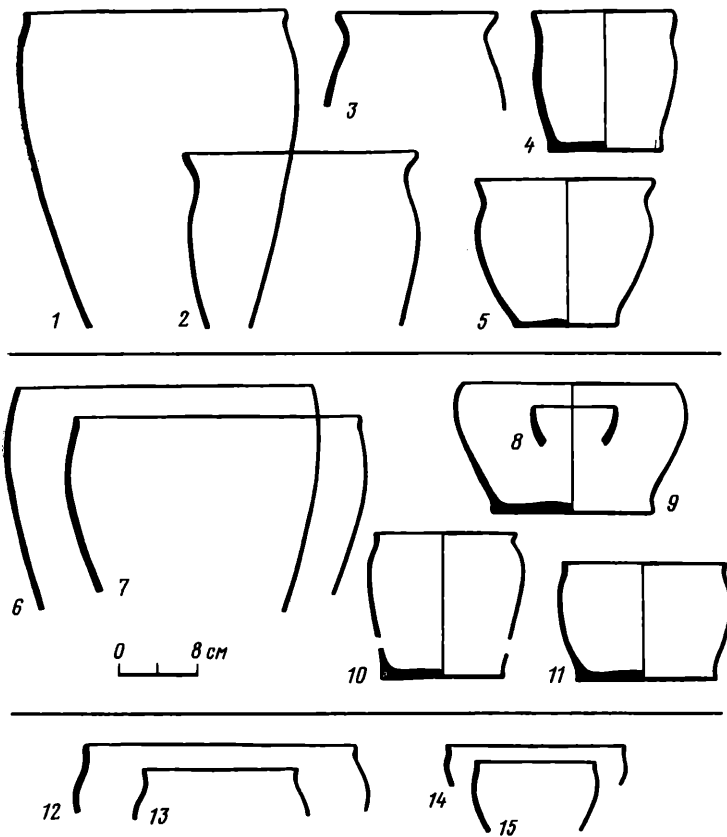

Рис. 1. Формы керамики

1—5 — из основания верхнего слоя Дьякова городища; 6—11 — из нижнего слоя Дьякова городища; 12—15 — из погребенного дерна

значительное их сходство. Для керамического материала это было достаточно подробно показано в уже упоминавшейся работе И. Г. Розенфельдт.

Керамические комплексы из трех хронологических горизонтов Дьякова городища имеют существенное преимущество перед керамическими комплексами наиболее полно исследованных подмосковных городищ — Троицкого и Щербинского. Оно заключается в том, что разновременная керамика Дьякова городища в меньшей степени перемешана благодаря исключительной мощности культурного слоя памятника (около 3 м) и наличию мощной (до 60 см) пепельно-песчаной почти стерильной прослойки, разделявшей верхний и нижний слой. Именно этой сравнительной «чистотой» керамических комплексов Дьякова городища, по-видимому, и обуславливаются некоторые отличия полученных нами результатов от тех, которые были опубликованы в результате исследований Щербинского и других городищ Подмосковья.

Коллекция стратифицированной керамики Дьякова городища составляет около 20 тыс. фрагментов. Керамика из квадратов, где были зафиксированы перекопы, исключалась, как и керамика, стратиграфическое положение которой не было точно определено.

Керамика, найденная в погребенном дерне и относящаяся к древнейшему культурно-стратиграфическому горизонту Дьякова городища, немногочисленна — всего около 230 фрагментов. Однако она дает довольно полное представление о керамическом комплексе. Здесь преобладают «горшковидные» формы (рис. 1), абсолютные размеры которых варьируют. Встречены также «мискообразные» формы с отогнутым венчиком (рис. 1, 15). Данные о соотношении типов орнаментов и спосо-

Таблица 1

Соотношение орнаментов и способов обработки поверхности керамики из погребенного дерна Дьякова городища

Поверхность керамики *	Орнамент				Всего
	гребенчатый	наклонные тычки	ямчатый	неорнаментированная	
Текстильная, древнее V в. до н. э.	8	13	3	85	109
Текстильная, V—III вв. до н. э.	—	2	4	9	15
Гладкостенная	9	5	—	26	40
Гладкостенная с полосчатым сглаживанием	—	—	—	7	7
Гладкостенная из верхнего слоя	—	—	—	2	2
Неопределимая	17	21	—	60	61
Всего	17	21	7	189	234

* В графе «текстильная V—III вв. до н. э.» и «гладкостенная из верхнего слоя» помещена керамика, попавшая в погребенный дерн из-за перекопов. В графу «наклонные тычки» относили орнамент, нанесенный щепкой или подобным предметом, направленным под острым углом к стенке сосуда.

Таблица 2

Соотношение орнаментов и способов обработки поверхности керамики из нижнего культурного слоя Дьякова городища

Поверхность керамики	Орнамент					Неорнаментированная	Всего
	ямчатый	двудольные отписки	насечки	тычки прямые угольные	тычки неясные		
Текстильная	53	3	3	1	11	2034	2105; 72,8%
Гладкостенная	10	—	—	1	1	606	618; 21,4%
Гладкостенная из верхнего слоя	—	—	—	—	—	7	7; 0,2%
Неопределимая	2	—	—	—	—	160	162; 5,6%
Всего	65	3	3	2	12	2807	2892; 100%

бов обработки поверхности керамики из погребенного дерна приведены в табл. 1.

Аналогичные данные о керамике из нижнего культурного слоя приведены в табл. 2. Разницы в формах текстильной и гладкостенной керамики из нижнего слоя не прослеживается. Ведущими формами являлись: 1) большие (высота около 30 см) «ведраобразные» сосуды усеченно-конической формы со слегка вогнутым, прямым или немного отогнутым коротким венчиком (рис. 1, 6, 7); 2) «мискообразные» сосуды средних размеров с широким устьем и сравнительно низкие, с вогнутым, прямым или чуть отогнутым венчиком (рис. 1, 9); 3) горшки с выделенной шейкой и плечиками, похожие на горшки из погребенного дерна (рис. 1, 10); 4) банкообразные формы (рис. 1, 11); 5) миски небольших размеров с прямым или слегка вогнутым венчиком (рис. 1, 8). Между группами 1 и 2, а также 2 и 5 имеются переходные формы.

Данные о керамике верхнего слоя, о соотношении ее групп, выделенных по способу обработки поверхности, приведены в табл. 3.

Для нашей темы особенно важно проанализировать керамику из нижних горизонтов верхнего слоя, относящихся, по-видимому, к концу I тысячелетия до н. э. — первым векам нашей эры, т. е. к тому вре-

Таблица 3

Соотношение способов обработки поверхности керамики из верхнего слоя Дьякова городища

Высота от основания верхнего слоя	Поверхность керамики					Всего	Количество кв. м, по которым велся учет
	Гладко-стенная	Подло-щенная	Текстиль-ная	Штрихо-ванная	Неопре-делимая		
0—30	1496	10	29	—	16	1551	83
30—60	2495	41	37	52	47	2672	81
60—90	3252	118	71	—	45	3486	79
90—120	2909	183	77	—	28	3197	67
120—150	3029	166	29	—	221	3445	59
150—180	2678	265	27	—	67	3037	47
180—210	1238	74	—	—	18	1330	21
Всего	17097 91,3%	857 4,6%	270 1,4%	52 0,3%	442 2,4%	18718 100%	

мени, когда, по П. Н. Третьякову, произошла смена населения на дьяковских городищах, а по К. А. Смирнову и И. Г. Розенфельдт, продолжалось эволюционное развитие предшествующей культуры.

Анализ форм керамики из нижних 60 см верхнего слоя показывает, что в это время среди сосудов преобладали горшки средних размеров с довольно длинным, плавно отогнутым наружу венчиком и широким устьем, плечики у которых чаще всего едва намечены (рис. 1, 3). Реже встречаются горшки с выделенными плечиками (рис. 1, 5) или совсем без них (рис. 1, 4). По форме венчика и тулова они отличаются от горшков из погребенного дерна и нижнего слоя. Мискообразные формы с вогнутым или прямым венчиком, характерные для нижнего слоя, в керамике нижнего горизонта верхнего слоя не встречены.

Крупные формы из основания верхнего слоя представлены «ведрообразными» сосудами с коротким, слабо отогнутым венчиком (рис. 1, 1), которые могут быть сопоставлены с подобными сосудами из нижнего слоя. Но у нас нет доказательств того, что между сосудами этого типа из нижнего и верхнего слоя существует генетическая преемственность. Другой тип сосудов крупных размеров из основания верхнего слоя — высокие горшки с длинным, плавно отогнутым венчиком, широким устьем и слабо расширенными плечиками или совсем без них (рис. 1, 2). Аналогий этим сосудам в нижнем слое нет.

На керамике из основания верхнего слоя преобладают следующие типы орнаментов, выделенные по способу нанесения: защитной, отпечатки палочки с веревочкой, мелкие ямки. Встречаются также отпечатки прямоугольных и треугольных штампов, прочерченный, ногтевой и пальцевый орнаменты и различные вдавления неясным предметом.

Сравнивая керамику различных культурно-стратиграфических горизонтов Дьякова городища, можно сделать следующие выводы. В керамике первого и второго горизонтов (погребенный дерн и нижний культурный слой) отмечается ряд достаточно четких различий в формах керамики и ее орнаментации. Во втором горизонте появляется ряд форм, отсутствовавших в первом горизонте. Для второго горизонта характерен ямочный орнамент и отсутствует гребенчатый, присущий керамике из погребенного дерна. Имеются различия и в характере текстильных отпечатков. Есть и сходные черты: преобладание текстильной керамики, наличие близких форм горшков.

Гораздо большие отличия обнаруживаются при сравнении керамики из нижнего слоя, датируемого V—III вв. до н. э., и керамики из нижнего горизонта верхнего слоя. Коренным образом отличается соотношение групп керамики, выделенных по способу обработки поверхности. В нижнем слое преобладает текстильная, в верхнем слое она практически отсутствует (найденные здесь фрагменты текстильной керамики

могли попасть сюда в результате перекопов). Столь же велико различие в способах орнаментации керамики. Формы сосудов, как уже указывалось, также различны.

Таким образом, на наш взгляд, говорить об едином или постепенно изменяющемся керамическом комплексе, характерном для периода IV (III) в. до н. э.—II(III) в. н. э., вряд ли возможно. Исчезновение сетчатой керамики на москворецких городищах произошло, по-видимому, раньше, чем это до сих пор предполагалось, и процесс этот вряд ли был постепенным. Керамический комплекс верхнего слоя Дьякова городища трудно вывести из керамики нижнего слоя.

Изделия из глины, имевшие, по-видимому, непроизводственный характер, — это орнаментированные таблички (6 экз.), «рогатые кирпичи» (19 экз.), глиняные шары (45 экз.), биконусы (9 экз.), погремушки (10 экз.), округлые бусы (37 экз.), бусы конической формы (26 экз.), статуэтки (12 экз.). Антропоморфные статуэтки, биконусы, таблички, шары производились и применялись лишь во время отложения верхнего слоя. В нижнем слое их нет.

Наличие в слое начала нашей эры целой серии предметов, появление которых не может объясняться развитием производительных сил, указывает на значительную разницу в культуре населения, жившего на Дьяковом городище в периоды отложения нижнего и верхнего культурных слоев.

Отличия верхнего и нижнего слоев проявляются также и в характере построек. Для нижнего слоя характерны длинные многокамерные дома, для верхнего — небольшие прямоугольные сооружения с глиняными и песчаными подсыпками полов.

Элементы сходства в ранне- и позднедьяковских древностях немного. Наиболее существенное из них — наличие грузиков дьякова типа, на что обращали внимание многие исследователи⁵. На Дьяковом городище они были встречены и в верхнем, и в нижнем слое. Правда, в нижнем слое грузиков всего шесть. Сравнительно малочисленны их находки в слоях I тысячелетия до н. э. и на других городищах. Однако утверждать, что на ранних городищах с сетчатой керамикой грузиков не было совсем, как это делает П. Н. Третьяков⁶, нам представляется рискованным.

В качестве аргумента в пользу единства дьяковской культуры обычно указывают на то, что, как правило, дьяковские городища содержат напластования и I тысячелетия до н. э., и I тысячелетия н. э. Однако на большинстве городищ имеются остатки и древнерусского времени, которые, как это теперь общепризнано, с дьяковской культурой никак не связаны.

Таким образом, можно сделать следующие предварительные выводы относительно периодизации дьяковских памятников бассейна Москвы-реки.

1. Материалы из двух нижних горизонтов Дьякова городища, относящихся ко времени древнее V в. до н. э. и к V—III вв. до н. э., обнаруживают сходство, что подтверждает правомерность выделения первого периода дьяковской культуры, датированного К. А. Смирновым VII—III вв. до н. э.⁷ В то же время в керамике из этих двух горизонтов прослеживаются и различия, которые в дальнейшем, видимо, позволят более подробно расчленить этот большой период.

2. Сопоставление материалов из нижнего и верхнего культурных слоев Дьякова городища показало, что между ними существуют большие различия, которые вряд ли можно объяснить лишь в рамках эволюционного развития. По-видимому, около рубежа нашей эры произошло событие, приведшее к коренным изменениям в дьяковской культуре. Поэтому выделение промежуточного этапа, датированного III в. до н. э.—II в. н. э.⁸ или IV в. до н. э.—III в. н. э.⁹ и объединяющего весьма разнородные древности, в свете новых материалов представляется сомнительным. Результаты раскопок Дьякова городища, таким обра-

зом подтверждают мнение П. Н. Третьякова о том, что дьяковские древности делятся на два этапа: раннедьяковский и познедьяковский.

Дальнейшей задачей в области периодизации дьяковской культуры, на наш взгляд, является продолжение тщательного изучения тех материалов, которые объединяют и разъединяют ранне- и познедьяковские памятники, с целью выяснения степени их преемственности, если такая была. Необходима также разработка более детальной периодизации внутри указанных двух больших этапов.

¹ Смирнов К. А. Дьяковская культура. // Дьяковская культура. М., 1974.

² Розенфельдт И. Г. Керамика дьяковской культуры // Там же.

³ Третьяков П. Н. О ранних и поздних городищах дьякова типа // Там же.

⁴ См. статью Н. А. Кренке и Л. Д. Сулержицкого в настоящем сборнике.

⁵ Смирнов К. А. Указ. соч. С. 65; Розенфельдт И. Г. Указ. соч. С. 189; Крис Х. И. Грузики дьякова типа из Боршева // КСИА. 1982. Вып. 170. С. 43—45.

⁶ Третьяков П. Н. Указ. соч. С. 193.

⁷ Смирнов К. А. Указ. соч. С. 78.

⁸ Там же. С. 78.

⁹ Розенфельдт И. Г. Указ. соч. С. 189.

К. К. МАРЧЕНКО, С. Л. СОЛОВЬЕВ

К ТИПОЛОГИИ СТРОИТЕЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ IV В. ДО Н. Э.

Возрождение оседлой жизни на берегах Днепро-Бугского лимана в IV в. до н. э. привело к возникновению в окрестностях Ольвии многочисленных поселений с сельскохозяйственной ориентацией¹. Ведущим типом памятников этого времени стали неукрепленные поселки, застроенные главным образом наземными сырцово-каменными домами, генетически связываемыми с жилыми постройками греков². В классический период в Нижнем Побужье известно и большое отдельно стоящее здание типа усадьбы³.

Важной чертой начала реколонизации района было создание на ряде поселений небольших однокамерных построек, заглубленных в землю, весьма сходных с землянками позднеархаического времени⁴. Такие наиболее примитивные сооружения IV в. до н. э. рассматриваются в литературе в качестве временного или, точнее, переходного типа построек, само бытование которых будто бы определялось лишь узостью экономической базы первых колонистов⁵. Ничего не меняет в этой оценке и факт сосуществования на некоторых памятниках первой половины IV в. до н. э. углубленных в землю жилищ с наземными домами: ведь всегда имеется возможность отнести первые к хозяйственным или подсобным помещениям. Лишь в последние годы появились данные, свидетельствующие в пользу вполне самостоятельной роли этих «архаичных» сооружений в типологии и материальной культуре памятников Нижнего Побужья рассматриваемого времени.

Наиболее интересные сведения получены при раскопках двухслойного поселения Куцуруб I, расположенного на правом берегу Днепровского лимана, к юго-западу от развалин Ольвийского городища⁶. Здесь установлена значительно большая, чем предполагалась до сих пор, продолжительность бытования земляночных построек, охватывающая практически весь второй период расцвета оседлой жизни в Нижнем Побужье — IV—начало III в. до н. э. При этом в течение первых двух третей IV в. до н. э. землянки являлись единственным типом построек. Только в самом конце этого столетия на западной окраине поселения появляется одно наземное сырцово-каменное строение, сосуществующее с землянками.

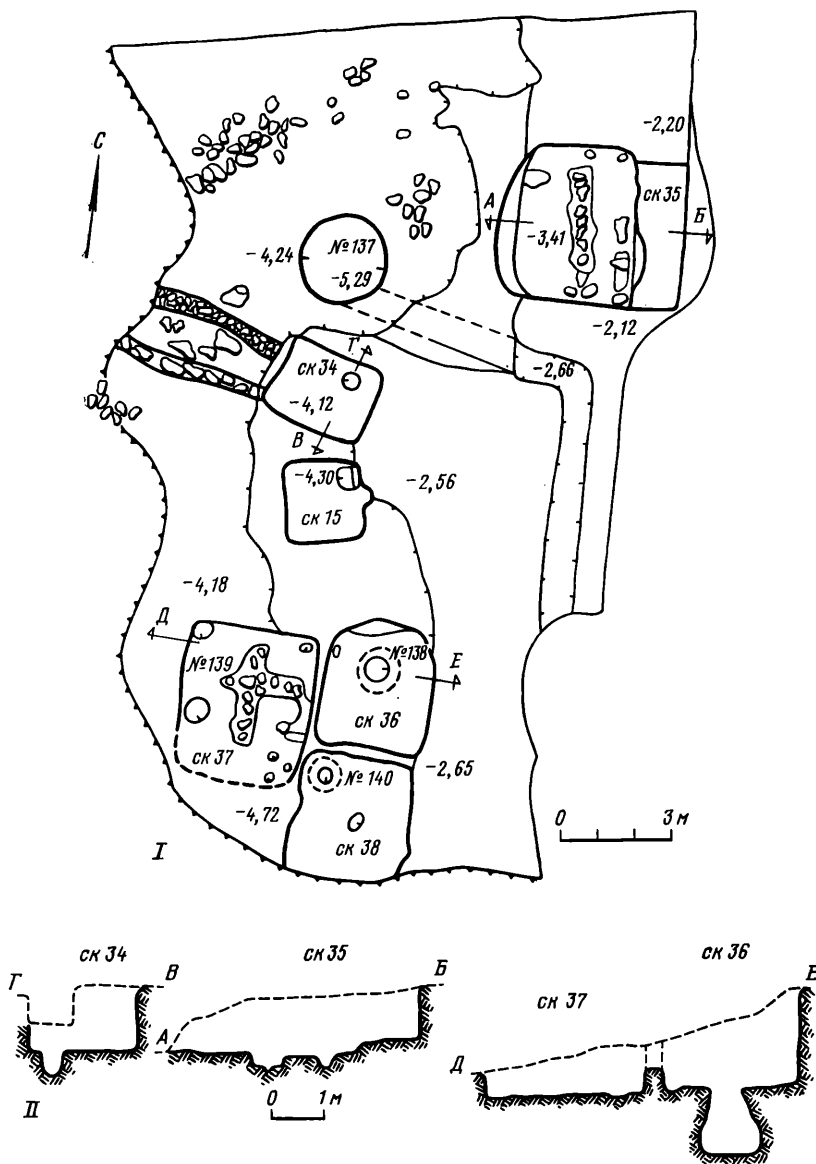

Рис. 1. Поселение Кудуруб I. Раскопы V—VII

I — план строительных остатков IV — начала III в. до н. э.; **II** — разрезы строительных комплексов IV — начала III в. до н. э.

Весьма важен факт наличия у поселения IV в. до н. э. выраженного ядра, или центра, застройки, созданного в необычном месте — на искусственной террасе, устроенной в верхней части склона небольшой береговой балки (рис. 1; 2, I). Здесь удалось полностью исследовать остатки шести четырехугольных землянок (строительные комплексы СК-15, 34—38), составлявших, скорее всего, части двух отдельных хозяйств, существовавших вплоть до начала III в. до н. э.⁷

Основные компоненты хозяйств восстанавливаются, к сожалению, не полностью. К первому хозяйству, по всей видимости, следует отнести постройки СК-34 и -35, расположенные в северной части террасы, у восточной и южной границ двора площадью более 50 кв. м (рис. 1, I). Последний был полностью или частично замощен плоскими необработанными камнями известняка. В юго-восточном углу двора, у начала террасы, находилась цилиндрическая яма, служившая, по-видимому,

Рис. 2. Поселение Куцуруб I

1 — центральная часть застройки, вид с запада; 2 — строительный комплекс 15, вид с запада; 3 — строительный комплекс 34, вид с востока; 4 — строительный комплекс 35, вид с севера; 5 — строительные комплексы 36—38; вид с востока

для сбора дождевой воды. Вода в нее поступала по небольшому лоткообразному каналу, прорытому в материке вдоль верхней кромки террасы. Второе хозяйство, отделенное от первого южной сырцовою стеной прохода в строительный комплекс 34, составляли постройки 15, 36—38.

Все землянки центральной части поселения Куцуруб I были впущены в склон балки в непосредственной близости друг от друга таким образом, что над поверхностью плато в лучшем случае возвышались их крыши. Судя по остаткам котлованов, ориентировка отдельных комплексов частично зависела от конфигурации рельефа склона. Не подлежит сомнению, однако, что выход из построек во всех случаях был направлен в сторону тальвега балки.

Анализ имеющегося материала указывает на существенную трансформацию типа землянок во времени. Есть основания полагать, что для классического периода наиболее характерными для поселений Ку-

пуруб 1 и, по-видимому, всего Нижнего Побужья являлись простые четырехугольные однокамерные землянки площадью от 4,0 до 10,0 кв. м². Со второй половины IV в. до н. э. появляются усложненные виды землянок, где наблюдается разбивка котлованов на отдельные помещения. При сооружении построек начинают применять новые строительные материалы, в том числе камень и сырец. В этот же период несомненно усиливается и дифференциация землянок по их функциям, что приводит к увеличению variability типа в целом.

Наглядные примеры этого дает центральная часть поселения Куцуруб I, в пределах которой обнаружены практически все известные варианты землянок Нижнего Побужья IV — начала III в. до н. э. Некоторые из конструктивных особенностей построек такого рода зафиксированы здесь впервые.

Одной из самых простых построек на поселении является строительный комплекс 15 (рис. 1; 2, 2). В его четырехугольной камере площадью около 4,0 кв. м находилась стационарная печь, врезанная в восточный борт котлована у северо-восточного угла на высоте 0,4 м от уровня пола. Печь имела обмазанную глиной полусферическую топку высотой 0,3 м и размерами 0,65×0,5 м. Сильно прожженный плоский под топки мощностью до 0,03 м подстилала плотная подушка лиманного песка с ракушками, обломками керамики, костями животных и мелкими камнями известняка толщиной около 0,1 м. Помимо устья шириной 0,55×0,25 м, обращенного в землянку, топка имела еще одно боковое отверстие, предназначенное для отвода дыма. Оно находилось у восточного борта землянки, где в плотном материковом суглинке до дневной поверхности был прорезан выводной четырехугольный канал шириной около 0,3 м. Фас печи ниже устьевого отверстия прикрывала монолитная квадратная плита из самана, скрепленная с самой печью глиной. Перед печью в глинобитном полу землянки было выкопано небольшое четырехугольное углубление для золы.

Более сложной оказалась землянка 34 (рис. 1; 2, 3). Как и в первом случае, основная часть комплекса представляла собой прямоугольную в плане камеру площадью 5,2 кв. м, в северо-восточном углу которой обнаружена глубокая коническая яма под амфору. Принципиальным отличием этой постройки от вышеописанной являлся проход в виде мощенного каменными плитами коридора длиной около 4,0 м и шириной 1,0—1,2 м, деливший с запада на восток террасу с застройкой на две части. Южная, по всей видимости, капитальная сырцовая стена коридора была возведена на каменном цоколе шириной около 0,35 м, выложенном в системе однорядной одно- или двухслойной постелистой кладки из небольших (до 0,25×0,3×0,1 м) уплощенных плиток известняка на глине. Иной облик имела северная стена прохода. Судя по канавке в материке шириной до 0,4 м, заполненной мелкими необработанными камнями известняка, служившими для крепления ее основания, она, скорее всего, была турлучной.

Следующий по сложности комплекс 35 представлял собой вариант квадратного в плане жилого земляночного дома, разделенного на два помещения — западное, площадью около 6,0 кв. м и восточное, площадью около 10,0 кв. м (рис. 1; 2, 4). В пользу существования в древности внутренней, вероятно, турлучной перегородки свидетельствует узкая (до 0,5 м) неглубокая (около 0,25 м) прямоугольная в сечении канавка, выкопанная в глинобитном полу котлована через его центр с севера на юг. Как и в случае с северной турлучной стеной прохода в землянку 34, канавка для крепления основания плетня была забита мелкими необработанными камнями известняка. В землянке выявлены конические ямки от столбов перекрытия: две — в центре и пять — у северной и южной стен. Вдоль восточного борта котлована располагалась «лежанка» в виде материкового останца шириной 1,2 м и высотой около 0,25 м.

Три землянки центральной части поселения — СК-36—38 — могут быть объединены в один многокамерный строительный комплекс (рис. 1;

2, 5). Такое объединение, по-видимому, имеет достаточно серьезные основания стратиграфического, хронологического и ситуационного порядка. Достаточно указать, например, на предельную четкость разбивки на местности этих землянок относительно друг друга, при которой ширина материковых останцов между их котлованами была практически одинаковой и не превышала толщину обычных сырцовых стен — 0,3—0,4 м. Несмотря на плохую сохранность описываемого объекта, следует думать, что комплекс в целом представлял собой блок из трех или, возможно, четырех примерно равных камер общей площадью 45—50 кв. м.

Наиболее простыми в блоке оказались землянки 36 и 38, в которых обнаружено лишь по одной хозяйственной яме грушевидной формы. В землянке 37 удалось выявить следы внутренней планировки в виде небольшой (шириной до 0,5 м) крестообразной в плане канавки в полу, делившей котлован на четыре примерно равных помещения. Как и в предыдущих случаях, канавка, служившая для крепления оснований турлучных перегородок, оказалась забитой мелкими необработанными камнями известняка,

Исследование поселения Куцуруб I IV — начала III в. до н. э. позволяет, таким образом, подкрепить тезис, что четырехугольные земляночные жилища являются одним из основных и вполне самостоятельных типов строительных комплексов Нижнего Побужья второго этапа расцвета оседлой жизни в этом районе. Можно говорить и о развитии этого типа во времени.

Факт длительного сосуществования относительно примитивных земляночных построек с наземными сырцово-каменными заставляет искать объяснение столь значительной устойчивости первых в условиях Ольвийской сельской округи. Путей такого объяснения может быть по меньшей мере два.

Первое из них ведет к признанию в земляночных постройках IV в. до н. э. домов и хозяйственных комплексов самих ольвиополитов, по тем или иным причинам вынужденных жить в более скромных условиях, нежели их соотечественники. На такое решение вопроса указывает, например, ряд косвенных соображений: значительный удельный вес греческого компонента среди населения аграрных поселков Днепро-Бугского лимана, наличие у эллинов рассматриваемого времени имущественных и социальных различий, очевидное воздействие на тип землянок со стороны греческой культурной традиции, выразившееся, в частности, в появлении здесь многокамерных жилищно-хозяйственных комплексов и в использовании в качестве строительных материалов камня, сырца и т. п.

Нельзя, вероятно, полностью сбрасывать со счетов и второе объяснение, связывая его с присутствием в рассматриваемом районе выходцев из варварского мира Северного Причерноморья, втянутых в культурную и экономическую орбиту Ольвии. Особенно примечательным при такой постановке вопроса может оказаться необычайный для эллинов IV в. до н. э. выбор места под заселение — на террасе, устроенной в верхней части склона небольшой береговой балки. Очевидно, такое расположение центра поселения было продиктовано вполне серьезными соображениями. С одной стороны, это можно объяснить просто стремлением обитателей поселения уберечь себя от воздействия наиболее холодных в этих местах северного и восточного ветров. Но вполне допустимо существование и иных хозяйственных или даже культурных причин, которыми руководствовались жители поселения Куцуруб I. Наконец, речь может идти и о необходимости маскировки построек со стороны степи на случай каких-либо враждебных действий. На возможность существования вполне реальной опасности для населения этого уголка Нижнего Побужья указывает гибель поселения в результате пожара в начале III в. до н. э., т. е. в момент наивысшего расцвета хоры Ольвии.

- ¹ Крыжицкий С. Д., Бураков А. В., Буйских С. Б., Отрешко В. М., Рубан В. В. К истории Ольвийской сельской округи // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980. Карта.
- ² Крыжицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н. э.—IV в. н. э.). Киев, 1982. С. 46.
- ³ Рубан В. В. Проблемы исторического развития Ольвийской хоры в IV—III вв. до н. э. // ВДИ. 1985. № 1. С. 31.
- ⁴ Там же. С. 32, 33.
- ⁵ Там же. С. 33.
- ⁶ Крыжицкий С. Д., Бураков А. В., Буйских С. Б., Отрешко В. М., Рубан В. В. Указ. соч. Карта № 46.
- ⁷ За пределами центра застройки обнаружены остатки всего двух небольших четырехугольных землянок площадью 6,0 и 9,3 кв. м (Марченко К. К. Работы Нижнегубской античной экспедиции // АО 1980 г. М., 1981. С. 279).
- ⁸ Лишь на поселении Старая Богдановка 2 была открыта землянка гораздо больших размеров — около 170 кв. м (Марченко К. К. Исследования поселения Старая Богдановка 2 // АО 1983 г. М., 1985. С. 312, 313).

М. П. АБРАМОВА

ПОДКУРГАННЫЕ КАТАКОМБЫ ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Раскопки последних лет на Северном Кавказе показали, что появление здесь катакомбных погребений сарматского времени можно относить по крайней мере ко II в. до н. э. В настоящее время на территории центральных районов Северного Кавказа известно несколько катакомбных могильников (Нижне-Джуглатский и Чегемский в Кабардино-Балкарии, Подкумский, Клинярский и Железноводский в районе Кавминвод). Общие хронологические рамки их — со II в. до н. э. по II — начало III в. н. э. Все эти могильники, характерные для пограничной зоны равнин и предгорий, были грунтовыми.

В это же время камерные могилы распространились и в более западных районах — на территории Прикубанья, Тамани и в Крыму, где они также были характерны для грунтовых могильников¹.

На территории Прикубанья наличие камерных могил на грунтовых могильниках было зафиксировано неоднократно, несмотря на то что форма могильной ямы по условиям грунта прослеживается там очень плохо. Такие могилы хорошо представлены в группе погребений III—I вв. до н. э. Усть-Лабинского могильника 2². Эти погребения часто называют подбоями, так как в ряде случаев можно предполагать параллельное расположение входной ямы и камеры. Однако такое расположение не всегда свидетельствует о наличии подбоя. При существовании между камерой и входной ямой узкого входного отверстия могила должна рассматриваться как катакомба (или земляной склеп). Несохранившееся входное отверстие не позволяет категорически отрицать наличие здесь катакомб.

Склеповые сооружения последних веков до нашей эры известны и на других могильниках Правобережья Кубани³, в Закубанье (ст. Владимирская), а также на Тамани (Кепы)⁴.

За последние годы, помимо грунтовых могильников, был открыт и ряд впускных подкурганых катакомб — в Краснодарском крае, в Ставрополье⁵, на левом берегу Терека в районе г. Моздока⁶. Последняя группа является самой восточной из числа известных впускных катакомб сарматского времени.

Существует мнение, что впускные катакомбы предшествуют по времени катакомбам грунтовых могильников⁷, однако имеющиеся материалы не дают пока оснований для подобных заключений, а говорят об их синхронности.

В целом ранние катакомбы сарматского времени наиболее характерны для грунтовых могильников, тяготеющих к западным районам Северного

Кавказа — от Тамани на западе до Терека на востоке. Для более восточных районов — территории Северной Осетии и Чечено-Ингушетии — катакомбные могильники не характерны; отдельные грунтовые катакомбы появляются здесь лишь во II—III вв. (Алхасте, Пседах).

Основные ранние подкурганые катакомбы сарматского времени сосредоточены на Северо-Западном Кавказе, главным образом в районе Прикубанья («Золотое кладбище», Усть-Джегута). Самым восточным памятником является подкурганый могильник у аула Учкеек⁸, расположенный к западу от Кисловодска. Большая часть подкурганых катакомб находится на Правобережье Кубани, к востоку от Лабы; имеются они и на левобережье Кубани. Именно с этой территории происходят известные земляные склепы грунтовых могильников.

Подкурганые катакомбы расположены рядом с меотскими городищами правобережья Кубани и принадлежавшими им грунтовыми могильниками. К северу от Кубани, в степи, где жили кочевые племена, катакомбные погребения не встречаются, тогда как в более южных районах (в Закубанье) они имеются. Поэтому можно говорить о том, что различия между погребенными в грунтовых и курганных могильниках Прикубанья были социальными, а не этническими. Подтверждает это однотипность некоторых категорий инвентаря, в частности керамики, в могильниках обоих типов, сходство деталей погребального обряда, в том числе ориентировки погребений. В качестве иллюстраций можно привести материалы из раскопок А. М. Ждановского у ст. Тбилисская. Им раскопано 16 курганов с катакомбами (типа «Золотого кладбища») и 65 погребений грунтового могильника, расположенного рядом с курганами, так что часть их попала в насыпь одного кургана. А. М. Ждановский датирует курганы преимущественно II в. н. э., грунтовые погребения — II—III вв. Погребения обоих могильников в какой-то части можно считать синхронными.

В краткой публикации А. М. Ждановский выдвигает тезис о том, что оба могильника оставлены различными этническими группировками, находящимися, по его мнению, во враждебных отношениях, чем объясняется факт разрушения подкурганых катакомб⁹. Иная трактовка дается раскопанным погребениям в его отчете, где отмечается тесная связь грунтового и курганного могильников, а также указывается на «почтительное отношение» к захоронению в подкурганной катакомбе при сооружении грунтового могильника: в радиусе 10 м от этой катакомбы грунтовых могил, заходящих в насыпь кургана, не было¹⁰. Обращает на себя внимание одинаковая (широтная) ориентировка подкурганых и грунтовых могил, а также, некоторое сходство в устройстве тех и других. Так, на грунтовом могильнике форма могильных ям прослежена лишь в двух случаях, и в обоих случаях, как отмечает автор, можно говорить о наличии здесь небольших катакомб. Об этом говорят, по его мнению, сужающиеся кверху стены ям, наклон дна, а также отсутствие в одной из могил восточной поперечной стены, что характерно и для камер подкурганых катакомб этого могильника, так как именно с востока к камерам примыкала входная яма, являвшаяся ее продолжением.

Таким образом, наличие на грунтовом могильнике катакомб, однотипных с подкурганными и синхронных им, не вызывает сомнения. Вызывает сожаление, однако, что эти данные не нашли отражения при публикации материалов могильников, в связи с чем автор дал иную, чем в отчете, трактовку материалов.

В целом можно говорить, что материалы раскопок А. М. Ждановского еще раз подтверждают неправомочность этнического противопоставления населения, оставившего курганные и грунтовые могильники на правобережье Кубани в первых веках нашей эры. Курганные могильники здесь обязательно сосуществуют с грунтовыми и содержат более богатые погребения, являвшиеся в курганах основными.

В первой половине III в. н. э. прекращается жизнь на городищах, одновременно перестают функционировать и относившиеся к ним грунтовые и подкурганые могильники.

Таким образом, основные подкурганные катакомбы первых веков нашей эры характерны, как отмечалось, только для территории Северо-Западного Кавказа. В центральных районах Северного Кавказа в это время господствуют грунтовые могильники с катакомбным обрядом погребения (впускные подкурганные катакомбы в первых веках нашей эры здесь неизвестны).

Отсутствие в Центральном Предкавказье богатых подкурганных погребений объясняется, по-видимому, тем, что процесс социального расслоения у проживавшего на этой территории населения протекал медленнее, чем у населения Прикубанья, экономически более развитого, в первую очередь из-за близости античных центров.

В курганах «Золотого кладбища» основное число погребений датируется I — началом II в. Погребений II — начала III в. значительно меньше. Ту же картину дают, по-видимому, и грунтовые могильники Прикубанья. Так, в Усть-Лабинском могильнике 2 наибольшую группу (50% всех погребений) составляют могилы III—I вв. до н. э., погребения второй половины I в. до н. э.—II в. н. э. составляют лишь 15%, причем большая их часть относится к I — началу II в.¹¹ Близкое соотношение количества могил в указанные хронологические периоды характерно и для грунтовых катакомбных могильников центральных районов Северного Кавказа: наиболее многочисленны здесь погребения последних веков до нашей эры, в I — начале II в. н. э. количество погребений сокращается, и лишь единичные погребения датируются II — началом III в. Таким образом, резкое сокращение количества населения на территории центральных и северо-западных районов Северного Кавказа относится к середине или второй половине II в. н. э.

Существует мнение об аланской принадлежности катакомб «Золотого кладбища» и грунтовых катакомбных могильников центральных районов Северного Кавказа. Отмеченное хронологическое распределение погребений в этих могильниках не соответствует, на наш взгляд, этому утверждению. По материалам Танаиса засвидетельствован значительный приток сармато-аланского населения, произошедший не позже третьей четверти II в. н. э., что подтверждается данными ономастики¹². Причем Д. Б. Шелов отмечает, что в именах этой группы населения прослеживается близкое сходство с осетинскими корнями. Скорее всего, расселение алан в это время происходило не только на запад, но и на юго-запад и юг. Косвенным подтверждением этому может служить факт возникновения на Боспоре группы аланских переводчиков, о чем свидетельствует найденная в станице Таманской плита Херака — «главного аланского переводчика», датируемая 208 г. н. э.

Если сопоставить эти данные с археологическими материалами, то получается следующая картина: расселение аланских племен во второй половине II в. н. э., засвидетельствованное данными ономастики и эпиграфики, сопровождалось резким сокращением количества погребений на могильниках центральных и западных районов Северного Кавказа, что противоречит существующей точке зрения об их аланской принадлежности. Может быть, именно нашествием алан и объясняется сокращение числа погребений на этих могильниках во второй половине II в. н. э. В первой половине или середине III в. н. э. прекращается жизнь на городищах Правобережья Кубани, а вместе с ними прекращаются захоронения на грунтовых и курганных могильниках, что связано, очевидно, с общеполитическими событиями на Боспоре (нашествие готов) и изменением экономической обстановки. Та же картина наблюдается и в центральных районах Северного Кавказа по материалам грунтовых катакомбных могильников.

Таким образом, в ранний период (I в. н. э.—начало III в. н. э.) подкурганные катакомбы, являвшиеся основными погребениями, концентрировались на Северо-Западном Кавказе. Здесь они сочетались с синхронными грунтовыми могильниками и, на наш взгляд, были оставлены социальной верхушкой населения близлежащих городищ. У нас нет дан-

ных, позволяющих связывать равнине катакомбы с сарматским населением.

В следующий период (III—IV вв. н. э.) картина резко меняется. В западных районах Северного Кавказа исчезают катакомбы (или так называемые земляные склепы), как грунтовые, так и подкурганные. Их нет в Прикубанье и на территории Кабардино-Балкарии. Зато катакомбные погребения в большом количестве распространяются в восточных районах Центрального Предкавказья — на территории Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. Все они были подкурганными.

В отличие от грунтовых катакомбных могильников более западных районов Кавминвод и Кабардино-Балкарии, тяготеющих к началу предгорий, курганные катакомбные могильники III—IV вв. локализуются в основном в степной зоне. Много таких курганов известно в Моздокском районе Северной Осетии и в Надтеречном районе Чечено-Ингушетии, по правому берегу Терека (могильники у Братского, Октябрьского, Виноградного и др.)¹³. Огромные могильники, насчитывающие, по сведениям А. А. Бобринского, тысячи курганных насыпей, имелись на Сунже (ныне они в большинстве случаев сnivelированы), в районе г. Грозного (Алды, Алхан-Юрт, Алхан-Кала)¹⁴. Несмотря на то что в этих могильниках раскопаны лишь единичные насыпи, характер погребений и их датировка не вызывают особых разногласий. Все курганы содержали по одной катакомбе, являвшейся основным погребением. Катакомбы имели большие размеры, длинную и глубокую входную яму с узким входным отверстием в одной из поперечных стен и камеру прямоугольной формы, расположенную под прямым углом к длинной оси входной ямы. Многие из катакомб в больших курганах имели очень тщательную отделку (заглаженная поверхность стен, аккуратно сделанные ступени и т. д.). Все они были ограблены, однако сохранившийся инвентарь (серебряные и золотые изделия) позволяет говорить о богатстве похороненных в них людей. Основное время распространения курганных катакомбных могильников — вторая половина III—IV в. н. э. Прекращение существования этих могильников, по-видимому, связано с гуннским нашествием.

В отличие от более ранних катакомб Прикубанья («Золотое кладбище» и др.) подкурганные могильники этого времени не сочетались с грунтовыми. Социальные различия здесь, по-видимому, отражались в величине насыпей, среди которых имеются большие, высотой в несколько метров, и маленькие, едва заметные. Можно говорить о локализации курганных катакомбных могильников этого времени в восточной, равнинной части Центрального Предкавказья, где расположена основная их группа.

Отдельные курганные насыпи с основными катакомбными погребениями встречаются и в более северных районах — в местах обитания кочевых сарматских племен. За последние годы в результате систематических раскопок новостроечных экспедиций в Ставропольском крае и в Ростовской области (преимущественно в северных ее районах) было открыто несколько десятков курганов с основными катакомбными погребениями второй половины III—IV в. Здесь эти курганы в большинстве случаев не составляют компактных групп, а встречаются разрозненно среди курганов эпохи бронзы. Наличие подкурганных катакомб этого времени можно предполагать и на севере Ставропольского края, и на юге Ростовской области, к настоящему времени менее исследованных в археологическом отношении. В более северных районах распространения сарматской культуры подобные памятники не встречены, что подтверждает мнение о кавказском влиянии на появление таких сооружений у сарматских племен прилегающих к Кавказу областей в III—IV вв. н. э.

Нашествие готов в 40-х годах III в. изменило политическую ситуацию в Северном Причерноморье и на прилегающих к нему территориях. В частности, А. С. Скрипкин отмечает отлив сарматского населения с территории Волго-Донского междуречья в Заволжье, откуда происходит основное число известных сарматских комплексов второй половины III—IV в.¹⁵ По-видимому, связанный с нашествием готов отлив сарматских племен происходил не только на восток (в Заволжье), но и на юго-во-

сток — в восточные районы Центрального Предкавказья, где в это время появляются многочисленные курганные могильники. Можно предположить, что сюда передвинулась и часть населения из западных районов Центрального Предкавказья. Археологические материалы подтверждают наличие тесных связей между сарматами Поволжья и северокавказскими племенами, начиная с середины III в.¹⁶

Все северокавказские подкурганые катакомбы этого времени однотипны. Они имеют узкую и длинную входную яму и камеру, расположенную перпендикулярно к ней. Это именно тот тип катакомб, который начал господствовать в грунтовых катакомбных могильниках во II—III вв., поэтому генетически их можно связать друг с другом. В Прикубанье, в частности в погребениях «Золотого кладбища», господствовал другой тип катакомб — с камерой, расположенной по одной оси со входной ямой и являющейся ее продолжением. Значительное преобладание в Прикубанье таких катакомб подтверждается и раскопками А. М. Ждановского, о которых говорилось выше.

Что касается северных степных районов (Ставрополье и Ростовская область), то здесь, по имеющимся данным, господствовал тот же тип катакомб, что и в северокавказских курганах III—IV вв. (с камерой, перпендикулярной дромосу). Почти все они имеют меридионально расположенную входную яму и широтно ориентированную камеру, примыкающую ко входной яме с севера. Точно такое же устройство мы находим у алхан-калинских катакомб, открытых в окрестностях г. Грозного¹⁷.

Однотипность всех катакомб, распространенных в это время на Кавказе и в более северных областях, несомненна, что позволяет говорить об определенной, возможно, значительной доле сарматских племен среди населения, оставившего эти памятники. Однако из огромной массы кочевых сармато-аланских племен такой обряд был характерен лишь для южной, прилегающей к Кавказу территории. Здесь эти погребения просуществовали до гуннского нашествия, во время которого аланы предкавказских областей были продвинуты к горам Кавказа. В это время прекращает свое существование большая часть курганных катакомбных могильников Терека. Наиболее поздним курганным катакомбным могильником в центральных районах Северного Кавказа является могильник у с. Брут (V в.), расположенный значительно южнее, за Сунженским хребтом, в предгорной зоне Северной Осетии. Он находится рядом с городищем и принадлежавшим ему грунтовым могильником, также содержащим катакомбные погребения, однотипные с подкурганскими, но меньших размеров и более небрежной отделки. Таким образом, в этот период подкурганые катакомбы опять выступают не как этнический, а как социальный показатель знати оседлого населения¹⁸.

После гуннского нашествия, а особенно в VI—VII вв., в центральных районах Северного Кавказа распространяются грунтовые катакомбные могильники. Найденные в них катакомбы значительно отличаются от существовавших на этой территории катакомб грунтовых могильников сарматского времени (II в. до н. э.— начало III в. н. э.). По своему устройству, глубине залегания, тщательности отделки, а главное — по типу катакомб (с камерой, расположенной перпендикулярно к длинной оси входной ямы) они близки, если не идентичны к подкурганским катакомбам степного Предкавказья III—V вв. и несомненно связаны с ними генетически.

С распространением грунтовых катакомбных могильников в центральных районах Северного Кавказа подкурганые катакомбы на этой территории исчезают. В Дагестане и восточной части Чечено-Ингушетии курганные катакомбные могильники были известны и в более позднее время (VII—VIII вв.), когда они составляли особую группу катакомб, отличную от центральнокавказской.

- ¹ *Абрамова М. П.* Катакомбные и склеповые сооружения юга Восточной Европы // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Тр. ГИМ. М., 1982. Вып. 54. С. 9—19.
- ² *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской // МИА. 1951. № 23. С. 169.
- ³ *Анфимов И. Н.* Камерные погребения в грунтовых могильниках Правобережья Кубани // XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Орджоникидзе, 1986. С. 49—51.
- ⁴ *Сорокина Н. П.* Раскопки некрополя Кеп в 1961 г. // КСИА. 1963. Вып. 95. С. 61; *Она же.* Раскопки некрополя Кеп в 1962—1964 гг. // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 132.
- ⁵ *Коренько В. А.* Погребение сарматского времени в кургане у с. Новоселицкое в Ставропольском крае // КСИА. 1980. Вып. 162. С. 96—100; *Миросина Т. В.* Сарматские погребения Александровского района Ставропольского края // КСИА. 1985. Вып. 184. С. 95, 96.
- ⁶ *Виноградов В. Б., Березин Я. Б.* Катакомбные погребения и их носители в Центральном Предкавказье в III в. до н. э.—IV в. н. э. // Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985. С. 49—52.
- ⁷ Там же. С. 52—56.
- ⁸ *Алексеева Е. П.* Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии // Тр. КЧНИИ. Ставрополь, 1966. Вып. 5, Сер. ист. С. 158—164.
- ⁹ *Ждановский А. М.* Новые данные об этнической принадлежности курганов «Золотого кладбища» // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С. 38—45.
- ¹⁰ *Ждановский А. М.* Исследование курганного могильника у ст. Тбилисской Краснодарского края в 1977 г. // Арх. ИА АН СССР. Ф. 1. Д. 6293. С. 83, 90.
- ¹¹ *Анфимов Н. В.* Указ. соч. С. 157, 169, 191.
- ¹² *Шелов Д. Б.* Тамаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 247—249.
- ¹³ *Мунчаев Р. М.* Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии // СА. 1965. № 2. С. 179 и след.; *Абрамова М. П.* Катакомбные погребения IV—V вв. из Северной Осетии // Там же. 1975. № 1. С. 213—226; *Габуев Т. А.* Аланские погребения IV в. из Северной Осетии // СА. 1985. № 2. С. 197—204.
- ¹⁴ *Бобринский А. А.* Журнал раскопок, произведенных в Керчи и на Кавказе в 1888 г. // Арх. ЛОИА. ДАК № 64 за 1888 г. С. 191.
- ¹⁵ *Скрипкин А. С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984. С. 115.
- ¹⁶ *Он же.* Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2. С. 109.
- ¹⁷ *Нечаева Л. Г.* Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1956. С. 7.
- ¹⁸ *Абрамова М. П.* Катакомбные погребения IV—V вв. ... С. 232.

М. Г. ГУСАКОВ

БУЛАВКИ СО СПИРАЛЬНОВИТЫМ НАВЕРШИЕМ В ЗАРУБИНЕЦКОЙ КУЛЬТУРЕ

Настоящая статья посвящена одному из часто встречающихся предметов одежды — булавкам со спиральновитым навершием. Этому виду зарубинецких древностей (ниже речь будет идти о булавках только в пределах этой культуры), особенно их происхождению и этнической атрибуции, посвящено немало страниц в археологической печати¹.

Булавки со спиральновитым навершием или спиральной головкой широко распространены от Центральной Европы на западе до Верхней Волги на востоке, от Прибалтики на севере до среднего течения Днепра на юге. Хронологический диапазон их бытования — от эпохи бронзы до раннего средневековья. В зарубинецкой культуре такие булавки известны только в Полесье. Аналогичные им булавки характерны для памятников эпохи бронзы, особенно лужицкой культуры. Позднее они встречаются на памятниках поморской, милоградской, юхновской и дяковской культур, а также в могильниках конца I тысячелетия до н. э. Восточной Прибалтики и на древних городищах Смоленщины.

В данной статье я хочу еще раз вернуться к типологии рассматриваемых булавок, которая применительно к зарубинецкой культуре была сделана Ю. В. Кухаренко², и высказать некоторые предположения о семантике этих предметов.

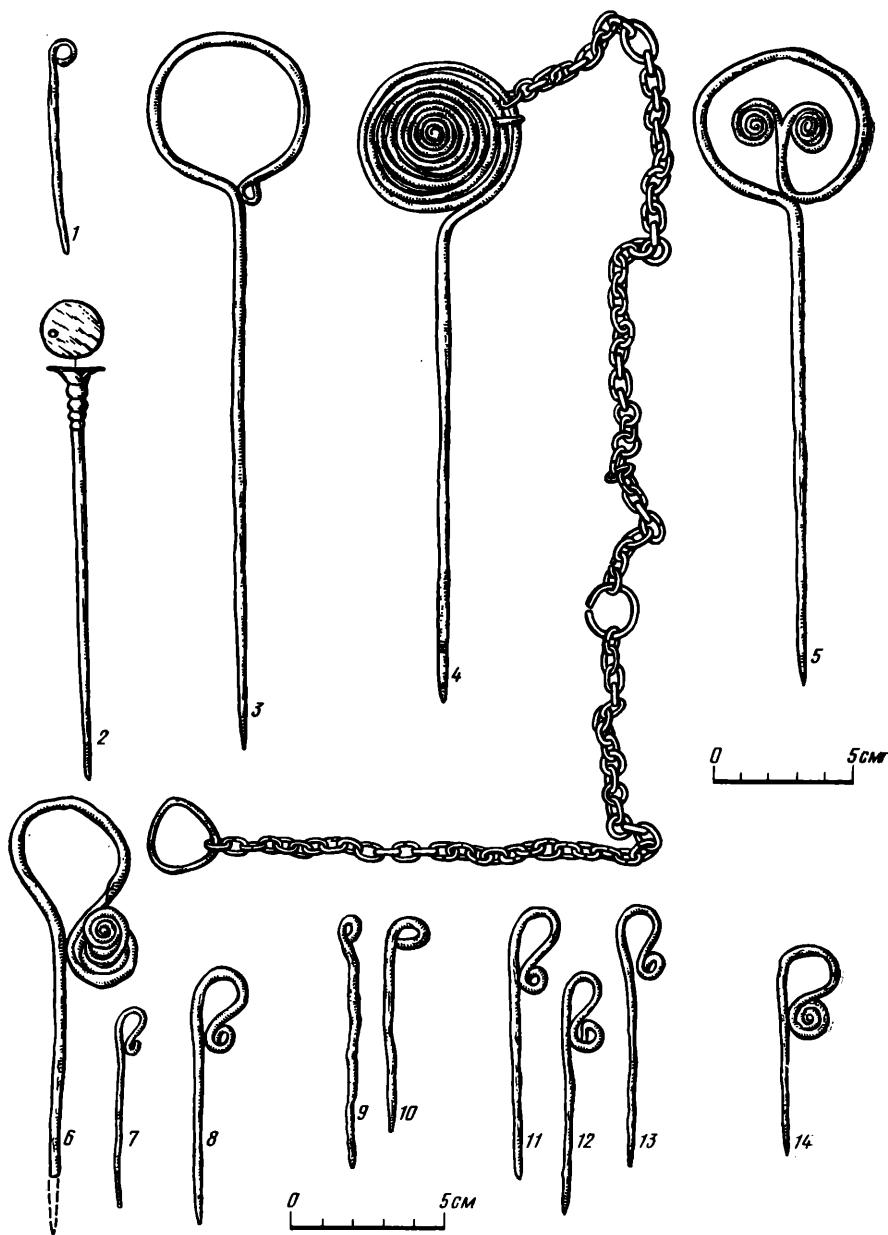

Рис. 1. Булавки

зарубицкая культура: 1 — мог. Воронино; 2, 4 — мог. Велемичи II, погр. 45; 3, 5 — мог. Велемичи I, погр. 41, 47; 6—14 — булавки городищ Смоленщины, Новые Батеки

По Ю. В. Кухаренко, булавки зарубицкой культуры разделяются на пять типов. Тип I: булавки с «ушком» или петлей. Размеры их — 7—10 см, встречаются они на всей территории культуры, сделаны из бронзы и железа (рис. 1, 1, 7—13). Тип II: так называемые гвоздевидные булавки бронзовые длиной от 10 до 15 см. В зарубицкой культуре встречаются довольно редко, но во всех группах. Происхождение их связывают с влиянием южноевропейских культур эпохи бронзы и скифского времени (рис. 1, 2). Тип III: булавки с кольцевидной головкой, наиболее распространенный тип булавок в Полесье. Они представляют собой прямой стержень, один конец которого заострен, а другой согнут в кольцо небольшой петелькой, направленной в противоположную сторону

от стержня (рис. 1, 3); выкованы из бронзы из круглой проволоки без каких-либо утолщений, их длина от 15 до 27 см. Тип IV: отличаются от предыдущих лишь формой головки, которая свернута в многовитковую (5—10 витков) спираль (рис. 1, 4). Сделаны из бронзовой круглой проволоки, длина колеблется от 15 до 27 см. Встречены только на могильниках Полесья. Тип V: представлен одним экземпляром из могильника Велемичи I, погребение 47. У этой булавки головка сделана в виде большого кольца, а конец проволоки рассечен на два «хвоста», скрученных в две спирали, так что они образуют как бы два «глаза» в овале кольца. Длина булавки — 24 см, сделана она из круглой бронзовой проволоки (рис. 1, 5). В погребении найдена вместе с булавкой типа IV.

Булавок рассмотренных типов на памятниках зарубинецкой культуры найдено около 60; все они происходят из погребений. При детальном осмотре хорошо сохранившихся булавок III и IV типов можно заключить, что размеры стержня и навершья вместе у них приблизительно равны 27 см*. Толщина проволоки везде одинаковая — от 3 до 4 мм. На булавках IV типа часто видны следы починок в месте перехода стержня в кольцо. Это место самое уязвимое с точки зрения прочности всей конструкции: именно на это место приходится максимум усилий на стержень при протыкании ткани булавкой. Еще одно замечание: нет четкого числа витков в головке у типа IV. У хорошо сохранившихся экземпляров — 9—10 витков, у тех булавок, сохранность которых хуже, количество витков различно — 7, 6, 5 и меньше. У булавок с кольцевидным навершием (III тип) величина кольца зависит от длины стержня: чем меньше стержень, тем меньше и величина головки.

В печати высказывались предположения, что различия в размерах булавок с кольцевидным навершием зависят от толщины ткани, из которой делали платки, наплечные покрывала и т. д. Писалось и о том, что разница в размерах зависела от возраста людей, которые их носили (булавки для детей, подростков, взрослых). Как правило, булавки использовались в паре: так их находили в погребениях. Но это бывает не всегда.

Мне представляется, что указанные различия в «вариантах» булавок III и IV типов связаны не с различными способами их употребления и не с возрастом людей, которые их носили. К тому же по данным антропологического анализа останков погребенных, при которых были найдены булавки с кольцевидным навершием, маленьких размеров, оказывается, что все «владельцы таких булавок были люди «почтенного» возраста» (возмужалый, возмужало-зрелый). В то же время булавки со спирально-витой головкой были найдены у сравнительно молодых людей (юношеский, 20—40 лет).

Последнее замечание наводит на мысль, что булавки со спирально-витой головкой были изначальным видом этого предмета одежды. По мере порчи, поломок булавки в течение жизни человека она восстанавливалась за счет запаса проволоки, заключенной в спирали. Таким образом, булавка является предметом одежды, длительность использования которого зависит от интенсивности использования, отчасти от характера человека; у одного она часто будет ломаться, у другого этот процесс более замедленный.

Встает вопрос: с какого возраста булавка начинает служить человеку? По этому поводу можно привести несколько предположений, используя этнографический материал прибалтийских народов, которые широко применяли булавки, правда с несколько иным устройством головки (навершием служил крест). Эти булавки выполняли ту же функцию, что и более ранние спирально-витые, т. е. скалывали большие наплечные покрывала молодых и взрослых женщин³. Эти данные, к сожалению очень малочисленные, позволяют предположить, что булавки были принадлеж-

* Хочу выразить глубокую благодарность старшему научному сотруднику Первобытного отдела Государственного Эрмитажа К. В. Каспаровой, любезно предоставившей мне возможность ознакомиться с материалами из могильников Велемичи II и Отвержичи, а также за консультации и ценные для меня советы.

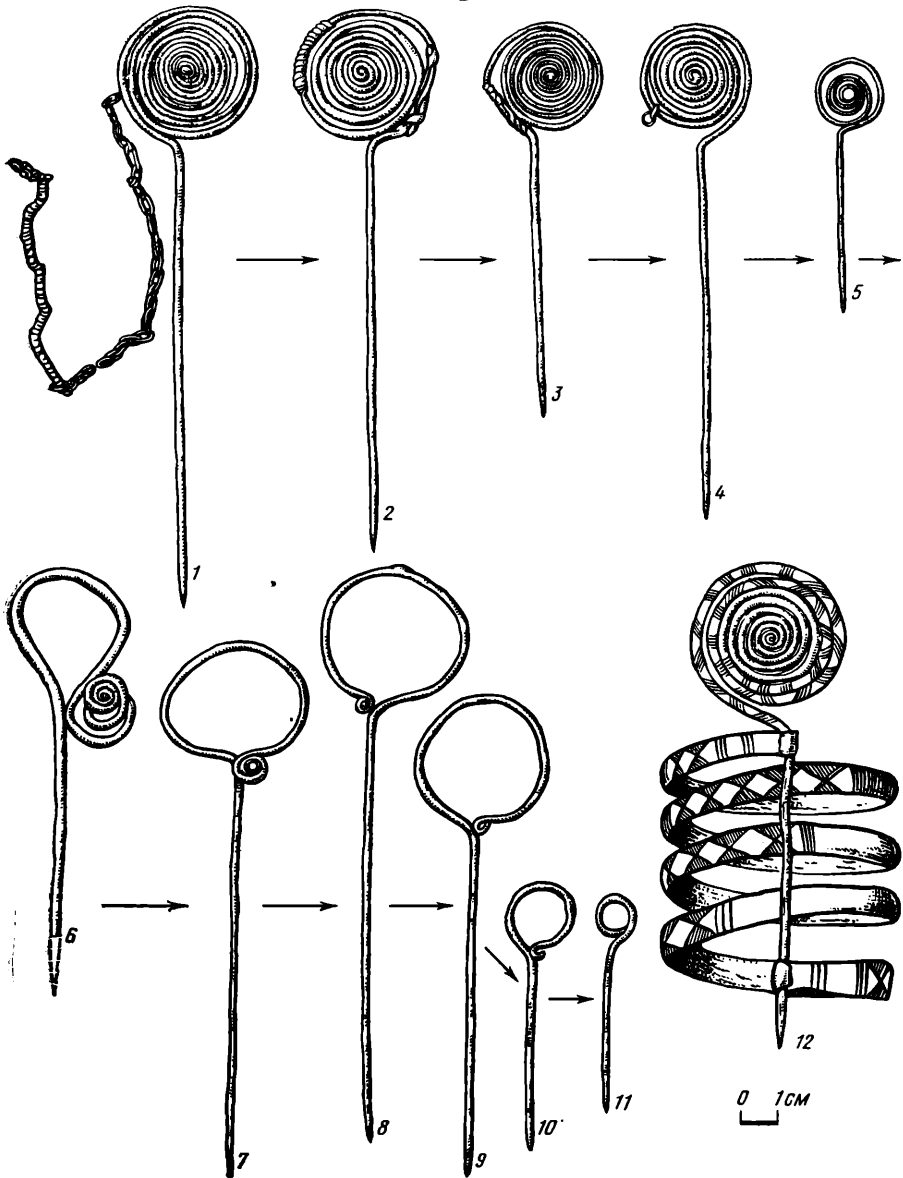

Рис. 2. Схема изменения булавок в процессе употребления от первоначального вида до конечного вида (1—11); 12 — булавка с браслетом лужицкой культуры (бронза)
 1 — мог. Велемичи II, погр. 84; 2 — мог. Отвержичи, погр. 1; 3 — мог. Отвержичи, насыпь кургана 2; 4 — мог. Отвержичи, погр. 1; 5 — Велемичи II, погр. 82; 6 — Новые Батеки; 7 — Велемичи I, погр. 18; 8 — Велемичи II, погр. 93; 9 — Велемичи II, погр. 59; 10 — Велемичи II, погр. 105; 11 — Велемичи II, погр. 96; 12 — Ожижь, ПНР

ностью одежды взрослых женщин (с момента совершеннолетия или со вступления в брак и до смерти).

Таким образом, нам представляется, что булавки со спиральной головкой у населения зарубинецкой культуры были единственным типом булавок (IV тип, по Ю. В. Кухаренко). Булавки с кольцевидной головкой (III тип), булавки с посоховидным навершием (I тип) и единственная булавка с двумя спиральными головками (V тип) были производными от спиральновитых. Их отличия от IV типа обусловлены естественным изменением в результате употребления в течение жизни и восстановления до нужного размера, требуемого практическими нуждами за счет запаса проволоки в витой головке. Булавка V типа не является, на наш взгляд,

исключением из этого правила. Она тоже могла изначально быть с полной витой головкой, только конец ее с раздвоенным «хвостом», скрученным в два «глаза», накладывался на спирально накрученную головку.

На рис. 2 сделана попытка представить процесс изменения булавок в течение их службы от первоначального вида (I) до конечного (II). Здесь представлены экземпляры, которые были обнаружены в зарубинецких погребениях, кроме булавки с городища Новые Батеки из раскопок Е. А. Шмидта⁴ (рис. 2, 6).

Несколько слов о булавках I типа. Возможно, что они также являются остатками спиральновитых булавок, сделаны из обломков стержней, которые, таким образом, получили дальнейшее использование.

Хотелось бы обратить внимание и на использование булавок в качестве оберегов, т. е. предметов, охраняющих своего «носителя» от порчи и действий злых сил.

У многих народов мира весьма значительна была роль в качестве оберега предметов, сделанных из металла. Интересны в этом смысле этнографические данные, которые приводит Г. С. Маслова, об общераспространенном обереге на свадьбах — булавках и иголках (без ушек), которые втыкали в одежду, в швы (нередко крестообразно)⁵. Подобные действия (втыкание в одежду булавок и иголок) производились и с покойником с целью охраны его от других мертвых.

Таким образом, булавки могли использоваться и как обереги с момента свадьбы и до смерти, т. е. носили охранительные функции.

Коль скоро речь зашла об охранительных функциях булавок, то относительно семантики булавок со спиральновитым навершием можно высказать предположение, основанное на находке из памятника лужицкой культуры (Ожиж, пов. Пишь, восточно-мазурская группа западнобалтийской культуры, случайная находка, бронза — рис. 2, 12)⁶.

На этой булавке и на витом браслете, который был найден вместе с ней, нанесен орнамент в виде ромбов. Мне представляется, что не будет большим преувеличением предположить, что скрученное навершие, ромбический орнамент, а также наличие «глаз» на одной из булавок из раскопок Ю. В. Кухаренко (тип V, рис. 1, 5) — все это может напоминать условное изображение змеи. Если допустить это, станет понятен внутренний смысл предмета и его «неслучайное» отношение к погребальной обрядности не только у славянских, но и у балтских народов, где особенно долго народная память хранила культ змеи. Последний был тесно связан с культурами плодородия, женской производительной силы, земли, дождя, воды, домашнего очага, огня (небесного) и т. д. В народной традиции культ змеи часто был связан с охранительными функциями (оберег)⁷.

Возможно, булавки со спиральновитой головкой, помимо чисто практической функции, несли в погребальной обрядности зарубинецкого населения и охранительные свойства. Не исключено, что в погребальной процедуре они выполняли роль не только предмета одежды, но и предназначались для скалывания двух концов савана, в который заворачивали покойного. Размеры булавок, их парность, цепочка, иногда связывающая их, дают возможность предполагать их употребление именно для этих целей. В этом случае булавка в своем функциональном назначении сочетается с символом — охранительным оберегом в погребальном обряде.

Культовое употребление булавок, как представляется, было главным в соблюдении ритуальных предписаний. Они получались после достижения совершеннолетия, носились в торжественных случаях (часть свадебного наряда, ношение в ритуальные дни), применялись и в погребальной процедуре.

Безусловно, что все представленные наблюдения имеют предварительный, гипотетический характер. С увеличением числа наблюдений, связанных с использованием булавок, наши представления не только о функциональном назначении, но и о семантической нагрузке булавок будут уточняться.

- ¹ *Седов В. В.* Булавки восточных балтов в эпоху раннего железа // *Acta Baltico-Slavica*. Bjalystok. 1967. Vol. 5. P. 129—141; *Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура // *САИ*. М., 1964. Вып. Д1—19. С. 35; *Каспарова К. В.* Зарубинецкий могильник Велемичи II // *АСГЭ*. Л., 1972. Вып. 14. С. 90—93; *Рыбалова В. Д.* О связях правобережной лесостепной Украины с Центральной Европой в эпоху бронзы и раннего железа // *Исследование по археологии СССР*. Л., 1961. С. 81—95; *Древние городища Смоленщины*. М.; Л., 1963. С. 42, 164, 165, 169.
- ² *Кухаренко Ю. В.* Указ. соч. С. 35. Табл. 15.
- ³ *Зариня А. Э.* Одежда жителей Латвии VII—XVII вв. // *Древняя одежда народов Восточной Европы*. М., 1986. С. 146—208.
- ⁴ *Шмидт Е. А.* Городище у с. Новые Батеки // *Древние городища Смоленщины*. М.; Л., 1963. С. 164—169.
- ⁵ *Маслова Г. С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX века. М., 1984. С. 37—91.
- ⁶ *Кухаренко Ю. В.* Археология Польши. М., 1969. Табл. XIII, 7.
- ⁷ *Афанасьев А. Н.* Древо жизни: Избр. ст. М., 1983. С. 253—292.

А. Н. ГУДИМ-ЛЕВКОВИЧ

КЛАД У С. ГЛИНСК И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В ЧЕРНЯХОВСКОЕ ВРЕМЯ

При изучении археологических материалов черняховской культуры, а также нумизматических находок на ее территории исследователи выделяют целый ряд взаимосвязанных проблем. Они относятся как к собственно источниковедческому анализу археологического и нумизматического материала, так и к его исторической интерпретации. Новые находки заставляют еще раз пересматривать правомерность постановки этих проблем.

Одной из последних крупных нумизматических находок является клад римских денариев, обнаруженный в 1983 г. у с. Глинск Калиновского р-на Винницкой обл.¹ Клад был обнаружен местными жителями на пахоте, к северу от с. Глинск на берегу безымянного притока р. Постоловой (приток р. Южный Буг). Винницким отрядом Лесостепной Правобережной экспедиции ИА АН УССР (начальник отряда — Б. В. Магомедов) совместно с сотрудниками Винницкого краеведческого музея было проведено археологическое исследование места находки клада. Установлено, что клад находился на территории крупного, протяженностью около 1,2 км, поселения черняховской культуры. На месте находки клада был заложен раскоп площадью около 100 кв. м. В результате этих работ и сбора разошедшихся по рукам монет у местного населения число монет в составе клада достигло 884 экз. от Траяна до Септимия Севера. Ранние денарии относятся ко времени правления императора Траяна (98—117 гг.), а поздние — ко времени Септимия Севера (193—211 гг.), причем денарии Антонина Пия и Марка Аврелия по числу монет в кладе стоят на первом месте. По составу и обстоятельствам находки клада из с. Глинск близки клады у с. Погорелое Винницкой обл. (№ 299), у с. Лукашино Полтавской обл. (№ 796), у с. Антоновка (№ 1169) и у с. Турия (№ 1271) Черкасской обл., у с. Лучица Львовской обл. (№ 676), у с. Збуж Ровенской обл. (№ 839)².

При анализе клада требуют своего дальнейшего уточнения и корректировки такие вопросы, как проблема датировки кладов и время обращения различных монет, проблема соотношения находки монет и кладов с различными археологическими памятниками, т. е. определение их культурной принадлежности. Важной проблемой, связанной с историко-экономической интерпретацией нумизматических находок и влияющей на про-

ведение чисто источниковедческого анализа, является вопрос об определении экономических функций римских монет у «варварских» народов Восточной Европы.

По этой проблеме в советской археологической литературе были высказаны две основные точки зрения. М. Ю. Брайчевский считает, что римские монеты использовались у племен — носителей черняховской культуры в качестве денежного знака. Основной функцией, которую выполняли монеты, было средство обращения и средство накопления сокровищ. Причем он признает обращение римских монет у варваров не только во внешней торговле с римлянами, но и во внутреннем обращении вплоть до внутриобщинного уровня³.

Последнее утверждение подвергает справедливой критике В. В. Крпоткин. Он считает, что на территории Восточной Европы римские монеты имели стоимость металла и служили средством накопления сокровищ; кроме того, они широко использовались в римско-варварской и, возможно, в межплеменной торговле⁴.

Деньги возникают не сразу в своей развитой форме. Их функции, а именно мера стоимости, средство обращения, средство накопления сокровищ, средство платежа и мировые деньги — возникают постепенно и не обязательно в перечисленной последовательности. Б. Ф. Поршнев, например, считает, что для раннесредневековых феодальных обществ деньги появлялись первоначально только как мировые деньги⁵. В. В. Крпоткин для рассматриваемого нами периода также пытается наметить динамику развития различных функций денег. Опираясь на сообщения Тацита и данные нумизматических источников, он отмечает, что серебряная монета являлась наиболее распространенной валютой в торговле с племенами Центральной и Восточной Европы⁶.

Рассмотрение вопроса об историческом развитии функций денег невозможно без анализа конкретной исторической ситуации, сложившейся в Восточной Европе во II—III вв. н. э.; сведения об этой ситуации мы можем получить, еще раз обратившись к письменному источнику.

Во II — начале III в. н. э. происходят крупные изменения во внешней политике римских императоров в Восточной Европе. Именно этим временем датируется большинство римских монет, обнаруженных в этом регионе. Массовое поступление римских монет связано с созданием Марком Аврелием и его последователями института федератов из среды варварских (в основном германских) племен. Сущность этих мероприятий заключалась в следующем. За выполнение ряда обязательств, главным из которых было военное союзничество, различные племена варваров получали от императора: во-первых, деньги, во-вторых, возможность пользоваться римскими рынками, в-третьих, землю для некоторых из них (т. е. область для поселения на территории империи). Эти события нашли яркое отражение в «Римской истории» Диона Кассия (кн. LXXI, гл. 11—12).

Необходимо отметить, что наряду с федератами, т. е. племенами, поселившимися на территории империи, деньги получали и племена, продолжавшие проживать по ту сторону римского лимеса. Между римской территорией и землей этих племен устанавливалась даже пограничная зона. Так, маркоманнам по требованию Марка Аврелия «пришлось отселиться от Истра приблизительно на 38 стадий» (Дион Кассий. Кн. LXXI, гл. 15)⁷. Такие же условия были выдвинуты при заключении договоров с квадами и язигами.

Интересно, что требование варварскими племенами денег обязательно сочетается у них с требованием получения доступа на римские рынки. Например, описывая условия мирного договора Марка Аврелия с племенами квадов, Дион Кассий отмечает, что вместе с деньгами квады «добились позволения на торговые сношения на рынках при условии, чтобы только вместе с ними туда не являлись маркоманны и язиги, которых они поклялись не принимать и не пропускать через свою страну, и чтобы они сами присматривались к римским обычаям торговли продуктами»⁸

(Дион Кассий, кн. LXXI, гл. 11—12). Требование получения доступа к **римским рынкам, дополняемое требованием денег, свидетельствует** об использовании варварами денег при торговых сделках с римлянами, о чем, кстати, свидетельствует для еще более раннего времени Тацит (*Тацит. Герм., § 5*).

Анализ исторической ситуации, сложившейся во II — начале III в. н. э. в Центральной и Восточной Европе, позволяет предполагать использование римской монеты в этом регионе в качестве мировых денег. Это значит, что, согласно определению функции мировых денег, монеты использовались в качестве всеобщего средства платежа, всеобщего покупательного средства и всеобщего воплощения общественного богатства⁹. Так, при выплате варварам денег за выполнение ими ряда военно-политических и экономических обязательств монеты выступают в роли всеобщего платежного средства. При римско-варварской торговле на **римских рынках монеты также выполняли функцию всеобщего платежно-покупательного средства.**

Замечание Диона Кассия о том, что Марк Аврелий «ограничил для них, маркоманнов, пункты и дни торговых сношений (которые прежде не были определены)»... (*Дион Кассий. Кн. LXXI, гл. 15—16*)¹⁰, свидетельствует о том, что международная, римско-варварская торговля принимает во II в. н. э. систематический характер. Она становится более **организованной, контролируется высшей римской политической властью, т. е. преследует определенные стратегические цели внешней политики римских императоров.** Использование той или иной денежной системы, валюты обуславливается ассортиментом и количеством товаров, которые можно приобрести за эту валюту.

При международном использовании денег их монетная форма несущественна, деньги здесь выступают лишь как товар в форме благородных металлов. Это положение хорошо видно из описания германской политики императора Каракаллы: «Если им что и говорилось против их, германцев, желая, то при виде золотых они покорялись, так как он дарил им настоящие золотые. Напротив, римлянам он давал поддельные деньги, серебряные и золотые: он приготавливал первые из посеребренного свинца, вторые из золоченой меди» (*Дион Кассий, кн. LXXVII, гл. 14*)¹¹. Из приведенного отрывка хорошо видна также экономическая сущность римско-варварских торговых договоров. Они отражали не процесс включения новых областей в сферу внутреннего, римского денежного обращения, а организовывали и упорядочивали сферу внешних, международных товарно-денежных отношений.

Таким образом, рассмотрев на основании письменного источника историко-экономическую обстановку в Центральной и Восточной Европе в конце II — начале III в. н. э., можно предполагать, что в это время римская монета попадала на эту территорию в качестве мировых денег, в качестве валюты.

Безусловно, функция мировых денег у римской монеты проявилась здесь в своеобразной, также еще недостаточно развитой форме. С одной стороны, в этих отношениях выступало государство — Римская империя, а с другой — различные социально-экономические единицы первобытного общества: «...и они пришли к Марку... — одни по родам, а другие по племенам» (*Дион Кассий. Кн. LXXI. Гл. 11—12*)¹².

Сопоставляя выводы, полученные в результате анализа письменного источника, с нумизматическими и археологическими данными, можно предположить, что основной причиной и источником столь массового поступления монеты на варварские земли в это время был не «пассивный» баланс римской торговли, как считает М. Ю. Брайчевский¹³, а **внешняя политика римских императоров.**

Экономический анализ конкретной исторической ситуации, сложившейся в конце II — начале III в. н. э., и признание гипотезы об использовании в это время римских монет в качестве международной валюты

может явиться корректирующим моментом при датировке и хронологическом исследовании кладов, найденных на территории распространения черняховской культуры.

При хронологическом изучении денежного клада можно выделить три временные характеристики: время накопления клада; время существования клада как сокровища; дата окончательной утери сокровища и превращения его в клад.

Первые две временные характеристики обычно в основном совпадают, но в некоторых случаях могут иметь свои особенности.

Учитывая возможность поступления монет крупными партиями в варварскую среду, нумизматический комплекс, перераспределяясь, мог долго сохраняться и использоваться как сокровище, не пополняясь монетами более поздней чеканки. Это сокровище могло долго существовать, являясь воплощением богатства и источником валюты при римско-варварском и межплеменном обмене. Младшая монета в кладе не обязательно показывает дату окончательной утери сокровища: она может значительно отстоять от времени окончания его накопления.

Такую же точку зрения на процесс создания кладов высказал М. Ю. Брайчевский¹⁴. Он совершенно справедливо отмечает необходимость учитывать следующие моменты. Выполнение монетными кладами такой экономической функции, как накопление сокровищ, предполагает использование их при обмене. Денежная форма богатства — это превращенная форма богатства продуктами. Кроме того, колебания размеров товарного обращения обуславливают необходимость создания денежных сокровищниц (при отсутствии контроля за денежным обращением со стороны государственной власти). Сокровищницы выполняют роль резервных фондов денежной массы. Однако необходимо помнить, что эти функции имеют место при использовании денег не только при внутреннем, но и при внешнем обращении. «...Функции сокровища возникают часто из функции денег как средства обращения и средства платежа на внутреннем рынке, частью из их функции как всемирных денег»¹⁵.

Вывод о возможности окончательной утери клада, формально оканчивающегося на монетах рубежа II—III вв. н. э., в более позднее время подтверждается условиями находки клада у с. Глинск. В результате раскопок, проведенных на месте обнаружения клада, была выявлена следующая стратиграфия. Монеты находились в пахотном слое (до уровня 0,30 м) совместно с основным количеством обнаруженной гончарной керамики и фрагментами стеклянных кубков с круглыми и овальными фасетками. Согласно Г. Рау¹⁶, такие изделия датируются второй и третьей четвертью IV в. н. э. В шурфе был прослежен культурный слой мощностью до 0,9 м; следов какой-либо постройки обнаружить не удалось. Условия находки клада не позволяют предположить, что он был утерян ранее середины IV в. н. э., несмотря на то что монеты относятся к I—III вв. н. э. (от Траяна до Септимия Севера). Факт потертости многих позднейших монет конца II — начала III в. н. э. в составе кладов также свидетельствует о возможности их окончательной утери в более позднее время.

Вопрос об определении населения, которое использовало римские монеты чеканки I — начала III в. н. э., поставленный М. А. Тихановой в своей статье¹⁷, на наш взгляд, не имеет достаточной остроты. Клады и отдельные находки монет I—III вв. н. э., обнаруженные на памятниках черняховской культуры, вполне определенно связывают их с деятельностью носителей этой культуры. В свою очередь, соотнесение кладов римских монет с черняховскими памятниками не позволяет отодвигать дату окончательной их утери в значительно более позднее время (как это делает М. Ю. Брайчевский — до VIII—IX вв.¹⁸), чем время прекращения существования черняховской культуры. «Со времени гуннского нашествия до конца VIII в. в Восточной Европе наступает длительный безмонетный период»¹⁹.

Таким образом, проблема выполнения монетами, чеканенными в I—начале III в. н. э., тех или иных экономических функций в более позднее время (в III—IV вв. н. э.— время расцвета черняховской культуры) требует своего дальнейшего уточнения и разработки.

- ¹ Магомедов Б. В. Исследования в Винницкой области // АО 1984 г. М., 1985.
- ² Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР // САИ. 1961. Вып. Г4—4; *Он же*. Новые находки римских монет в СССР // Доп. к САИ. Вып. Г4—4 // НЭ. 1966. Т. VI. С. 74—102.
- ³ Брайчевський М. Ю. Римська монета на території України. Київ, 1959. С. 32—34, 61—67.
- ⁴ Кропоткин В. В. Клады римских монет... С. 33.
- ⁵ Поршнева Б. Ф. Очерк политической экономики феодализма. М., 1956. С. 115.
- ⁶ Кропоткин В. В. Клады римских монет... С. 11.
- ⁷ Древние германцы. М., 1937. С. 165.
- ⁸ Там же. С. 163.
- ⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 154.
- ¹⁰ Древние германцы. С. 165.
- ¹¹ Там же. С. 168.
- ¹² Там же. С. 165.
- ¹³ Брайчевський М. Ю. Указ. соч. С. 46.
- ¹⁴ Там же. С. 81.
- ¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 155.
- ¹⁶ Günter Rau. Körpergräber mit Glasbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel-Raum // Acta prachist. et archaeol. 1972. N 3. P. 160, 161.
- ¹⁷ Тиханова М. А. К вопросу об обмене и торговле в эпоху черняховской культуры // КСИА. 1974. Вып. 138. С. 70—72.
- ¹⁸ Брайчевський М. Ю. Біля джерел слов'янської державності. Київ, 1964. С. 262.
- ¹⁹ Кропоткин В. В. К вопросу о развитии товарного производства и денежных отношений у племен черняховской культуры // Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабства и феодализма. М., 1970. С. 160.

О. М. ПРИХОДНЮК

О ГЕНЕЗИСЕ ДРЕВНОСТЕЙ ПОЗДНЕРИМСКОГО И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ ДНЕПРОВСКОГО ЛЕСОСТЕПНОГО ЛЕВОБОЕРЕЖЬЯ

В послевоенные годы в Днепровском лесостепном Левобережье были выделены памятники второй и третьей четверти I тысячелетия н. э., которые вначале рассматривались суммарно, без четкого хронологического и культурного членения¹. Это определялось бедностью и аморфностью археологических комплексов.

В последние 10—15 лет интенсивность работ по изучению этих памятников увеличилась. Новые материалы были обобщены Е. А. Горюновым. На широко исследованном поселении Хитцы он четко выделил пеньковские объекты (V—VII вв.), а в Подесенье менее определенно расчленил древности второй и третьей четверти I тысячелетия². Значительные работы по изучению древностей второй четверти I тысячелетия н. э. в Подесенье провели Е. В. Максимов и Р. В. Терпиловский. Материалы этих и предшествующих раскопок были обобщены в монографии Р. В. Терпиловского. Он категорично выделяет среди древностей Подесенья материалы III—начала V в., относя их к культуре киевского типа³.

Датирующие материалы на памятниках, объединенных в киевскую культуру, немногочисленны. Это — железные булавки с головками, оформленными в виде кольца (Лавриков Лес, Киреевка I), относящиеся к III—IV вв., железная двучленная подвязная фибула с шипом в верхней части второй половины III—IV вв. (Лавриков Лес), крупная железная пряжка с вытянутой рамкой IV в. и костяной трехчастный гребень с сегментированной спинкой второй половины IV—начала V в. (Роище)⁴. К общим признакам этих памятников относится расположение поселений на первых террасах водоемов, небольшая площадь, малое количество одновременных жилищ, расположенных без определенной системы. Все жилища — небольшие четырехугольные полуземлянки с очагом

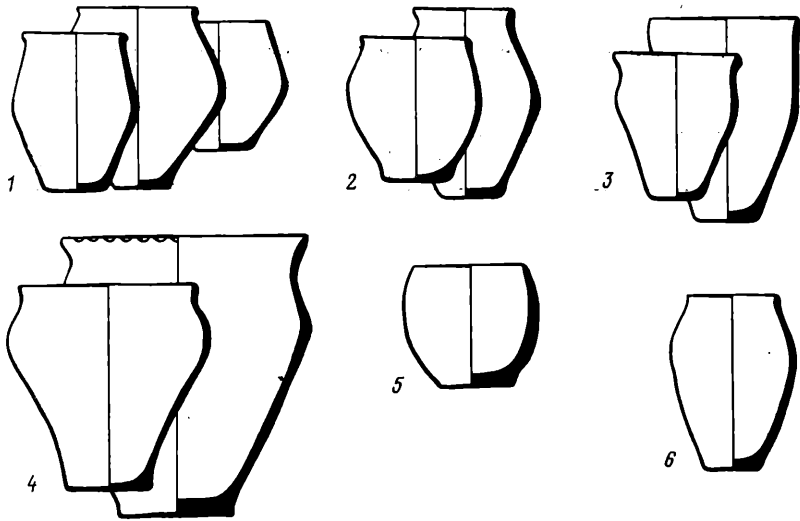

Рис. 1. Основные виды лепных горшков из памятников второй и третьей четверти I тысячелетия н. э. Днепровского Левобережья (1—6)

или без отчетливых следов отопительного сооружения, часто с ямкой в полу, расположенной в средней части построек.

При изолированном рассмотрении этих черт создается впечатление, что они служат аргументом в пользу культурной обособленности древностей Днепровского Левобережья второй четверти I тысячелетия н. э. Однако большинство указанных признаков присуще и поселениям более поздних колочинской и пеньковской культур, в особенности комплексам середины I тысячелетия н. э. В значительной степени это справедливо и в отношении лепной посуды, которая на киевских, колочинских и пеньковских памятниках представлена в основном горшками, реже мисками, дисками и сковородами. Поверхность большинства изделий бугристая от выступающих зерен шамота, часто со следами неаккуратного сглаживания.

Е. А. Горюнов выделял среди посуды Подесенья девять видов, шесть из которых встречаются на памятниках второй и третьей четверти I тысячелетия, Р. В. Терпиловский — четыре вида, разделенные на варианты⁵. В основу их классификации положены профилировка сосудов, высота и характер максимального расширения тулова, в особенности конфигурация верхней части сосудов, поскольку большая часть керамики представлена обломками. В настоящей работе мы используем классификацию Р. В. Терпиловского.

К первому виду относится посуда биконической формы. Это кухонные горшки, более или менее стройные, с невыделенным или отогнутым наружу венчиком и острым переломом тулова на середине высоты (рис. 1, 1). Второй вид включает приземистые и стройные кухонные горшки с округленным туловом и максимальным расширением на середине высоты. Венчик у них более или менее отогнут наружу (рис. 1, 2). Третий вид составляют стройные горшки с открытой горловиной тюльпановидных и цилиндроконических форм, имеющие максимальное расширение на середине высоты тулова. Венчик у них не выделен или слегка отогнут наружу (рис. 1, 3). Четвертый вид посуды представлен кухонными горшками и зерновиками с широкой шейкой и максимальным расширением тулова в верхней части. Коническое тулово их переходит в пологое или угловатое плечо (рис. 1, 4). На всех памятниках второй четверти I тысячелетия н. э. имеются диски, а иногда и сковороды с невысоким бортиком. Лишь изредка попадаются миски.

Все перечисленные виды посуды имеются на памятниках киевского типа, что как будто бы свидетельствует об их культурном единстве.

Таблица 1
Распределение видов лепной керамики на поселениях

Поселения	Общее количество керамики	Количество керамики по видам			
		I	II	III	IV
Лавриков Лес	38 *	2	16	10	10
	100,0	5,3	42,1	26,3	26,3
Форостовичи	30	2	11	6	11
	100,0	6,6	36,7	20,0	36,7
Роище	69	35	11	14	9
	100,0	50,7	16,0	20,3	13,0

* В числителе — абсолютное число, в знаменателе — процент.

Однако в вопросах культурной интерпретации близких памятников перво-степенное значение приобретают количественные комбинации встречаемости керамических форм. Рассмотрим с этой точки зрения данные Е. А. Горюнова и Р. В. Терпиловского⁶ о количественном распределении различных видов посуды на наиболее хорошо исследованных поселениях Подесенья (табл. 1)⁷.

Из таблицы следует, что на поселениях Лавриков Лес и Форостовичи занимают ведущее место и определяют «лицо» керамических комплексов горшки III и IV видов, среди которых наиболее выразительными являются тюльпановидные сосуды. В то же время в Роищах наиболее многочисленны и наиболее выразительны биконические горшки I вида. Таким образом, по встречаемости форм лепных сосудов поселения Лавриков Лес и Форостовичи могут быть отнесены к одному кругу древностей, а Роище — к другому. На наш взгляд, их нельзя объединять в один тип памятников, а тем более в одну археологическую культуру.

Сопоставим количественное распределение керамики из рассмотренных поселений с комплексами хорошо изученных памятников Днепровского Левобережья последующего времени. Одним из таких памятников является колочинское поселение Смольянь, где обнаружено пять жилищ четырехугольных очертаний с углубленным полом, радиоуглеродным методом датированных концом VI—VII в. н. э.⁸ Здесь обнаружено 53 сосуда, из которых четыре отнесены к I виду (7,6%), шесть — ко II виду (11,3%), 36 — к III виду (67,9%), три к IV виду (6,6%). Кроме того, на поселении найдены горшки баночных форм с загнутым внутрь краем и невыделенными венчиками, которые мы относим к V виду (рис. 1, 5). Таких горшков найдено четыре (7,6%).

Становится очевидным, что керамические комплексы из Лавриковского Леса и Форостовичей достаточно близки к комплексу из Смольяни. Ведущее место на всех этих памятниках принадлежит горшкам III вида тюльпановидных очертаний. Обращает на себя внимание незначительный удельный вес биконической посуды. Такое соотношение керамики позволяет отнести эти три поселения к колочинской культуре, хронологию которой можно определять временем между IV и VII вв. н. э. Комплексы из Лавриковского Леса и Форостовичей представляют, вероятно, наиболее раннюю фазу ее существования.

Среди древностей второй и третьей четверти I тысячелетия н. э. можно назвать и поселение Роище, керамические материалы которого мы рассмотрим по жилищам, поскольку для этого имеются исходные данные⁹ (табл. 2).

Из таблицы 2 следует, что на поселении Роище ведущее положение занимают биконические горшки I вида. Отметим также, что в каждой из указанных полуземлянок этого поселения обнаружена гончарная керамика черняховского облика.

Таблица 2

Количественное распределение видов лепной керамики на поселении Роище

№ жилищ	Общее количество керамики	Количество горшков по видам					Диски	Миски
		I	II	III	IV	V		
1	10 *	5	2	3	—	—	—	—
	100,0	50,0	20,0	30,0	—	—	—	—
2	9	4	2	1	2	—	—	—
	100,0	44,5	22,2	11,1	22,2	—	—	—
3	6	4	—	1	—	—	—	1
	100,0	66,6	—	16,7	—	—	—	16,7
4	10	3	2	4	—	—	1	—
	100,0	30,0	20,0	40,0	—	—	10,0	—
12	4	3	—	1	—	—	—	—
	100,0	75,0	—	25,0	—	—	—	—
14	10	6	2	2	—	—	—	—
	100,0	60,0	20,0	20,0	—	—	—	—
Всего	49	25	8	12	2	—	1	1
	100,0	51,0	16,4	24,5	4,1	—	2,0	2,0

* В числителе — абсолютное число, в знаменателе — процент.

Наибольшее количество биконической посуды найдено при раскопках пеньковского поселения Хитцы, где обнаружено 12 полуземлянок. На основании всего комплекса материалов Е. А. Горюнов расчленил их на две хронологические фазы, первую из них — V в., вторую — VI—VII вв.¹⁰

В керамическом комплексе из Хитцов имеются все пять видов ранее рассмотренной керамики (табл. 3). Кроме того, там найдены горшки с расширением тулова на верхней трети высоты, небольшим плечом и коротким, почти вертикальным или отогнутым наружу венчиком. Они напоминают корчакскую посуду и отнесены к VI виду керамики (рис. 1, б). В землянках 12 и 14, отнесенных к первой фазе, обнаружена также гончарная черняховская керамика, а в землянке 7 второй фазы — гончарная керамика пастырского типа.

При сравнении табл. 2 и 3 обращает внимание близость керамических комплексов из Роищ и Хитцов. В обоих памятниках наиболее многочисленными являются биконические горшки I вида. Это может свидетельствовать о принадлежности обоих памятников к пеньковской культуре. Материалы из Роищ являются, очевидно, наиболее ранними, относящимися к начальной фазе этой культуры, датирующейся IV в. н. э.

Те же памятники показывают, что пеньковские керамические наборы не оставались статичными. Изменялось количественное соотношение форм в них, отмирали одни формы посуды, зарождались другие. Заметна тенденция к уменьшению количества биконических горшков I вида. Их численность с 51% в Роищах падает до 39,3% на первой фазе развития поселения Хитцы и до 38% на второй фазе. Напротив, происходило увеличение числа общеславянских округлобоких форм II вида — от 16,4% в Роищах до 34% в поздних комплексах поселения Хитцы. Одновременно количество тюльпановидных форм III вида резко уменьшается. На поселении Хитцы появляются немногочисленные экземпляры горшков VI вида, близких по профилировке и пропорциям к корчакской посуде. Наряду с дисками имеются сковороды с невысокими бортиками. В Роищах черняховской гончарной керамики имеется до 15%, а в ранних комплексах поселения Хитцы (1-я фаза) они представлены единичными экземплярами. В поздних комплексах того же поселения (2-я фаза) черняховская керамика исчезает, но появляются фрагменты гончарной посуды пастырского облика.

Таблица 3
Количественное распределение видов лепной керамики
на поселении Хитцы

Хронологи- ческие фазы	№ полузем- лянки	Общее кол-во керамики	Количество горшков по видам						Диски	Миски	
			I	II	III	IV	V	VI			
I фаза	2	$\frac{11}{100,0}$	$\frac{7}{63,6}$	$\frac{2}{18,2}$	$\frac{1}{9,1}$	—	$\frac{1}{9,1}$	—	—	—	
	3	$\frac{13}{100,0}$	$\frac{3}{23,0}$	$\frac{4}{30,8}$	$\frac{2}{15,4}$	—	—	—	$\frac{3}{23,0}$	$\frac{1}{7,8}$	
	5	$\frac{19}{100,0}$	$\frac{5}{26,3}$	$\frac{8}{42,1}$	$\frac{3}{15,8}$	—	—	$\frac{2}{10,5}$	$\frac{1}{5,9}$	—	
	6	$\frac{12}{100,0}$	$\frac{4}{33,4}$	$\frac{3}{25,0}$	$\frac{1}{8,3}$	$\frac{1}{8,3}$	—	—	$\frac{2}{16,7}$	—	
	8	$\frac{16}{100,0}$	$\frac{8}{50,0}$	$\frac{2}{12,5}$	$\frac{3}{18,7}$	—	—	—	$\frac{1}{5,3}$	$\frac{2}{12,5}$	
	9	$\frac{14}{100,0}$	$\frac{5}{35,7}$	$\frac{5}{35,8}$	$\frac{2}{14,3}$	—	$\frac{1}{7,1}$	—	$\frac{1}{7,1}$	—	
	14	$\frac{12}{100,0}$	$\frac{6}{50,0}$	$\frac{3}{25,0}$	—	$\frac{1}{8,3}$	—	$\frac{2}{16,7}$	—	—	
	Всего	$\frac{97}{100,0}$	$\frac{38}{39,3}$	$\frac{27}{27,9}$	$\frac{12}{12,4}$	$\frac{2}{2,0}$	$\frac{2}{2,0}$	$\frac{5}{5,1}$	$\frac{8}{8,6}$	$\frac{3}{3,1}$	
	II фаза	4	$\frac{2}{100,0}$	$\frac{2}{100,0}$	—	—	—	—	—	—	—
		7	$\frac{18}{100,0}$	$\frac{8}{44,5}$	$\frac{4}{22,2}$	$\frac{2}{11,1}$	—	—	$\frac{2}{11,1}$	—	—
11		$\frac{17}{100,0}$	$\frac{5}{29,4}$	$\frac{8}{47,0}$	—	—	—	—	$\frac{1}{6,0}$	$\frac{3}{17,6}$	
13		$\frac{13}{100,0}$	$\frac{4}{30,8}$	$\frac{5}{38,4}$	$\frac{2}{15,4}$	—	—	—	$\frac{2}{15,4}$	—	
Всего	$\frac{50}{100,0}$	$\frac{19}{38,0}$	$\frac{17}{34,0}$	$\frac{4}{8,0}$	—	—	$\frac{2}{4,0}$	$\frac{5}{10,0}$	$\frac{3}{6,0}$		

При выяснении истоков пеньковских и колочинских древностей перво-степенную роль играют материалы III в. н. э. из поселения с. Сушки (в урочище Толока) Каневского р-на Черкасской обл. в Левобережье Днепра. В 1980 и 1985 гг. нами была вскрыта там площадь около 1900 кв. м, обнаружено восемь небольших четырехугольных полуземлянок с очагом или без отопительных сооружений, иногда с ямкой в центре пола и 179 хозяйственных ям. Керамические комплексы из Сушков представлены горшками I—IV видов (рис. 2, 1—7, 9). Количественное их распределение несколько иное, чем в Лавриковом Лесу, Форостовичах и Роищах.

Здесь найдены обломки от 205 сосудов. Наиболее многочисленны горшки II вида округлобоких форм (83 сосуда, т. е. 40,5%), на втором месте — сосуды IV вида с открытой горловиной и плавным или ребристым переломом на верхней части тулова (74 сосуда, или 36,1%), среди которых в отличие от других памятников преобладают большие зерновик-корчаги. Количество биконической посуды I вида и тюльпановидных сосудов III вида незначительно (соответственно 11 и 20, т. е. 6,3 и 8,8%). На поселении встречены диски (рис. 2, 11, 12) и небольшое количество (6,4%) лепной чернолощеной керамики. Ее отличает плотное тесто, содержащее мелкие примеси песка и шамота. Преимущественно это целые формы или фрагменты глубоких мисок с ребристыми бочками, отогнутым наружу утолщенным венчиком и суженным к плоскому дну туловом

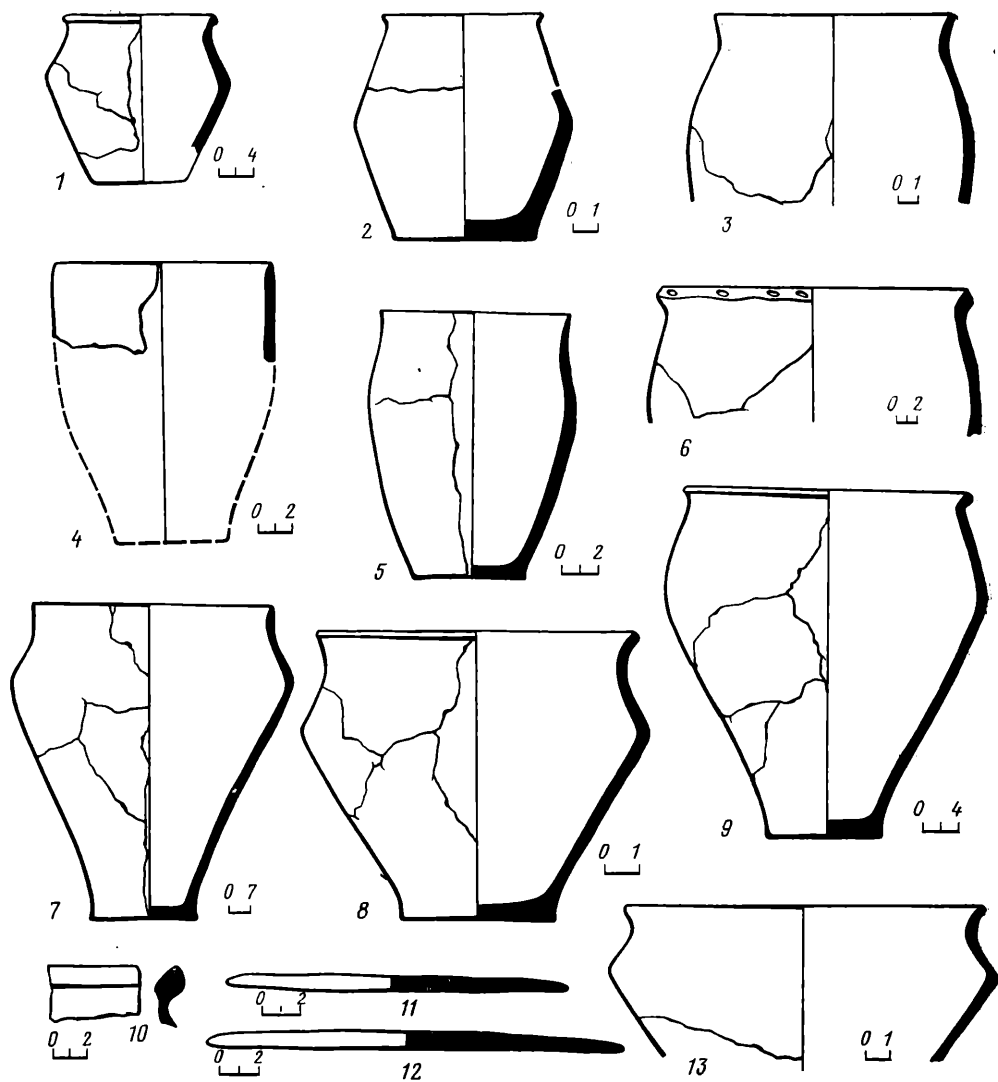

Рис. 2. Основные виды керамики из поселения Сущки (1—13)

(рис. 2, 8, 13). Единичными экземплярами представлены обломки чернолощеных горшков с открытой горловиной. В Сущках встречено несколько черняховских гончарных черепков (рис. 2, 10) и фрагменты светлоглиняной узкогорлой двуручной амфоры.

Нам представляется, что керамические комплексы из Роищ, Лаврикового Леса и Форостовичей вырастают на сущковской основе. Можно предполагать, что одна линия развития, характеризующаяся преимущественным увеличением числа сосудов биконических форм, привела к появлению ранних пеньковских наборов, представленных на поселении в Роищах, а вторая, для которой характерно увеличение количества тюльпановидных горшков, — к возникновению типичных раннеколочинских керамических наборов, представленных на селищах Лавриков Лес и Форостовичи. Возможно, в будущем будут открыты памятники, на которых удастся более детально проследить динамику этого процесса.

Роль материалов из поселения Сущки не ограничивается его базисным положением в процессе становления пеньковской и колочинской культур. На наш взгляд, они являются одновременно связующим звеном между древностями второй четверти I тысячелетия н. э. и зарубинецкой культуры. Подтверждением этому могут служить позднезарубинецкие

комплексы I—II вв. н. э. из с. Лютеж в Среднем Поднепровье. В раскопанных там четырехугольных полуземлянках и хозяйственных ямах наиболее многочисленной была грубая лепная посуда, среди которой имеются биконические, цилиндроконические и округлобокие горшки, большие зерновики-корчаги, аналогичные сушковским, а также диски. Лютежские и сушковские керамические наборы сближает наличие зацепов по краю венчика сосудов, расчесов на их поверхности¹¹. Значительная часть посуды из Лютежа была лощеной (17,2%) или имела сглаженную поверхность (11,4%). Это преимущественно отсутствующие в Сушках остросереберные низкие миски с массивным венчиком, который ограничен снизу небольшим валиком или желобком. Вместе с тем в Лютеже имеются и более высокие плоскодонные изделия с округленным плечом и низким качеством лощения¹². По форме и качеству лощения они близки к мискам из Сушков.

Таким образом, на керамических материалах из Сушков могут быть прослежены черты преемственности от позднезарубинецких к последующим пеньковским и колочинским древностям. Поселение Сушки может считаться переходным памятником между этими культурами. Его материалы представляют самостоятельный этап в развитии культур первой половины I тысячелетия н. э. в Днепровском лесостепном Левобережье.

Можно предположить, что славянские культуры Днепровского Левобережья берут свое начало в позднезарубинецких древностях типа Лютежа, на которых возникают памятники типа Сушков. На основе последних, с одной стороны, формируется колочинская культура этапа Лавриковского Леса и Форостовичей, а позже Смольяни, с другой — наиболее ранние пеньковские памятники этапа Роищ, которые стали основополагающими для пеньковских древностей типа Хитцов.

Предлагая такое хронологическое и культурное членение рассмотренных выше памятников, мы нарушаем традицию, сложившуюся в археологии, согласно которой конец IV — начало V в. н. э. рассматривается как своеобразный рубеж, разделяющий культуры второй и третьей четвертей I тысячелетия н. э. Согласно этой традиции, даже очевидно однородные по археологическому комплексу памятники искусственно членятся на самостоятельные культуры. Такой подход к древностям Днепровского Левобережья вызван неоправданным распространением на эту отдаленную от степи территорию фатальности гуннского нашествия. Если для районов Южного Побужья и Прутско-Днестровского междуречья (Молдавия) такой подход вызван исторической реальностью, подтверждением чему является смена черняховских древностей с вельбарскими и гето-дакийскими чертами пеньковскими с совершенно другим археологическим комплексом, то для северных районов Днепровского лесостепного Левобережья такой механический перенос схемы развития археологических культур нельзя считать методически оправданным. Этнокультурные процессы в I тысячелетии н. э. там проходили, вероятно, более плавно, что, на наш взгляд, находит подтверждения и в археологических материалах. Анализ материалов с хорошо исследованных памятников второй четверти I тысячелетия н. э. Днепровского Левобережья, объединяемых в киевский тип древностей, убеждает, что они относятся к колочинской (Лавриков Лес, Форостовичи) и пеньковской (Роище) культурам. Это ставит под сомнение правомерность выделения киевской культуры.

¹ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. Л., 1966. С. 254—273.

² Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981.

³ Терпиловский Р. В. Ранние славяне Подесенья III—V вв. Киев, 1984.

⁴ Горюнов Е. А. Указ. соч. С. 40, 41. Рис. 12, 3; 13, 1, 13; Терпиловский

Р. В. Указ. соч. С. 98. Табл. 5,5; С. 101. Табл. 8,4.

⁵ Горюнов Е. А. Указ. соч. С. 18—20; Терпиловский Р. В. Указ. соч. С. 20—22.

⁶ Горюнов Е. А. Указ. соч. С. 20; Терпиловский Р. В. Указ. соч. С. 23.

⁷ При анализе археологических комплексов с памятников, выделяемых Р. В. Терпиловским в киевскую культуру,

мы не рассматриваем материал поселения Ульяновка, поскольку этот памятник Е. А. Горюновым совершенно правильно интерпретируется как относящийся к колочинской культуре (Горюнов Е. А. Указ. соч. С. 22, 42, 43).

³ Третьяков П. Н. Указ. соч. С. 259.

⁹ Терпиловский Р. В. Указ. соч. С. 23.

¹⁰ Горюнов Е. А. Указ. соч. С. 111—127.

¹¹ Бидзиля В. И., Пачкова С. П. Зарубинецкое поселение у с. Лютеж // МИА. 1969. № 160. С. 65. Рис. 8, 5, 10, 11, 13, 14, 19; С. 67. Рис. 9, 1—4, 34.

¹² Там же. С. 67. Рис. 9, 17, 27—29, 31.

С. М. ВАСЮТКИН

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И РАННЕЙ ДАТЕ ИМЕНЬКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

По вопросу происхождения именьковской культуры высказаны шесть точек зрения. Н. Ф. Калинин считал, что выделенная им восточно-буртасская культура второй половины I тысячелетия н. э., названная впоследствии В. Ф. Генингом именьковской, возникла на основе городецкой культуры¹. В. Ф. Генинг связывает формирование именьковской культуры с приходом на Среднюю Волгу тюрков из Западной Сибири². По мнению П. Д. Степанова, создателями именьковской культуры были угорские (венгерские) племена, пребывавшие в Среднем Поволжье в V—VII вв. на пути из восточных районов нашей страны в Подунавье³. Эта точка зрения не была поддержана из-за слабой аргументации. П. Н. Старостин выделяет в именьковской культуре два этнических компонента: тюркский (основной) и пьяноборский, т. е. финно-угорский⁴. А. П. Смирнов связывал происхождение именьковской культуры с городецким населением, перешедшим на левобережье Волги, ассимилированными им местными племенами пьяноборской этнокультурной общности, а также пришлыми группами славянского происхождения⁵. Наконец, в начале 80-х годов Г. И. Матвеевой была высказана точка зрения, что именьковская культура возникла в результате прихода в Среднее Поволжье в III в. н. э. постзарубинецкого населения из Полесья⁶. В дальнейшем она допускала участие в этногенезе носителей именьковской культуры поздних сарматов и финно-угорского азелинского населения.

Таким образом, основным компонентом в создании именьковской культуры предполагаются финно-угры (городецкие племена), тюрки, угры (мадьяры), славяне. Скромная роль в этногенезе именьковцев отводится пьяноборским и азелинским финно-угорским племенам, а также поздним сарматам. Отношение к некоторым точкам зрения на происхождение именьковской культуры мной уже высказывалось. Я придерживаюсь мнения Н. Ф. Калинина, что именьковская культура своим происхождением связана с городецкими племенами. Нельзя возражать и против участия пьяноборцев и азелинцев в генезисе именьковского населения.

Г. И. Матвеева предполагает участие в формировании именьковской культуры постзарубинцев. Наиболее ранние материалы, связанные с пришлым населением, Г. И. Матвеева выделяла в упомянутой статье не среди находок из собственно именьковских памятников Поволжья, датруемых с конца IV в. н. э., а из II Ахмеровского и Салиховского курганных могильников на правобережье р. Белая в Башкирии⁷. Оба могильника, по мнению Г. И. Матвеевой, датируются с III в. н. э. и позволяют четко зафиксировать момент появления постзарубинецких племен в Приуралье, что невозможно сделать по материалам Среднего Поволжья. Это, как считает исследовательница, объясняется тем, что в Поволжье уже с эпохи раннего железа была распространена плоскодон-

ная керамика, сходная с именьковской. «В Приуралье, напротив,— отмечает она,— вплоть до начала средневековья бытовала круглодонная посуда. Плоскодонная керамика появляется здесь не ранее III в. н. э.⁸ В качестве дополнительного аргумента в пользу датировки именьковской культуры с III в. н. э. Г. И. Матвеева ссылается также на Тураевские курганы на правом берегу Камы в Татарии, в которых найдена плоскодонная керамика.

На мой взгляд, аргументы Г. И. Матвеевой не убедительны. Во-первых, плоскодонные сосуды появляются в Приуралье намного раньше III в. н. э.; они бытовали в эпоху раннего железа у савроматов и сарматов, у появившихся в IV в. до н. э. в Башкирии племен гафурийской культуры и их потомков — убаларских племен.

Во-вторых, если предложенная автором датировка II Ахмеровского могильника III—IV вв. н. э. не вызывает сомнений⁹, то этого нельзя сказать о Салиховском и Тураевском могильниках. Салиховские курганы относятся не к III в. н. э., а к концу IV—V в. н. э. В. Ф. Генинг, исследовавший Тураевские курганы, датирует их теперь не III—IV вв. н. э., как это он сделал вначале¹⁰, а V в. н. э.¹¹

В-третьих, и это самое главное, керамика из приуральских могильников отличается от керамики постзарубинецких памятников. Возьмем керамику II Ахмеровского могильника. При публикации она была охарактеризована мной кратко. Поэтому подробно остановлюсь на описании всех восстановленных плоскодонных сосудов этого памятника.

Сосуд из кургана 34 (рис. 1, 1) сделан вручную с примесью крупного песка. Черепки рыхлые, с шероховатой поверхностью, темно-желтого цвета. Сосуд плоскодонный, с плохо выраженной шейкой, округлым утолщенным венчиком и слабо раздутым туловом. На внешней стороне венчика имеются крупные насечки. Толщина стенок 0,5—0,6 см, высота сосуда 12 см, диаметр по краю 14 см, диаметр по тулову 13 см, диаметр дна 0,4 см.

Сосуд из кургана 16 (рис. 1, 2) сделан вручную с примесью песка. Темная наружная поверхность заглажена хорошо, местами до блеска. У сосуда короткая, слегка отогнутая наружу шейка с уплощенным венчиком, раздутое тулово и уплощенное дно. Высота сосуда 9,8 см, диаметр по краю 9 см, диаметр тулова 12 см, диаметр дна 6 см, толщина стенок 0,5—0,6 см.

Сосуд из кургана 26 (рис. 1, 3) сделан с примесью песка. Поверхности гладкие, черепок внутри темного цвета. У сосуда короткая, слегка отогнутая наружу шейка с уплощенным венчиком, округлые бока. Толщина стенок 0,5 см, высота сосуда 8,5 см, диаметр по краю 8,7 см, тулова — 11,8 см, дна — 5,5 см.

Сосуд из погребения 2 кургана 31 (рис. 1, 4). Сделан с примесью мелкой дресвы. Черепки плотные, темно-серого цвета, поверхность шероховатая. У сосуда короткая прямая шейка с округлым венчиком, слабо раздутое тулово. Высота его 14,2 см, диаметр по краю 14,2 см, диаметр дна 7 см.

Сосуд из кургана 10 (рис. 1, 5) сделан с примесью песка и мелкой дресвы. Темно-серая поверхность шероховатая, толщина стенок 0,4—0,6 см. У сосуда короткая, отогнутая наружу шейка с округлым венчиком, слабо раздутое тулово и вогнутое дно. Высота сосуда 9 см, диаметр по краю 10 см, диаметр тулова 11 см, диаметр дна 7 см.

Сосуд из погребения 1 кургана 28 (рис. 1, 6) сделан с примесью песка. Черепки рыхлые и шероховатые, темно-серого цвета. Внутренняя поверхность покрыта слоем красной глины толщиной 0,1 см. Толщина черепков 0,3—0,5 см. У сосуда короткая, слабо отогнутая наружу шейка с округлым венчиком, слабо раздутые бока. Высота его 6,2 см, диаметр по краю 7 см, диаметр днища 5,7 см, диаметр тулова 8 см.

Как видно из описания, сосуды делались вручную с примесью песка (четыре сосуда), дресвы (один сосуд) и песка с дресвой (один сосуд). У четырех сосудов внешняя поверхность шероховатая, у двух — гладкая.

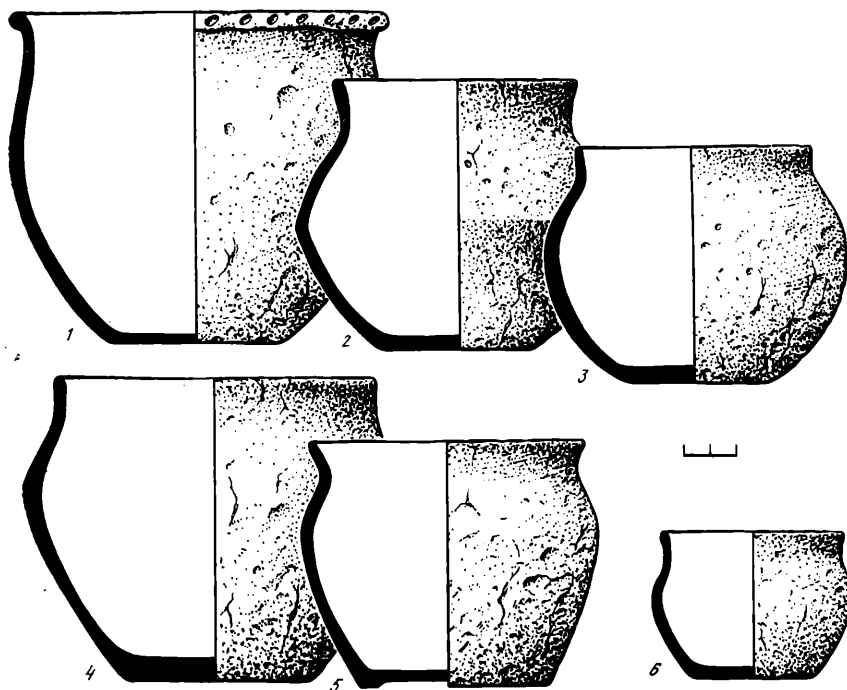

Рис. 1. Керамика II Ахмеровского могильника (1—6)

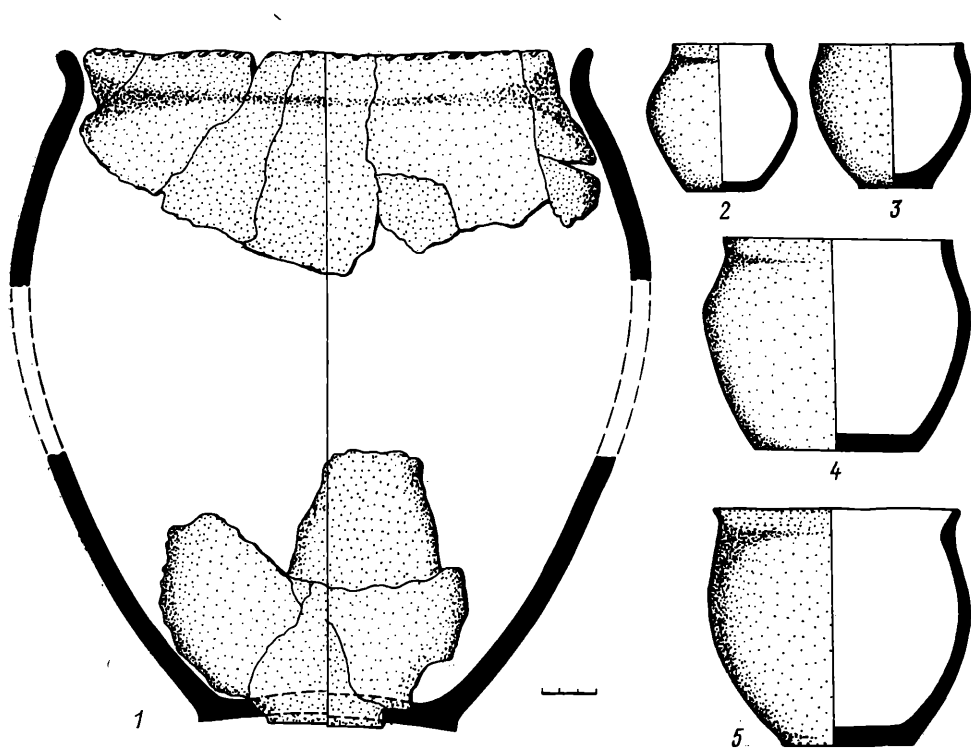

Рис. 2. Керамика Салиховского могильника (1—5)

Орнамент на большинстве сосудов отсутствует, лишь на венчике одного сосуда имеются насечки. Все сосуды малых размеров. Кроме плоских дниц, они не имеют ничего общего с керамикой зарубинецкой культуры. Среди сосудов раннего этапа зарубинецкой культуры (III в. до н. э.—II в. н. э.) Л. Д. Поболь выделяет горшки, миски и так называемые малые сосудики¹². Сосуды из II Ахмеровского могильника могут быть сравнены лишь с третьей группой раннезарубинецкой керамики — малыми сосудиками. К последним относятся «кружки, стопки, маленькие горшочки и мисочки». Но среди ахмеровских сосудов нет кружек, стопок, мисочек. А горшочки отличаются от раннезарубинецких своими формами и сравнительно большими размерами. Как уже отмечалось раньше, они по форме могут быть сопоставлены с позднесарматскими сосудами, отличаясь от них тонкостенностью и иногда гладкой поверхностью¹³. Эти признаки характерны для части керамики оседлого населения правобережья р. Белая III—V вв. н. э., выделяемого в имендшескую культуру, которая ведет свое происхождение от местного же населения предшествующего периода.

Керамика Салиховского могильника в публикациях охарактеризована также очень поверхностно.

Сосуд из кургана 29 (рис. 2, 2) сделан с примесью песка. Черепок плотный, поверхность темно-серого цвета хорошо заглажена, можно даже говорить о лощении. У сосудика короткая, слегка отогнутая шейка, биконическое раздутое тулово. Толщина стенок 0,3 см. Высота его 6 см, диаметр тулова 6,8 см, диаметр по краю 4,4 см, диаметр дна 3,2 см.

Сосуды из кургана 32. Первый (рис. 2, 3) сделан с примесью песка и дресвы. Черепок плотный, поверхность бурого цвета, шероховатая. Сосуд хорошо обожжен. У него слабо выраженная прямая шейка с округлым венчиком и раздутое тулово. Толщина стенок 0,3—0,4 см. Высота его 6 см, диаметр по краю 6,4 см, диаметр тулова 7 см, диаметр дна 3,3 см. Второй сосуд (рис. 2, 5) также сделан с примесью песка и дресвы, хорошо обожжен, черепок плотный. Темно-серая поверхность шероховатая. У сосуда короткая, отогнутая наружу шейка с округлым венчиком, раздутое тулово, край сосуда неровный. На внутренней поверхности следы нагара. Толщина стенок 0,3—0,4 см. Высота его 10 см, диаметр по краю 10 см, диаметр тулова 11,2 см, диаметр дна 5,5 см.

Сосуд из кургана 34 (рис. 2, 4) сделан с примесью песка, хорошо обожжен. Внешняя поверхность светло-коричневого цвета, хорошо заглажена. У сосуда короткая прямая шейка с плоским венчиком, слабо раздутое тулово. Толщина стенок 0,5 см. Высота его 9 см, диаметр по краю 11 см, диаметр тулова 12,7 см, диаметр дна 7,5 см.

Сосуд из кургана 19 (рис. 2, 1) сделан с примесью крупного песка и шамота. Черепок рыхлый, с внутренней стороны темно-серого цвета, снаружи на глубину до 0,4—0,5 см коричневого цвета. Поверхность хорошо заглажена. У сосуда короткая, отогнутая наружу шейка, высокое вытянутое тулово и слегка вогнутое плоское дно. Толщина стенок 1—1,1 см. Высота 28 см, диаметр по краю 23 см, наибольший диаметр тулова 28 см, диаметр дна 11 см. По внешнему краю венчика расположены крупные неглубокие насечки.

Плоскодонные сосуды были обнаружены в Салиховских курганах и К. В. Сальниковым¹⁴. Сосуд из кургана 12 представляет собой приземистый горшочек с короткой, отогнутой наружу шейкой, слабо раздутым туловом, сделан с примесью песка. Внешняя поверхность буро-желтого цвета, гладкая, внутренняя — грубая, плохо обработанная, темно-серого цвета. Обжиг хороший. По внешнему краю венчика — насечки. Высота сосуда 11,5 см, диаметр по краю 12,2 см, диаметр тулова 13,6 см, диаметр дна 6,4 см. Сосуд из кургана 23 — маленький горшок с отогнутым наружу венчиком, раздутыми боками и широким дном. Внешняя поверхность бурого цвета, хорошо заглажена, стенки тонкие, хрупкие. На шейке между двумя горизонтальными прочерченными линиями нанесена зигзагообразная линия. Размеры: высота 11,5 см, диа-

метр по краю 8,4 см, диаметр тулова 11,5 см, диаметр дна 8 см. Как видно из описания, и салиховские сосуды, кроме плоских дниц, не имеют ничего общего с зарубинецкими. В Салиховских курганах, как и в Ахмеровских, плоскодонная керамика, за одним исключением (рис. 2, 1), представлена маленькими ритуальными сосудами. В обоих могильниках ни в одном погребении не был найден набор горшка, миски и маленького сосуда, что характерно для зарубинецких могильников.

Аналогии всем салиховским сосудам можно найти прежде всего среди керамики местных, приуральских памятников. Так, большой горшок из кургана 19 (рис. 2, 1) близок по форме горшку из кургана 8 IV Комсомольского и кургана 4-го Уязыбашевского могильников в Башкирии¹⁵. Следует отметить, что уязыбашевский горшок, как и салиховский, был найден в обломках в насыпи. Это говорит о близости погребальных обрядов людей, оставивших эти могильники. Орнамент, аналогичный встреченному на горшочке из кургана 23 Салиховского могильника, был широко распространен в Южном Приуралье на сарматских сосудах, начиная с прохоровского времени¹⁶. Маленькие неорнаментированные горшочки известны из позднесарматских погребений Башкирии¹⁷.

Вообще следует отметить, что много других сосудов из Ахмеровского и Салиховского могильников, не включенных в настоящую публикацию, также находят аналогии именно среди сарматских материалов. Это кувшины с ручками, найденные в обоих могильниках, горшочек с выпуклинками на тулове из Салихова, курильницы и плоскодонная миска из Ахмерова.

Вторая группа керамики рассматриваемых могильников — плоскодонные или круглодонные чаши, иногда с рядом насечек в верхней части или по венчику — аналогична керамике оседлого финно-угорского населения и также не имеет ничего общего с зарубинецкой.

Таким образом, весь керамический материал II Ахмеровского и Салиховского могильников свидетельствует о связях этих памятников с местными позднесарматскими и угро-финскими племенами. Этот вывод подтверждается также данными о погребальном обряде. Среди населения, оставившего Салиховский могильник, датируемый более поздним временем, чем II Ахмеровский, можно выделить еще третий этнический компонент восточного происхождения, который выявляется по данным погребального обряда. Так, в Бурятии известен ряд гуннских могильников, к которым Салиховский могильник близок по таким признакам, как камни в насыпях, засыпка могил и обкладка стенок могил камнями, ступеньки вдоль длинных стенок могил, северо-восточная ориентировка погребенных, маленькие ритуальные сосудики¹⁸. Следовательно, материалы II Ахмеровского и Салиховского могильников могут быть связаны лишь с местными позднесарматскими, угро-финскими и пришлыми с востока племенами.

Все сказанное не позволяет согласиться с предложенной Г. И. Матвеевой гипотезой о формировании именьковской культуры, по крайней мере в Приуралье, при участии носителей зарубинецкой культуры.

¹ Калинин Н. Ф., Халиков А. Х. Итоги археологических работ 1945—1952 гг. // Тр. КФАН. Сер. ист. наук. Казань, 1954. С. 16.

² Генинг В. Ф. Проблемы изучения железного века Урала // ВАУ. Свердловск, 1961. Вып. 1. С. 42.

³ Степанов П. Д. Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1964. Т. 4.

⁴ Старостин П. Н. Памятники именьковской культуры // САИ. 1967. Вып. Д1—32. С. 31.

⁵ Смирнов А. П. Из этнической истории Западного Приуралья в I тысячеле-

ти н. э. // АЭБ. Уфа, 1971. Т. 4. С. 81—83.

⁶ Матвеева Г. И. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С. 70, 71.

⁷ Васюткин С. М. Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии I тысячелетия н. э. // СА. 1968. № 1. С. 64—66.

⁸ Матвеева Г. И. Указ. соч. С. 53.

⁹ Васюткин С. М. II Ахмеровский курганный могильник позднесарматского времени // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977. С. 85.

- ¹⁰ *Генинг В. Ф.* Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье // ВАУ. Свердловск, 1961. Вып. 2. С. 77.
- ¹¹ *Генинг В. Ф.* Тураевский могильник V в. // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.
- ¹² *Очерки археологии Белоруссии.* Минск, 1970. Ч. 1. С. 162. Рис. 56, 57.
- ¹³ *Васюткин С. М.* Указ. соч. С. 88.
- ¹⁴ *Сальников К. В.* К вопросу об этническом составе населения южной Башкирии в середине I тысячелетия н. э. // СА. 1958. № 3.
- ¹⁵ *Пшеничнюк А. Х.* Культура ранних кочевников южного Урала. М., 1983. Табл. IV, 9; LVI, 3.
- ¹⁶ *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры // САИ. 1963. Вып. Д1—10.
- ¹⁷ *Пшеничнюк А. Х.* Указ. соч. Табл. IV, 10; V, 4.
- ¹⁸ *Коновалов П. Б.* Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976.

Т. И. ОСТАНИНА

МАЗУНИНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В СРЕДНЕМ ПРИКАМЬЕ К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ АРХЕОЛОГО-ЭТНИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА КУЛЬТУРЫ

Одни и те же памятники послепьяноборского времени Среднего Прикамья (современная Северная Башкирия и Южная Удмуртия) известны археологам и как бахмутинские, и как мазунинские. Появление этих названий обусловлено историей их изучения.

Бахмутинская культура была выделена в 1929 г. А. В. Шмидтом на основании исследования только Бахмутинского могильника в бассейне р. Уфа, датированного V—VII вв. Характерными чертами могильника в погребальном обряде, по мнению А. В. Шмидта, являлись: 1) прямоугольные, с немного закругленными углами могильные ямы глубиной в среднем 1,35 м; 2) костяки лежали вытянуто на спине; 3) умерших хоронили одетыми, с украшениями; 4) горшки ставили в изголовье, в ноги и на грудь; 5) ножи прикрепляли к поясу. Среди вещевого материала первой ранней группы А. В. Шмидтом выделялись как характерные привески в форме вопросительного знака с сомкнутым кольцом, ожерелья из красного рубленого бисера, для второй, поздней группы — серьги в виде проволочного кольца с напущенным многогранником, ожерелья из сердоликовых, янтарных, стеклянных бус, кольцевые застёжки, привески-коньки и в виде бутылочки, посуда так называемого чандарского типа¹.

В 1950—1960-х годах интенсивно проводились исследования памятников послепьяноборского времени как в Башкирии (Н. А. Мажитов, А. П. Шокуров), так и в Удмуртии (В. Ф. Генинг, В. Е. Стоянов, В. А. Семенов). На фоне известного тогда в Среднем Прикамье археологического материала погребальный инвентарь и обряд вновь исследованных в Прикамской Удмуртии Мазунинского, Сайгатского, Ижевского и Быргындинского могильников отличался яркостью и своеобразием. На основании этого В. Ф. Генинг выделил здесь мазунинскую культуру. При этом он отмечал «наибольшую близость мазунинской археологической культуры с памятниками бахмутинской культуры»², имея, вероятно, в виду выделенную там А. В. Шмидтом группу ранних вещей. Позднее Н. А. Мажитов пришел примерно к такой же мысли: «...средневековые памятники типа Мазунинского, Ижевского, Сайгатского... по погребальному обряду и по вещевому материалу близки к раннебахмутинским»³.

На этом единомыслие исследователей в понимании исторического места памятников послепьяноборского времени заканчивалось. Около 20 лет велись споры по поводу их интерпретации. В литературе даже появился термин «дискуссия по бахмутинской и мазунинской культу-

рам». Изучая ее историю, С. М. Васюткин пришел к выводу, что «ни один из вопросов, по которым идут споры, нельзя считать в настоящее время окончательно разрешенным» ввиду отсутствия «прочной источниковедческой базы»⁴. Действительно в распоряжении исследователей находилось в то время 239 комплексов IV—VII вв. из могильников Центральной и Северной Башкирии и 161 комплекс из Прикамской Удмуртии. В последнее время вопрос о соотношении мазунинской и бахмутинской культур стал сводиться к признанию приоритета того или иного названия послеязыборской общности. Коренные вопросы ее изучения, по существу, не рассматривались.

За последние два десятилетия в результате работ Башкирского филиала АН СССР, Башкирского и Удмуртского университетов, Удмуртского республиканского краеведческого музея накоплен огромный источниковедческий материал по могильникам и поселениям III—V вв. на территории Башкирии и Удмуртии. К 1980 г. было исследовано восемь новых могильников, где обнаружено 828 погребений, а на поселениях вскрыта площадь в 7150 кв. м (раскопки Р. Д. Голдиной, В. А. Иванова, Г. И. Матвеева, Т. И. Остиной). Этот материал позволяет решить ряд задач в исследовании мазунинской культуры, выяснении ее места и роли в древней истории⁵.

Хотя понятие археологической культуры все еще остается дискуссионным, ясно, что непременным условием ее выделения является исследование памятников материальной культуры. Как показала практика, здесь возможны два подхода.

1. Комплексный, когда «АК (археологическую культуру.— *Т. О.*) в целом характеризуют все сохранившиеся остатки, будь то массовые или единичные, важные по своей значимости или нет. Именно в таком объеме комплекс каждой АК составляет специфическую систему»⁶. Как указывает И. С. Каменецкий, «для характеристики (археологической культуры.— *Т. О.*) важны предметы не только местного производства, но и в равной степени привозные»⁷. В данном случае дается характеристика археологической культуры в целом, за которой стоят все остатки жизнедеятельности отдельных коллективов людей определенного времени.

2. Вычленение археолого-этнического комплекса (АЭК), который отделяет одну культуру от другой. По определению В. Ф. Генинга, «АЭК — это совокупность археологических материалов, характеризующих этническую специфику, самостоятельность древнего этноса»⁸. При таком подходе в центре внимания исследователя находятся лишь те вещественные находки, которые в наименьшей степени связаны с производственной деятельностью, с природными условиями. Это прежде всего предметы сферы духовной культуры и быта. «В специфичности прежде всего орнаментации керамики и украшений, несомненно, проявляется элемент сознательного подчеркивания отличия одной группы населения от другой. Эти вычленяющие категории, по-видимому, с полным основанием можно относить к группе „опознавательных знаков“ этнической культуры, достаточно устойчивых и традиционных для ее носителей», — пишет В. Ф. Генинг.

При характеристике памятников мазунинской культуры мы использовали оба подхода, так как они взаимосвязаны.

Нами были использованы материалы 12 могильников: Мазунинского, Ижевского, Чепанихинского, Нивского, Покровского, Сайгатского, Ангажского, Югомашевского, Старо-Кабановского, Бахмутинского (14 погребений), Бирского (73 погребения), Каратамакского. Был систематизирован погребальный инвентарь и проведен типологический анализ 36 категорий вещей (всего 25 653 предмета погребального инвентаря). Исследование выявило специфическую систему материальной культуры III—V вв., отличную от систем других культур, и помогло выделить элементы, несущие, по нашему мнению, этническую нагрузку, т. е. АЭК.

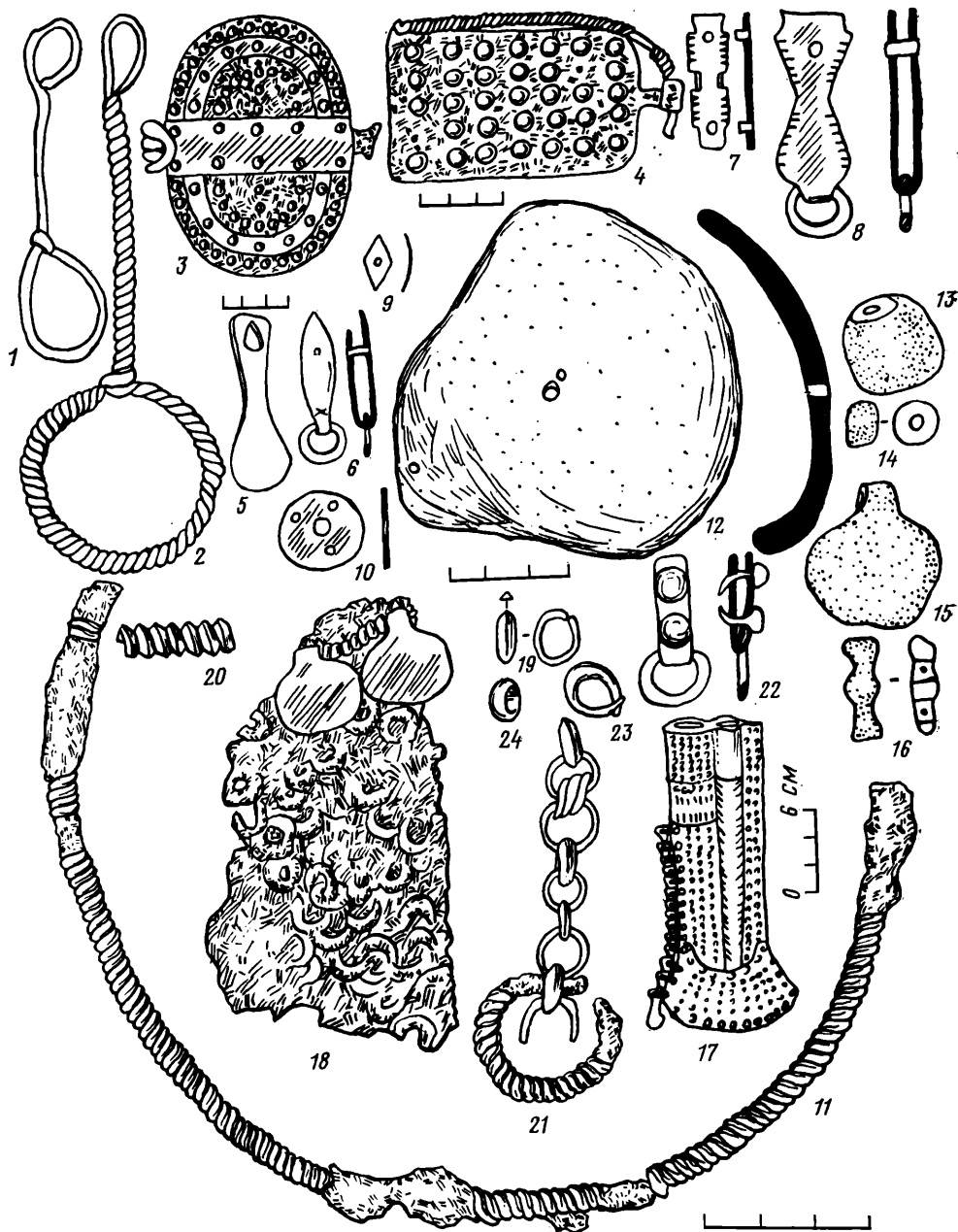

Рис. 1. Специфический комплекс вещей мазунинской культуры (1—24)

Нам представляется, что этническую специфику населения Среднего Прикамья III—V вв., оставившего памятники мазунинской культуры, определяют следующие категории украшений: 1) височные подвески мазунинского типа (рис. 1, 1, 2); 2) нагрудные застёжки (фибулы типа 1, 2 — рис. 1, 3, 4); 3) каплеобразные подвески (рис. 1, 5); 4) поясные накладки типов 1—3, 6—8 (рис. 1, 6—10, 22); 5) гривны железные с бронзовой пластинчатой навивкой (табл. 1, 11); 6) украшения из раковин моллюсков (поясные бляхи, подвески, бусы, накладки, рис. 1, 12—16); 7) ножи, футляры для шильев (рис. 1, 17); 8) головные украшения с железной основой кольчужного плетения — наосники (рис. 1, 18); 9) пронизки кольцеобразные (рис. 1, 19, 23, 24); 10) пронизки спиралевитые (рис. 1, 20); 11) подвески-цепочки (рис. 1, 21).

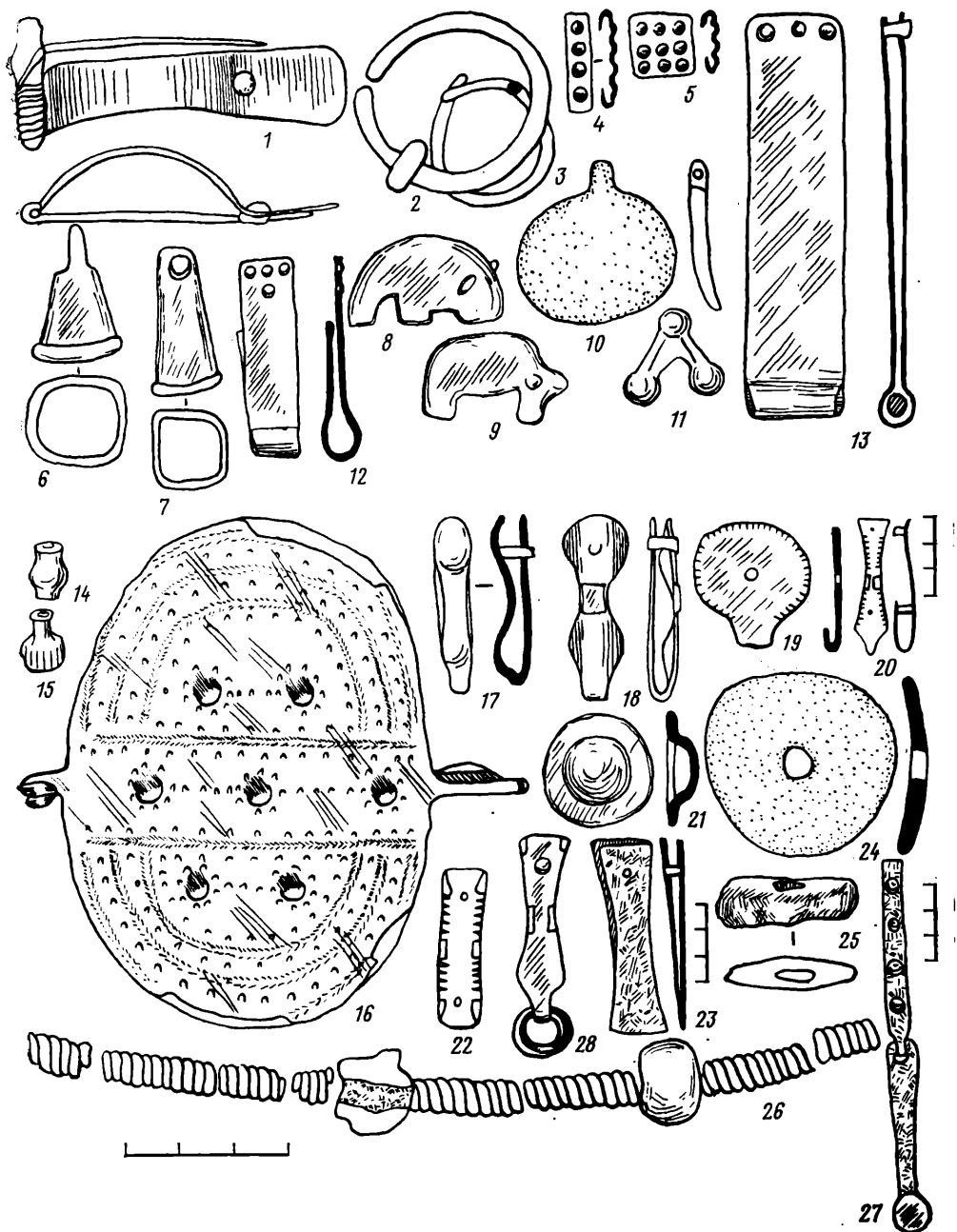

Рис. 2. Вещи, характерные для башкирского (1—13) и удмуртского (14—28) вариантов мазунинской культуры

Выделенный нами АЭК мазунинской культуры характеризует не только культуру вообще, а конкретные этапы ее временного развития. Поэтому при определении культурной принадлежности памятника можно приводить лишь те элементы АЭК, которые одновременны данному памятнику.

Перечисленные элементы погребального инвентаря мазунинской культуры отражают этническое единство всего населения Среднего Прикамья. Однако может быть выделен ряд предметов, отражающих этническую специфику более мелких, но территориально близких групп населения. Картографирование позволяет наметить такие две группы — удмуртскую

и башкирскую, которые следует рассматривать как два локальных варианта мазунинской культуры.

Удмуртскую группу, расположенную на территории Удмуртии и прилегающих к ней с юго-востока районов Пермской обл., а с юго-запада — Татарской АССР, характеризуют поясные накладки типов 4,5 (рис. 2, 17—19), петельные застежки (рис. 2, 20), бляхи-раковины для украшения поясов (рис. 2, 24), пронизки типов 5—6 (рис. 2, 14, 15, 25), наконечники поясов типа 4 (рис. 2, 27). Кроме того, наибольшее распространение здесь имеют умбовидные бляшки (рис. 2, 21), ожерелья из бус и пронизок (рис. 2, 26), бабочковидные фибулы (рис. 2, 16), наконечники поясов типа 2 (рис. 2, 23), поясные накладки вариантов 1, 2 (рис. 2, 22, 28).

Для памятников башкирской группы, расположенных в междуречье рек Кама, Белая и Уфа, специфичны прогнутые фибулы с ленточным корпусом и расширением на концах (рис. 2, 1), подвески типов 4—6 (рис. 2, 6—10), накладки-тройчатки (рис. 2, 11). Здесь наиболее широко распространены также височные кольца (рис. 2, 2, 3), пронизи-обоймы (рис. 2, 4, 5), наконечники ремней (рис. 2, 12, 13).

Перечисленные предметы, характерные для отдельных групп, при всем своеобразии составляют незначительный процент среди погребального инвентаря могильников мазунинской культуры.

На основе статистической обработки материалов десяти могильников Среднего Прикамья III—V вв. (1084 погребения) сделана попытка определения АЭК в погребальном обряде мазунинской культуры, который, по нашему мнению, представляет сочетание следующих признаков: 1) все могильники грунтовые; 2) все могильники находятся на господствующих высотах у рек; 3) могильные сооружения — узкие, длинные, неглубокие ямы подпрямоугольной формы без дополнительных конструкций; 4) умершие в могилах лежат вытянуто на спине, руки положены вдоль тела; 5) ориентировка умерших определяется рекой; 6) в системе расположения инвентаря в могиле выделяются две тенденции. Первая — вещи находятся в обычном для них месте (нашиты на одежду, головной убор, обувь, подвешены на прическу, шею, грудь, к ремню). Вторая, преобладающая, — съемный инвентарь лежит необычно (в жертвенных комплексах², положении поясов вдоль тела или на теле умершего, а височных подвесок и бус, если они не лежат в жертвенном комплексе, — у головы погребенных); 7) погребальный инвентарь отсутствует в погребениях (10—30%).

Были подсчитаны парные коэффициенты сходства указанных признаков погребального обряда, которые оказались в пределах 0,83—1,0.

Проведен статистический анализ керамического материала шести городищ мазунинской культуры (Сосновское, Постольское, Чужьяловское, Казакларовское, Юмакаевское, Барьяза), насчитывающий 735 сосудов. Сосуды выполнены техникой ленточного налета, круглодонны или имеют слегка уплощенное дно. Господствующей формой являются круглодонные горшки с выпуклыми плечиками и отогнутыми наружу шейками, составляющие 93% исследуемого материала. Преобладают (73,8%) сосуды средних размеров с диаметром венчика 16—25 см. Орнаментальные узоры просты. На 56% сосудов имеются ряды треугольных, круглых, овальных, прямоугольных ямок, 22,4% сосудов имеют насечки по венчику. Защипы по венчику характерны для поселений правобережья р. Кама (удмуртская группа), хаотично расположенные по всему сосуду ямки — для междуречья рек Белая, Уфа и Кама (башкирская группа). Парные коэффициенты сходства сосудов этих памятников по морфологическим признакам оказались значительны — 0,63—0,9.

¹ Шмидт А. В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции АН СССР // Хозяйство Башкирии. Уфа, 1929. № 8/9. С. 16—26.

² Генинг В. Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Тр. Казан. фил. АН СССР. Сер. гуманитар. наук. Казань, 1959. Т. 2. С. 200—204.

- ³ *Мажитов Н. А.* К изучению археологии Башкирии I тысячелетия н. э. // АЭБ. Уфа, 1964. Т. 2. С. 102.
- ⁴ *Васюткин С. М.* К дискуссии по бахмутинской культуре // СА. 1971. № 3. С. 32.
- ⁵ Во избежание путаницы в терминологии мы предлагаем называть памятники Среднего Прикамья III—V вв. памятниками мазунинской культуры. Это обусловлено следующими соображениями: Мазунинский могильник был первым целиком исследованным некрополем этой группы. Он однокультурен, материалы его достаточно полно опубликованы (*Генинг В. Ф., Мырсица Е. М.* Мазунинский могильник // ВАУ. Ижевск; Свердловск, 1967. Вып. 7. С. 88—166), а коллекции сохранены (Удмуртский республиканский краеведческий музей, инв. № 2815, 2822, 3133). Памятникам территории бельско-уфимского междуречья VI (или конца V в.) — VII в. типа позднего этапа Бахмутинского могильника следует оставить название бахмутинские, имея в виду характеристику, данную А. В. Шмидтом. Памятники бахмутинского типа отражают качественно новый этап в истории населения Среднего Прикамья.
- ⁶ *Генинг В. Ф.* Проблема соотношения археологической культуры и этноса // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976. С. 9.
- ⁷ *Каменецкий И. С.* Археологическая культура — ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2. С. 25.
- ⁸ *Генинг В. Ф.* Проблема соотношения... С. 20.
- ⁹ Жертвенный комплекс — скопление вещей не менее двух категорий, уложенных в берестяной туесок, поставленный в определенное место при погребенном.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И. Л. СТАНКЕВИЧ, В. И. ВИШНЕВСКИЙ

ГОРОДИЩЕ ДЬЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
КУБРИНСКОЕ I

Экспедиция Ярославского государственного университета в течение 10 лет вела исследования одного из памятников восточного региона дьяковской культуры — городища Кубринское I в Переславском р-не Ярославской обл. у дер. Городищи¹. Оно исследовано полностью. На площадке вскрыто около 1900 кв. м, раскопан вал, шесть траншей проведено по склонам. Раскопы были заложены и на небольших террасках, располагавшихся на западном и южном склонах (рис. 1).

Городище занимает мыс коренного берега р. Кубрь, возвышающийся над поймой на 34 м. Площадка овальной формы, размером 60×40 м. С северной напольной стороны прослеживался вал и за ним ров. Высота вала над дном рва достигала 2 м.

Мощность культурного слоя в центральной части площадки составляла 0,20—0,30 м, к краям увеличивалась, местами достигая 1,70—1,80 м. Примерно по низу третьего — верху четвертого пласта (пласты имели толщину 10 см) располагается верх насыщенного углем слоя пожарища. Этот слой не везде хорошо сохранился. Наличие его позволило разделить время существования городища на два этапа.

Первый этап характеризуется отсутствием земляных укреплений. В это время площадка была застроена наземными столбовыми домами, располагавшимися по периферии городища. От них сохранились остатки обугленных бревен, к ним относится часть столбовых ям, обнаруженных в материке. Однако нет возможности надежно реконструировать эти постройки, так как постройки второго этапа нарушили их, а столбовые ямы от построек второго этапа либо теряются в толще культурного слоя, либо, достигая материка, неотличимы от ям первого этапа. Можно лишь предполагать, что на первом этапе существовало пять построек, располагавшихся близко друг от друга, но не составляя жилых стен. Внутренние стены построек, видимо, примыкали к ограде, которая шла вокруг центральной части площадки, служившей, возможно, загонем для скота. По-видимому, к первому этапу можно отнести и линию оборонительных сооружений, располагавшихся на западном и восточном склонах. На терраске под западным склоном обнаружен небольшой ровик с ямками — видимо, от кольев плетня; на восточном склоне следы ямок от кольев располагались чуть ниже края площадки. Поскольку в заполнении ровика на западной терраске была обнаружена синяя глазчатая пастовая бусина скифо-сарматского типа, датируемая IV в. до н. э., можно предполагать, что ровик был сооружен именно на первом этапе существования поселения, которое уже в ранний период было, таким образом, укреплено.

На северном краю площадки на материке, в слое, насыщенном углем и золой, обнаружены остатки неправильной формы вымостки длиной до 4 м из мелких, сильно обгоревших камней. К северу и востоку от нее остались развалы обожженной глины. Между камнями вымостки и на них обнаружено много черепков посуды, фрагменты керамических

сопел, явно оплавленных в процессе работы, несколько кусков шлака. Сопла покрыты мелкими сетчатыми отпечатками. Все это позволяет предполагать, что здесь эпизодически производилась сыродутная варка железа.

Второй этап существования поселений характеризуется возведением земляных укреплений. Именно в это время с напольной северной стороны был вырыт ров, а выброс из него образовал небольшой вал. В верхней части вала местами встречаются остатки обугленных бревен от стоявшей наверху изгороди. Стратиграфия вала показывает, что он дважды подсыпался — возможно, за счет двукратной чистки рва. Не исключено, что жизнь на городище протекала не непрерывно, а возобновлялась периодически; в таком случае именно с этим и могла быть связана подсыпка вала.

Видимо, ко второму этапу следует отнести и добавочное укрепление на южном краю городища. Здесь на склоне существовала терраска; путем подтепки склон над ней был сделан более крутым, а на самой терраске был выкопан неглубокий ровик шириной около 2 м. Он имеет перекрыв — вероятно, здесь был проход на городище. В самом ровике встречаются пятна угля и отдельные кусочки обугленного дерева, что может говорить о существовании здесь изгороди. Поскольку соотношение гладкостенной и сетчатой керамики в заполнении ровика характерно для более позднего этапа, чем слой на площадке, мы и относим сооружение южного укрепления ко второму этапу.

Жилища второго этапа можно проследить лишь по скоплениям камней в трех верхних пластах, распределению керамики и находок. Выделить среди ям в материке относящиеся именно ко второму этапу, как уже было сказано, не представляется возможным. Но преемственность строительных традиций между этапами налицо. Центральная часть площадки продолжала оставаться незастроенной и на втором этапе; постройки этого времени также были наземными, столбовыми, располагались примерно там же, что и на первом этапе.

Самой многочисленной категорией находок на Курбинском I городище является керамика. Здесь найдено 11 776 фрагментов сосудов. Вся керамика лепная, с единой технологической традицией (формовочная масса — глина и дресва; программа конструирования сосудов — донный начин)². Обжиг неравномерный. Ассортимент посуды следующий (мы используем типологию, предложенную И. Г. Розенфельдт³): горшки, миниатюрные сосуды, миски, сковородки, крышки. Основная категория посуды — горшки с диаметром венчика от 16 до 30 см. По способу обработки поверхности керамика делится на гладкостенную, сетчатую и штрихованную, которая составляет 0,2% общего количества. Лощеной и подлощенной керамики нет⁴. Сетчатая керамика составляет 81%, гладкостенная — 18% всего комплекса. Можно предположить, что процент сетчатой керамики был выше: мы имеем в виду реставрированные части сетчатых сосудов, на которых обнаружены большие участки заглаженной поверхности.

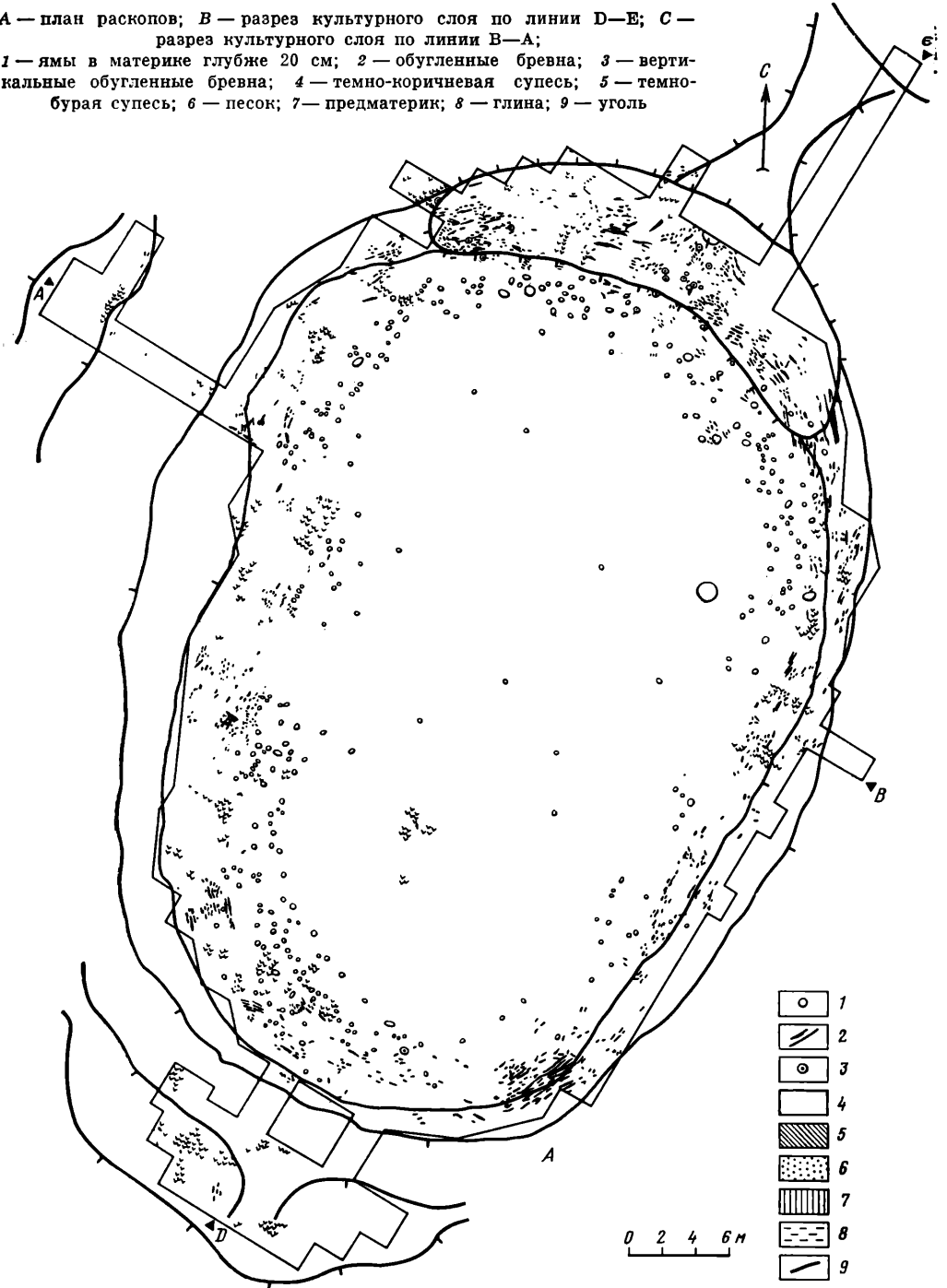
По общему соотношению сетчатой и гладкостенной керамики близки к Курбинскому городища Кундринское⁵ и Дьяков Лоб⁶. Отсутствие лощеной керамики и небольшой процент гладкостенной приближает к нему и городище Медвежий Угол⁷. Москворецкие дьяковские городища имеют значительно больший процент гладкостенной керамики⁸.

Интенсивность жизни на втором этапе была несколько выше, чем на первом, нижний слой содержит 44% всего керамического комплекса, верхний — 56%. Прослеживается общая для дьяковской культуры тенденция уменьшения доли сетчатой керамики со временем: в нижнем слое ее 86%, в верхнем — 76%.

Орнамент встречается на всех группах керамики, кроме штрихованной, и на всех типах сосудов. Орнаментировано 6% фрагментов всего комплекса керамики. Из этого числа 86% представляют фрагменты сетчатой керамики. Орнаменты встречаются на 4,8% гладкостенной и

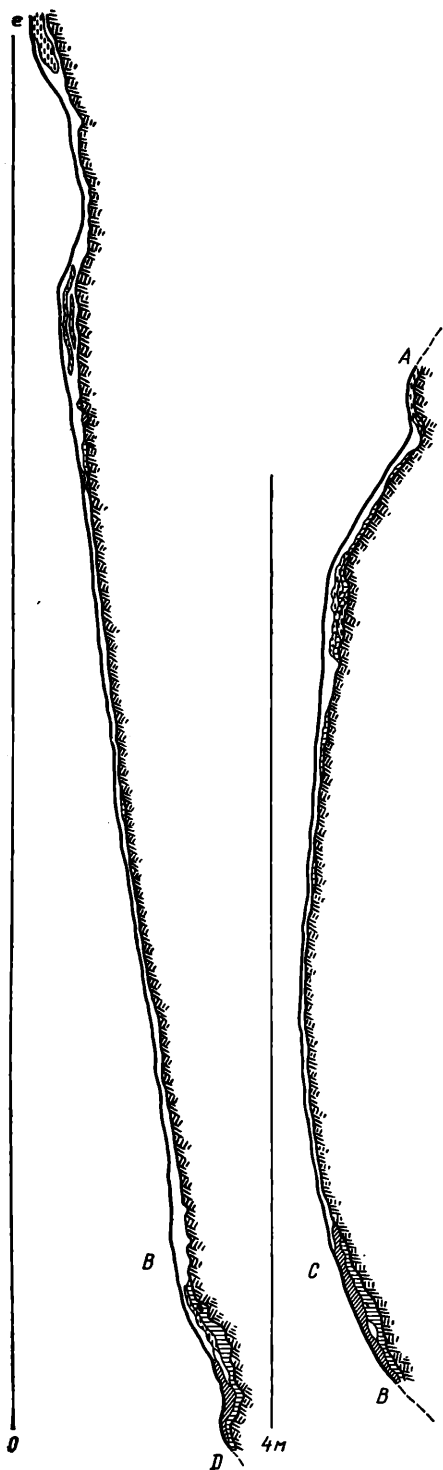
Рис. 1. Городище Кубринское 1

А — план раскопов; В — разрез культурного слоя по линии D—E; С — разрез культурного слоя по линии В—А;
 1 — ямы в материке глубже 20 см; 2 — обугленные бревна; 3 — вертикальные обугленные бревна; 4 — темно-коричневая супесь; 5 — темно-бурая супесь; 6 — песок; 7 — предматерик; 8 — глина; 9 — уголь

7% сетчатой керамики. Прослеживается постепенное уменьшение количества орнаментированной сетчатой (но не гладкостенной) керамики. Существенной разницы в составе орнамента гладкостенной и сетчатой посуды нет.

Наиболее сложные композиции орнамента встречены на керамике первого этапа, позднее они упрощаются. Орнамент покрывает шейку, основание шейки, венчик, плечики, тулово, никогда не спускаясь в придонную часть. Как видно из материалов более поздних памятников (Березняки, Попадьянское и др.), в последующие периоды орнамент

какое-то время существовал лишь на венчиках сосудов, а затем полностью исчез. Появление сосудов с орнаментом лишь на венчике И. Г. Розенфельдт относит к первым векам нашей эры⁹. На Кубринском городище в верхнем слое найден один фрагмент сосуда с насечкой по венчику. Изредка встречается орнамент на внутренней поверхности сосудов (на краю шейки и на днище). Эту традицию надо отнести к раннему этапу существования городища. Встречена орнаментация шейки сосуда ямками изнутри, так что на внешней поверхности образуются «жемчужины». Подобная керамика известна на поселениях раннего железного века Костромского Поволжья¹⁰.

Керамический комплекс Кубринского городища характеризуется единством технологии производства, форм и орнаментации. На всех типах и группах посуды встречаются общие орнаментальные мотивы; преобладают ямчатый и ямчато-гребенчатый орнаменты. Последняя особенность характерна и для керамики других городищ Верхнего Поволжья: Акуловского, Устьянского, Кудринского, Гусарниковского¹¹. В то же время на городищах Москворечья на сосудах даже из самых нижних пластов преобладает гребенчатый орнамент¹². Распространенные на этих же городищах сосуды с ногтевым, зацепным, веревочным орнаментом редки в Верхнем Поволжье.

Изучение форм и орнаментики сосудов Кубринского городища позволяет предположительно датировать его временем с VI—V вв. до н. э. по II—III вв. н. э.

Вещевой материал городища невелик, особенно из нижнего слоя, включает зернотерки, обломок косаря, костяную мотыжку, рыболовные грузила, керамические пряслица, железные ножи, костяные шилья, железный наконечник стрелы, фрагменты керамических сопел и льячки, а также украшения. Найдены также три фрагментированных грузика дьякова типа.

Среди ножей — один серповидный, два переходных от серповидных к ножам с горбатой спинкой, четыре с горбатой спинкой (рис. 2, 1—3). Один нож с прямой спинкой, треугольным лезвием и раздвоенным черенком не имеет аналогий. Серповидный нож найден в нижнем слое, ножи с горбатой спинкой — в обоих слоях.

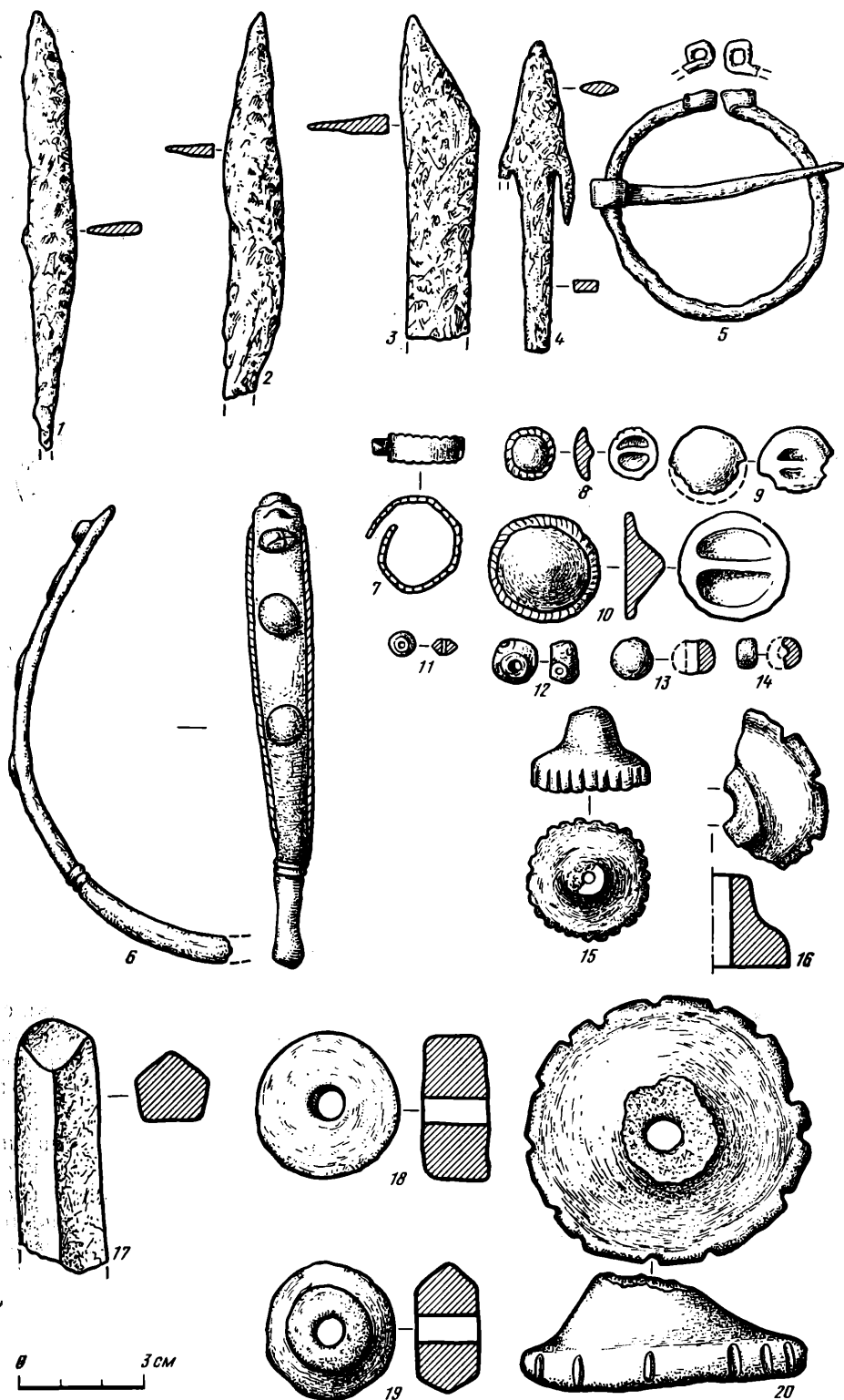

Рис. 2. Находки с городища

1—3 — железные ножи; 4 — железный наконечник стрелы; 5 — железная застежка; 6 — бронзовая шейная гривна; 7 — бронзовый перстень; 8—10 — бронзовые бляшки; 11 — бронзовая бусина; 12—14 — стеклянные и пастовые бусы; 17 — каменный оселок; 18, 19 — керамические пряслица; 15, 16, 20 — грузики дьякова типа

Двушипный черешковый железный наконечник стрелы (рис. 2, 4) с линзовидным сечением пера найден в верхнем слое, датируется примерно рубежом нашей эры. В этом же пласте обнаружен фрагмент косаря с отверстием для заклёпки.

В нижнем слое найдена железная пряжка типа 3, по классификации К. А. Смирнова¹³, — с прямой частью для прикрепления ремня и дуговидной, слегка раскованной опорной частью. Датировка таких пряжек очень широка. Железная застежка из круглого в сечении дрота со спиральями на концах, перпендикулярными плоскости кольца, найдена на склоне городища, в смысле верхнего культурного слоя. Такие застежки датируются от конца I тысячелетия до н. э. до VII в. н. э.

Среди бронзовых украшений имеется фрагмент шейной гривны (рис. 2, 6), сделанной из почти круглого в сечении гладкого дрота, к концам уплощенного, причем края уплощенной части украшены плетенкой, а по центру уплощения, около конца гривны, располагаются три выпуклые шишечки, на одной из которых прочерчен крестик. На самом конце гривны — петелька. Видимо, гривна завязывалась спереди. Найдена она в нижнем слое. В верхнем слое обнаружен пластинчатый бронзовый перстень (рис. 2, 7) с насечкой по краям, согнутый в полтора оборота, а также миниатюрная биконическая бронзовая бусина (рис. 2, 11). Три бронзовые бляшки-пуговицы диаметром 12—18 мм, с петелькой сзади для пришивания, могут быть отнесены к типу 15, по классификации К. А. Смирнова (рис. 2, 8—10). Две из них окаймлены плетенкой. Более крупная умбовидная бляшка с плетенкой по краю и петелькой для пришивания (рис. 2, 10) найдена в верхнем слое.

Синяя стеклянная бусина с белыми глазками (рис. 2, 12), как уже упоминалось, может быть датирована временем около IV в. до н. э. На грани между верхним и нижним слоем найдена голубая прозрачная стеклянная сферическая бусина (рис. 2, 13) типа 2, по В. Г. Петренко¹⁴, датирующаяся серединой IV — первой половиной III в. до н. э. В верхнем слое обнаружены две кольцевидные красные пастовые бусины (рис. 2, 14), которые, скорее всего, относятся к первой половине I тысячелетия н. э.

Среди костяных изделий — небольшая мотыжка с заполированным рабочим краем и небольшим пазом для рукоятки, найденная в нижнем слое, проколоч из верхнего слоя.

Многочисленные рыболовные грузила изготовлялись из глины. Среди пряслиц — биконические (тип 1, по К. А. Смирнову, рис. 2, 19), овальные (тип 2) и прямоугольные в сечении (тип 3, рис. 2, 18).

В верхнем слое обнаружены три фрагментированных грузика дьякова типа (рис. 2, 15, 16, 20). Два из них могут быть отнесены к типу 1, по К. А. Смирнову, третий — либо к типу 2, либо к типу 10А. Датировка первых двух грузиков — II—V вв. н. э.; третий может быть и более древним (IV—III вв. до н. э.).

На городище найдены две каменные зернотерки, одна двуручная, другая одноручная, курант, оселки для заточки ножей (рис. 2, 17), из которых два относятся к типу 1, по К. А. Смирнову, остальные — к типу 2. Из камня сделаны также вещи неолитического облика, которые встречаются на Кубринском I городище, как и на многих других дьяковских памятниках. Это скребки, ножевидные пластинки и т. п. Встречен также обушок от фатьяновского сверленого топорика.

Вещевой материал позволяет датировать городище от V в. до н. э. до V в. н. э. Однако слабая насыщенность культурного слоя находками и относительно небольшая — керамикой не позволяют считать, что население непрерывно обитало на городище в течение всего этого отрезка времени. По-видимому, поселок периодически оставлялся населением, а затем жизнь на нем возобновлялась¹⁵. Некоторое расхождение в датировке вещевого материала и керамического комплекса могло быть вызвано эрозией верхнего пласта на городище. По-видимому, хронологической гранью между слоями первого и второго этапа являлся конец I тысячелетия до н. э.

Соотношение датировок по керамике и вещевому комплексу позволяет несколько сузить тот хронологический диапазон, в течение которого могла протекать жизнь на городище, и определить его временем с V в. до н. э. до первых веков нашей эры.

- ¹ Городище впервые отмечено З. Ходаковским (*Ходаковский З. Проект учебного путешествия по России для объяснения древней славянской истории // Сын Отечества. 1820. № 39. С. 249*), а затем упомянуто М. И. Смирновым (*Смирнов М. И. Залесский город Клешии // Докл. Переславль-Залесского Науч.-просветит. об-ва. Переславль-Залесский, 1919. № 4. С. 3*) и Е. И. Горюновой (*Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. 1961. № 94. Карта 1. № 109*).
- ² В обработке керамики принимали участие студенты Ярославского университета И. В. Абушина и Т. Ю. Рыжкова.
- ³ *Розенфельдт И. Г. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974. С. 93.*
- ⁴ Единичные фрагменты лощеной керамики при более тщательном анализе оказались не относящимися к дьяковскому комплексу.
- ⁵ Исследовалось экспедицией Ярославского университета. Материалы хранятся на кафедре истории СССР.
- ⁶ *Смирнов К. А. Городище Дьяков Лоб. // КСИА. 1973. Вып. 133. С. 106, 107.*
- ⁷ *Воронин Н. Н. Отчет о раскопках и разведках 1940 г. в г. Ярославле // Арх. Ярослав. ист.-архит. музея-заповедника. № 7058. Л. 18.*
- ⁸ *Розенфельдт И. Г. Об относительной хронологии дьяковских городищ // ГСИА. 1973. Вып. 133.*
- ⁹ *Розенфельдт И. Г. Керамика дьяковской культуры. С. 146.*
- ¹⁰ *Гурина Н. Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье // МИА. 1963. № 110. С. 106, 140, 153.*
- ¹¹ Раскопки проводились экспедицией Ярославского университета. Материалы хранятся на кафедре истории СССР.
- ¹² *Розенфельдт И. Г. Керамика дьяковской культуры. С. 123, 125.*
- ¹³ При описании вещевых находок используется классификация, предложенная в работе: *Смирнов К. А. Дьяковская культура // Дьяковская культура. М., 1974. С. 28—29.*
- ¹⁴ *Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднепровья в IV—III вв. до н. э. М., 1967. С. 33.*
- ¹⁵ Эта гипотеза была высказана в ходе обсуждения доклада К. А. Смирновым.

М. Ю. ВАХТИНА

ЗОЛОТАЯ ПОДВЕСКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ АФРОДИТЫ ИЗ РАСКОПОК ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО ГОРОДИЩА НА ДОНУ

В 1985 г. при исследовании Елизаветовского городища (Нижний Дон) была найдена круглая золотая подвеска с изображением задранированной женской фигуры, сидящей на летящем лебеде или гусе (рис. 1, 1) ¹. Она обнаружена при расчистке строительных остатков центрального квартала греческого поселения ², с 1982 г. исследованного экспедицией ЛЮИА АН СССР и Ростовского областного музея краеведения ³. Подвеска изготовлена из тонкого листа золотой фольги, в верхней ее части имеется петелька для подвешивания. Нижняя часть подвески деформирована. Диаметр подвески 3,4 см. Изображение выполнено в технике рельефа по матрице. На подвеске представлена женская фигура, обращенная в фас, правая рука ее поднята к голове. Изображение нечеткое, детали проработаны плохо, одежда слабо намечена (видны лишь складки хитона в нижней части фигуры). Женская фигура представлена сидящей между крыльями летящего вправо лебеда или гуся, причем широко распростертое правое крыло птицы закрывает ее часть. Шея лебеда изогнута, клюв упирается в орнамент из выпуклых точек, окаймляющих всю композицию. Связь изображения именно с небесной сферой подчеркивается тремя звездами, помещенными под крылом птицы.

Рис. 1. Золотая подвеска с изображением Афродиты

Рис. 2. Изображения Афродиты Урании

1 — крышка пиксиды, musée Lavignerie; 2 — греческое зеркало из собрания, Rome; 3 — этрусское зеркало из собрания Кампана; 4 — фронтон керченской стелы, по О. Ф. Вальдгауэру

1

3

2

4

Еще Л. Стефани, подробно рассмотрев изображения женского божества, сидящего на лебедь, широко распространенные в античном искусстве, начиная с классического времени, пришел к заключению, что они являются изображениями Афродиты Урании, которая «...по религиозным понятиям греков... представляла собою производительную силу мира, и так как сила эта, по мнению их, находилась на небе, то богине и дали название небесной»⁴.

О. Ф. Вальдгауэр выделил из всей массы подобных изображений, свидетельствующих о популярности этого типа в греческом искусстве, круг разновременных памятников, изображения которых имели чрезвычайно близкую иконографию⁵. В их числе — костяная крышка пиксиды, рельеф на греческом зеркале из собрания Rome в Лондоне, этрусское зеркало из собрания Кампана и известный рельеф, обнаруженный Ф. И. Гроссом в 1876 г. на склоне горы Митридат близ Керчи (рис. 2)⁶.

Как мы полагаем, к этому же кругу памятников можно отнести и золотую подвеску из Елизаветовского городища, композиция которой представляет тот же тип Афродиты Урании. Как и на приведенных памятниках, богиня на Елизаветовской подвеске представлена сидящей лицом к зрителю на спине летящего вправо лебедя, правая ее рука, как и на перечисленных изображениях, очевидно, поддерживает край плаща, брошенного поверх хитона и развевающегося во время полета.

О. Ф. Вальдгауэр, исходя из популярности этого типа Афродиты Урании в античном искусстве, а также из некоторых художественных особенностей проанализированных им памятников, вслед за Л. Стефани высказал предположение, что все эти изображения являются воспроизведениями знаменитого в древности оригинала. Согласно его точке зрения, таким оригиналом могла являться статуя Афродиты, созданная в V в. до н. э. мастером круга Фидия и находящаяся в Афинах⁷.

В Северном Причерноморье широкое распространение культа Афродиты засвидетельствовано археологическими и письменными источниками для греческих поселений Боспорского царства на протяжении всей их истории⁸. Есть данные, позволяющие предполагать существование святилищ и храмов Афродиты в Фанагории⁹, Келлах¹⁰, Гермонассе¹¹, Горгипсии¹². Культ Афродиты засвидетельствован в целом ряде боспорских надписей (КБН, 7, 13, 17, 1041, 1043, 1237 и др.). О почитании Афродиты, носящей официальный культовый эпитет Урания, свидетельствует уже упоминавшаяся прямоугольная известняковая стела с северо-восточного склона горы Митридат¹³. Стела украшена рельефным фронтоном с изображением Афродиты на лебедях (рис. 2—4); надпись на стеле свидетельствует о посвящении этого памятника Афродите Урании, владычице Апатура (КБН, 75). О культе этого божества сообщают и другие разновременные надписи, в основном происходящие с территории Азиатского Боспора; две из них (КБН, 111, 971) датируются IV в. до н. э., остальные (КБН, 31, 35) относятся к римскому времени¹⁴. Таким образом, естественно предположить, что на золотой подвеске из Елизаветовского городища представлен именно тип Афродиты Урании, божества, весьма почитаемого населением Боспорского царства.

При исследовании греческой колонии на «окраине» Елизаветовского городища был обнаружен значительный вещевой материал (боспорские монеты, обломки боспорских культовых и жанровых терракот, каменные жертвенники — эсхары, боспорская надгробная стела), позволивший авторам раскопок прийти к выводу, что большинство жителей колонии, по видимому, составляли выходцы с Боспора¹⁵. Греческое поселение было основано здесь в 290—280 гг. до н. э. и прекратило свое существование не позднее 260 г. до н. э. Это позволяет датировать находку в пределах конца IV — первых десятилетий III в. до н. э. Вероятно, публикуемая подвеска была изготовлена на Елизаветовском поселении боспорским ювелиром или же привезена с Боспора. Представленная на ней композиция является уникальным в тюретике Северного Причерноморья изображением Афродиты Урании на лебедях.

¹ Инв. № XVIII/50.

² Подвеска найдена в северо-восточной части раскопа XVIII при разборке сырцового развала северной стены помещения 43, относящегося к частично раскрытому раскопками 1985 г. строительному комплексу 10.

³ Марченко К. К. Греческий эмпорий на территории Елизаветовского городища // АО 1982 г. М., 1984. С. 130; Он же. Греческий эмпорий в дельте Дона // АО 1983 г. М., 1985. С. 124.

⁴ Стефани Л. Объяснение вещей, найденных близ Керчи в 1862 г. // ОАК. СПб., 1863. Прил. С. 39, 65 и след.

Здесь же см. каталог подобных изображений на монетах, резных камнях, терракотовых рельефах, расписных вазах.

⁵ Вальдгауэр О. Ф. Афродита Урания и Афродита Пандемос // ИРАИМК. 1922. Т. 2. С. 209—213. Рис. 1—4.

⁶ Там же. Рис. 1—4.

⁷ Там же. С. 214.

⁸ Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 211—214.

⁹ Иванова А. П. К вопросу о культе Афродиты на Боспоре // ВДИ. 1960. № 3. С. 104; Харко Л. П. Афродиты на Боспоре Киммерийском // КСИИМК.

1946. Вып. 13. С. 137—141; Харко Л. П. О пятиколонном храме, изображенном на Боспорских монетах II в. // ВДИ. 1950. № 1. С. 202.

¹⁰ Сокольский Н. И. Культ Афродиты в Кесах конца VI—V вв. до н. э. // ВДИ. 1973. № 4. С. 89—91.

¹¹ Сокольский Н. И. Святилище Афродиты в Кесах // СА. 1964. № 4. С. 116.

¹² Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 83.

¹³ ОАК. 1877. С. 249. Табл. V. Датирован 150—125 гг. до н. э.

¹⁴ К сожалению, в рамках настоящей работы мы не имеем возможности затронуть сложный круг проблем, связанный с почитанием жителями Боспора так называемой Афродиты Ура-

нии с эпитетом «владычица Апатура» и локализацией святилища этого божества, упоминаемого древними авторами. Анализ этих сообщений уже имеется в литературе (Марченко И. Д. К вопросу о культах Азиатского Боспора. С. 101, 102). Остроумное предположение об источниках мифа об Афродите Апатурес было высказано С. Р. Тохтасьевой (Тохтасьева С. Р. Боспорская легенда об Афродите Апатурес // ВДИ. 1983. № 2).

¹⁵ Марченко К. К. Новая греческая колония в дельте Дона // Достижения советской археологии в IX пятилетке: Тез. докл. Всесоюз. археол. конф. Баку, 1985. Ч. 2. С. 235—236.

Т. В. МИРОШИНА, Г. Г. ПЯТЫХ

САРМАТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ МОГИЛЬНИКА ОСИНКИ I

В 1975 г. Южным отрядом Средневожской экспедиции Куйбышевского университета было раскопано пять из 24 курганов I Осинковского могильника, который находится в 0,4 км к северу от поселка Осинки Безенчукского р-на Куйбышевской обл. Все курганы интенсивно распахиваются. Два из них, 11 и 17, относятся к сарматскому времени.

Курган 11 (рис. 1, I) расположен в центре могильника. Его насыпь имела диаметр 28 м, высоту — 1 м. Курган раскапывался скрепером с одной бровкой, вытянутой в направлении север—юг. Насыпь состояла из однородного темного гумуса. Глубина погребенной почвы от нулевой точки — 0,65 м, глубина материка — 1,1 м. В центре насыпи на глубине 0,5 м обнаружены фрагменты стенок сероглиняного лепного кувшина, изготовленного из тщательно отмученной глины и хорошо обожженного. Среди них найден фрагмент стенки с овальной в сечении ручкой (рис. 2, II). Ручка украшена ногтевым орнаментом в виде елочки, в верхней части выдавлен круг.

Погребение оказалось ограбленным. Могильная яма сверху подквадратной, а по дну прямоугольной формы находилась в центре кургана (рис. 1, 2). Ориентирована она в направлении запад—восток. Размеры ее в верхней части 2,7—3×2,5—2,6 м, глубина — 2,5 м от уровня погребенной почвы. На глубине 1,4 м от того же уровня прослежена ступень шириной 0,95 м. Размеры ямы по дну — с запада на восток 2,3 м, с севера на юг 1,8 м. Стенки ямы были прокалены сильным огнем и отличались по цвету от желтой глины материка. В заполнении на разной глубине встречались фрагменты одного и того же сосуда, а также кусочки мела, незначительные вкрапления угля, мелкие обломки обожженных костей, два фрагмента человеческого черепа и фрагменты бронзовой фибулы (рис. 2, 2).

Курган 17 (рис. 1, III) диаметром 8 м и высотой 0,1 м находился к северу от кургана 11. Он раскапывался вручную, с двумя перпендикулярными бровками, ориентированными по сторонам света. Насыпь состояла из гумусированного серого суглинка, погребенная почва шла на глубине 0,55 м, а материк — 0,9 м от нулевой точки. В северо-западной части насыпи на глубине 0,5 м найден фрагмент сосуда.

Центр могильной ямы находился в 1,3 м к северо-востоку от центра кургана. Ориентирована она с северо-востока на юго-запад, имела форму прямоугольника с закругленными углами, размеры по линии северо-во-

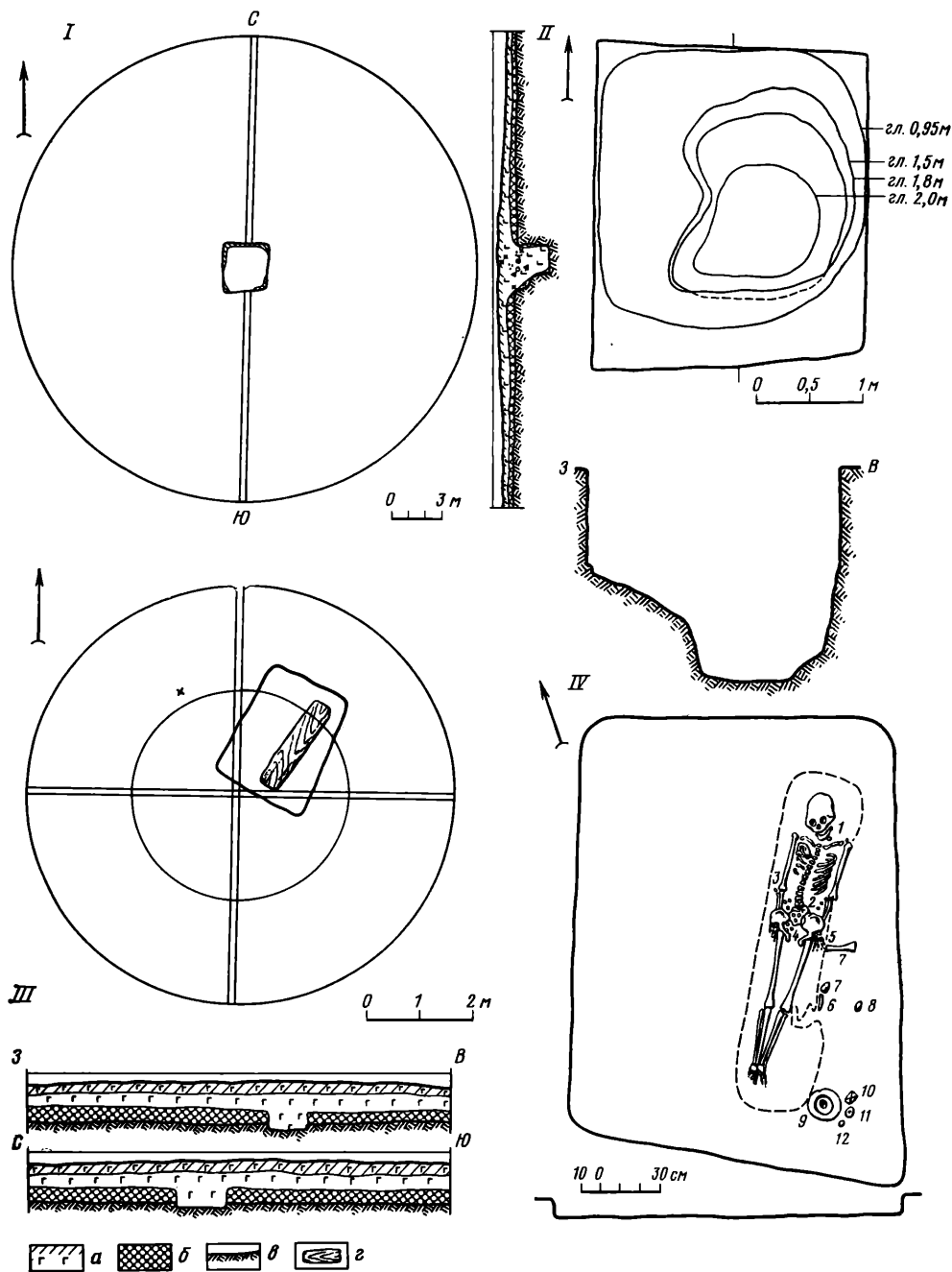

Рис. 1. Планы и разрезы курганов 11 и 17

I — план и разрез кургана 11: а — гумус, б — погребенная почва, в — материк; II — план и разрез погребения 1 кургана 11; III — план и разрез кургана 17 (z — дерево); IV — план погребения 1 кургана 17: 1 — бронзовые бусы, 2—5 — пастовые бусы, 6 — железный нож, 7 — кости животного, 8 — речная раковина, 9 — лепной горшок, 10 — курильница, 11 — пряслице, 12 — мел. Пунктирной линией показаны границы колоды

сток — юго-запад — 2,1—2,4 м, северо-запад — юго-восток — 1,5—1,7 м (рис. 1, IV), глубина от уровня погребенной почвы — 0,45 м. Заполнял яму гумус, южный край ее был нарушен норами грызунов.

Костяк женщины лежал ближе к восточной стенке ямы, вытянуто на спине, головой на северо-восток, на подстилке из коры. Он был накрыт сверху березовой колодой, имеющей стенки вдоль коротких сторон. Раз-

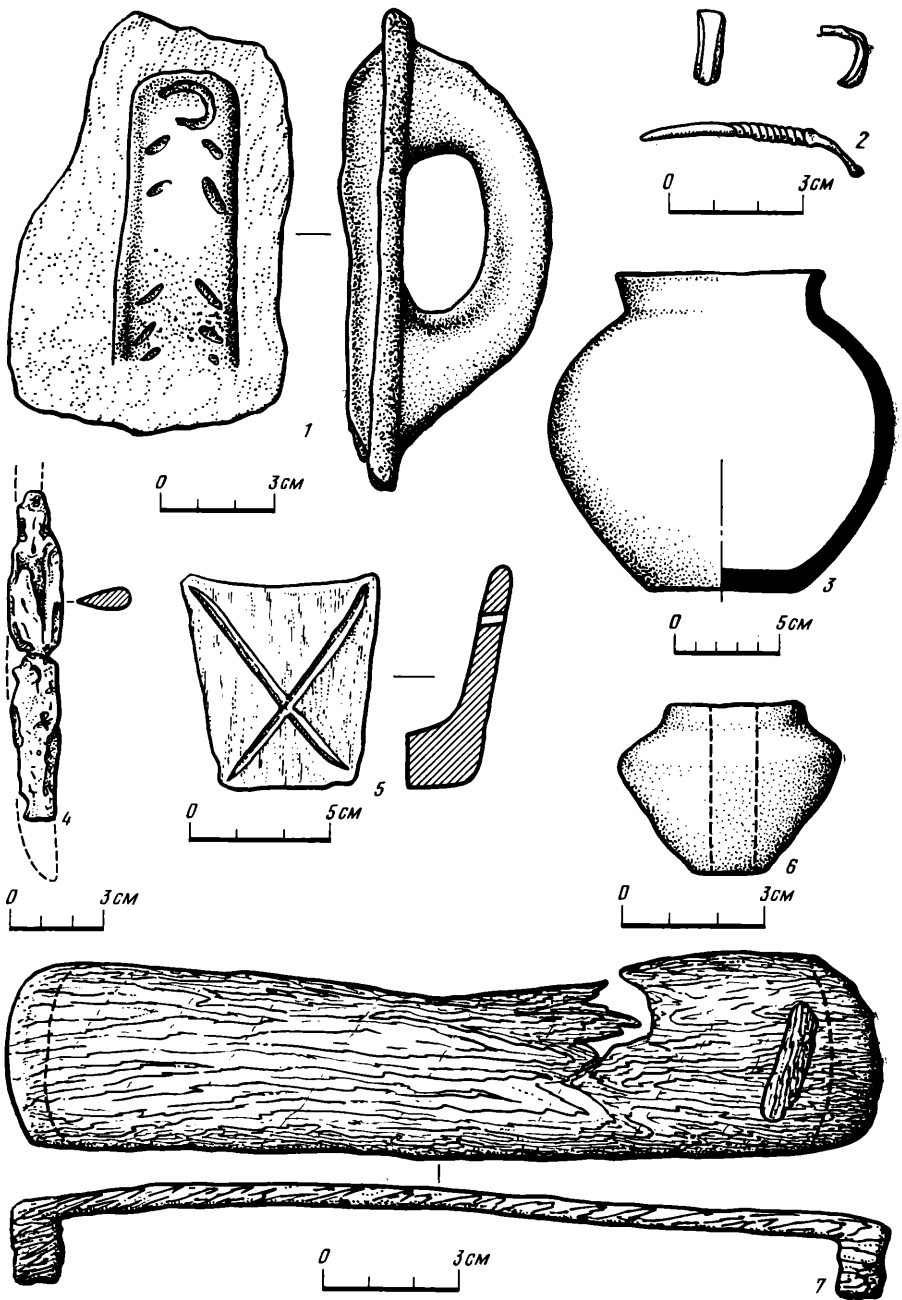

Рис. 2. Инвентарь курганов 11 и 17

1 — ручка лепного сосуда; 2 — бронзовая фибула; 3 — лепной сосуд; 4 — железный нож; 5 — лепная курильница; 6 — пряслице; 7 — березовая колода

меры ее — $1,85 \times 0,4$ (рис. 2, 7). Череп погребенной деформирован, кисти рук под тазом, ноги близко сведены в коленях и щиколотках. У шейных позвонков обнаружены четыре бронзовые бусины (?) плохой сохранности. У правого локтя лежал пастовый бисер голубовато-зеленого цвета, у локтя и кисти левой руки — цилиндрические черные пастовые бусы. Несколько таких же бусин найдено в районе таза, может быть, они украсили левую кисть. Остальные вещи были найдены вне колоды. В юго-восточном углу могилы рядом с колодой лежали фрагменты лепного шаровидного плоскодонного горшка, который удалось реставрировать

(рис. 2, 3). Здесь же обнаружены курильница (рис. 2, 5), асимметричное биконическое лепное пряслице из черной глины (рис. 2, 6) и кусок мела. В районе таза к востоку от колоды найдены кости животного, железный нож (рис. 2, 4) и речная раковина.

Судя по расположению вещей в погребении 1 кургана 11, скелет мог лежать по диагонали ямы в направлении с северо-запада на юго-восток, что характерно для ям подквадратной формы¹. Фибула из этого погребения сохранилась плохо, но, вероятно, она принадлежала к типу лучковых проволочных одночленных с подвязанным приемником, самому распространенному в Нижнем Поволжье, где таких фибул известно около 65². Распространены они были с I по III в. н. э. Вариант фибулы из-за плохой сохранности определить трудно, поэтому точная датировка затруднительна. Форму кувшина из этого погребения восстановить невозможно, но вообще лепные кувшины были широко распространены в позднесарматское время³.

В погр. 1 кургана 17 датирующим предметом является лепная курильница: четырехугольная, расширяющаяся кверху, украшенная со всех сторон вдавленным косым крестом — солярным знаком. На двух противоположных сторонах ее в верхней части есть отверстия диаметром 0,4 см. Сделана она из красноватой глины, размеры — 4×2,5×4 см. Курильницы подобной формы (тип II, по А. С. Скрипкину) встречаются сравнительно часто — в Нижнем Поволжье их известно около 10⁴, три — в Южном Приуралье⁵. Наша курильница отличается двумя отверстиями (вместо обычного одного) и орнаментацией. Датируются они началом II — серединой III в. н. э.⁶

Лепной сосуд из этого погребения изготовлен из черной, плохо отмученной глины. Снаружи стенки тщательно заглажены, обжиг неравномерный. Диаметр венчика — 10 см, дна — 7,5 см, наиболее широкой части — 16 см, толщина стенок — 0,5 см. Точной аналогии ему найти не удалось. Близкие сосуды есть в Нижнем Поволжье (отдел Б, тип II). Здесь они датируются концом II — серединой III в. н. э.⁷

Стеклянный бисер встречается в позднесарматское время в Нижнем Поволжье и имеет широкую дату⁸. Им были обшиты оба рукава одежды женщины у кисти и у локтя, что также часто встречается в сарматских погребениях. На шее погребенная носила бронзовые бусы. Это редкая находка. Речная раковина, вероятно, использовалась для хранения белил и румян⁹.

Ориентация костяка на север преобладает в позднесарматскую эпоху. На Украине таких погребений 72,6%¹⁰, в Заволжье — 94,5%¹¹. Деформация черепа в сарматских погребениях — также поздний признак; в Заволжье во II в. н. э. они встречаются в 60,5% погребений¹².

Деревянные гробы известны у сарматов, в том числе и в позднесарматское время, но ладьевидные колоды редки¹³. Во II—III вв. н. э. гробовища известны только в Заволжье и встречаются очень редко — примерно 1% погребений¹⁴. Обычно костяк лежит в колоде. В нашем погребении она накрывает костяк сверху, аналогии чему нам не известны.

Следы культа огня представлены в обоих курганах. В могильной яме погребения 1 кургана 11 разводили огонь, так как все стенки сильно прокалены. Может быть, скелет был частично обожжен, так как найдены фрагменты обожженных костей. В этом же погребении обнаружены куски мела и угля. В кургане 17 о культе огня говорят курильница с солярным знаком и кусок мела. Меловая посыпка дна могил известна в Заволжье. В начале II — середине III в. н. э. она встречается в 30% погребений. Использование огня в погребальном ритуале поздних сарматов довольно редко: в Заволжье оно зафиксировано примерно в 3% погребений¹⁵.

Таким образом, оба рассмотренных кургана можно датировать II — серединой III в. н. э. Это погребения рядовых сарматов, интересные некоторыми деталями обряда.

- ¹ *Абрамова М. П.* Сарматская культура II в. до н. э.— I в. н. э. // СА. 1959. № 1. С. 54.
- ² *Скрипкин А. С.* Фибулы Нижнего Поволжья // Там же. 1977. № 2. С. 101.
- ³ *Скрипкин А. С.* Позднесарматская культура Нижнего Поволжья: Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА. Р-2. № 2125. С. 71.
- ⁴ *Абрамова М. П.* Указ. соч. С. 58. Рис. 1, 14; *Скрипкин А. С.* Позднесарматская культура... Табл. XI, 18—25.
- ⁵ *Железчиков Б. Ф.* Ранние кочевники Южного Приуралья. Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА. Р-2. № 2261. С. 80.
- ⁶ *Скрипкин А. С.* Позднесарматская культура... С. 90.
- ⁷ Там же. Табл. 2, с. 71.
- ⁸ Там же. Табл. XV, 8.
- ⁹ *Граков Б. Н.* Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. № 3. С. 110, 111; *Скрипкин А. С.* Позднесарматская культура... С. 112.
- ¹⁰ *Костенко В. И.* Сарматские памятники междуречья Дона и Днепра (III в. до н. э.— середина III в. н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1980. С. 14.
- ¹¹ *Скрипкин А. С.* Позднесарматская культура... С. 107.
- ¹² Там же. С. 130.
- ¹³ *Абрамова М. П.* Указ. соч. С. 56; *Скрипкин А. С.* Позднесарматская культура... С. 110, 111.
- ¹⁴ *Скрипкин А. С.* Позднесарматская культура... С. 111.
- ¹⁵ Там же. С. 111—113.

С. С. МИНЯЕВ

КОМПЛЕКС ПОГРЕБЕНИЙ 44 В ДЫРЕСТУЙСКОМ МОГИЛЬНИКЕ

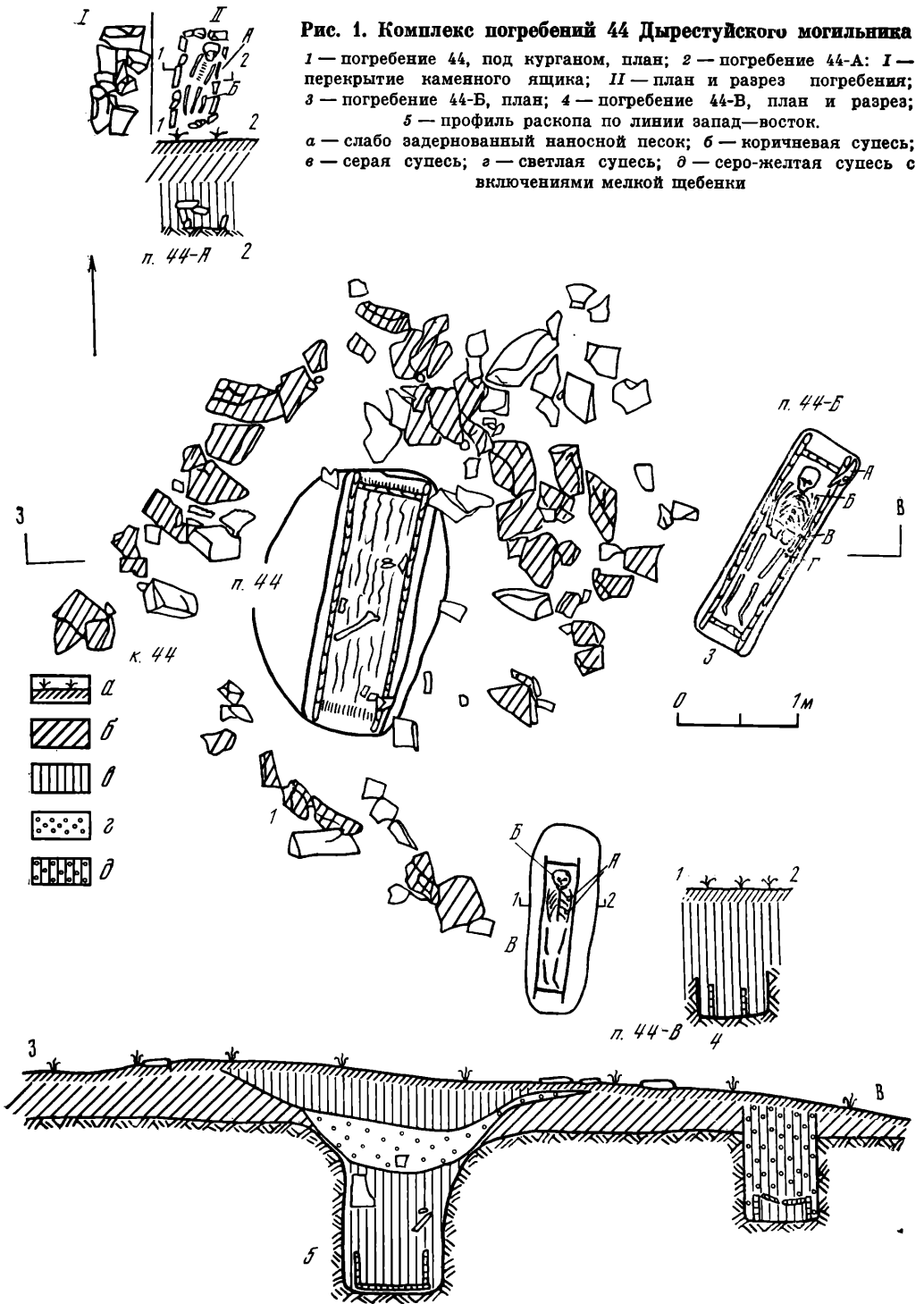
Изучение погребальных памятников сюнну (хунну) проведено пока не в полной мере. Подробную характеристику получил лишь почти полностью раскопанный Иволгинский могильник¹. Остальные памятники изучались выборочно, зачастую с нарушением методических требований, что не позволило выявить значительную часть скрытой в них информации. В этом убеждают материалы, полученные Забайкальским отрядом ЛОИА АН СССР при работах на Дырестуйском могильнике в 1984 г.

Могильник находится на левом берегу р. Джиды, выше по течению от с. Дырестуй Джидинского р-на Бурятской АССР. Здесь в излучине р. Джиды, издавна называемой Дырестуйским култуком (изгибом), по обоим берегам имеются археологические памятники различных эпох. Почти все погребения сюнну расположены на склоне берега в 300—400 м от уреза воды на площади размером 500×300 м. Поверхности здесь нарушены водной и ветровой эрозией. Погребения расположены группами в несколько курганов², рядом с ними фиксируются выходы камней, западины и останцы погребенной почвы. Это обстоятельство позволило предположить, что в состав групп, помимо курганов, входят другие объекты, практически незаметные на современной поверхности. Вполне очевидно, что для полного выявления составляющих каждую группу объектов ее площадь необходимо исследовать сплошным раскопом.

Такой раскоп площадью 260 кв. м был заложен в западной части могильника в группе из пяти хорошо заметных курганов, расположенных меридиональной цепочкой, и включил курган 44 и пространство вокруг него³.

На современной поверхности курган 44 отмечен задернованной каменной кладкой, до расчистки имевшей округлую форму диаметром 7 м и высотой 0,25 м, с небольшой западиной в центре. После расчистки и фиксации кладки были убраны сдвинутые со своего места камни и оставлены те, которые предположительно лежали в первоначальном положении. В результате форма кладки определилась как близкая со стороной 4 м, углами ориентирована по странам света (рис. 1, 1). В центре ее расчищена могильная яма размером 2,2×0,8 м и глубиной 1,8 м, заполненная в верхней части серо-коричневой, в нижней — серо-желтой супесью с включениями мелкой щебенки. На дне могил обнаружен дощатый гроб размером 2,1×0,65 м и высотой 0,32 м. Короткие его стенки с помощью ши-

Рис. 1. Комплекс погребений 44 Дырестуйского могильника

пов были вставлены в пазы на длинных стенках. Погребение оказалось ограбленным. На дне гроба в беспорядке лежали отдельные кости скелета мужчины⁴, а в южной части — обломок бронзовой восьмерковидной подвески. В заполнении ямы найдены фрагменты типичного для сюнну серо-глиняного сосуда и небольшой миски, а также костяной наконечник стрелы с расщепленным черешком.

Вокруг кургана 44 выявлены еще три погребения, не имевшие признаков на современной дневной поверхности.

Погребение 44 располагалось в 3 м северо-западнее погребения в кургане (рис. 1, 2). Под слоем слабо задернованного наносного песка толщиной 0,45 м обнаружен каменный ящик размером $1 \times 0,47$ м, высотой 0,25 м, длинной осью ориентирован на северо-северо-восток. Он был сделан из небольших (в среднем 25×20 см) камней, поставленных на ребро. Такие же камни, лежавшие плашмя, составляли перекрытие ящика. Внутри него на фоне светлой материковой супеси прослежено коричневатое пятно могильной ямы, окаймленной полоской сгнившего дерева, вероятно, от гроба. В яме обнаружено очень плохо сохранившееся погребение младенца в возрасте до года, лежавшего вытянуто на спине. У левой ноги погребенного находилась плечевая кость козы.

Погребение 44—Б обнаружено у восточного угла кладки кургана 44, в 0,3 м от крайних камней (рис. 1, 3). Под слоем наносного песка толщиной 0,15 м было прослежено пятно могильной ямы, которое приняло отчетливую прямоугольную форму на фоне плотной материковой супеси. Размеры могилы составляли $2,1 \times 0,65$ м, ориентирована она по линии северо-восток — юго-запад. Заполнение ямы — светлая супесь с включениями щебенки, глубина от современной поверхности 1,2 м. На дне ямы обнаружены деревянный гроб размером $2 \times 0,5$ м и высотой 0,27 м. Перекрытие его из продольно положенных досок провалилось внутрь. В северо-восточном углу на гроб был положен череп козы. Короткие боковые доски гроба с помощью шипов вставлялись в пазы на длинных стенках, дна не было.

В гробу вытянуто на спине лежал костяк ребенка в возрасте 10—12 лет, ориентированный на северо-восток. На фалангах левой руки обнаружены плечевая кость козы, у левой бедренной кости — железный нож и обломки железного предмета, на левой ключице — ложечковидная застёжка из кости. Погребенный был убит ударом острого предмета в правую часть лобной кости, где сохранилось отверстие ромбовидной формы размером $2,5 \times 1,5$ см.

Погребение 44—В находилось в 0,3 м от южного угла кладки кургана 44 (рис. 1, 4). Могильная яма в виде пятна светлой супеси была обнаружена на уровне материка на глубине 0,7 м от современной поверхности. Пятно практически не выделялось на фоне желтой материковой супеси и было выявлено лишь по разнице времени просыхания между более влажным заполнением ямы и менее влажным материком. Могильная яма имела размеры $1,7 \times 0,65$ м и была ориентирована в направлении север—юг с отклонением к востоку. Глубина ее от современной поверхности 1,15 м, заполнение однородное — светлая супесь. На дне ямы находился деревянный гроб размером $1,3 \times 0,3$ м, высотой 0,22 м. Короткие стенки гроба с помощью шипов вставлены в пазы на длинных стенках, дна и перекрытия не было.

В гробу вытянуто на спине лежал скелет ребенка 5—6 лет. У правой бедренной кости обнаружена плечевая кость козы, под нижней челюстью — прямоугольная бусина из речной раковины и цилиндрическая бусина костяная, слева в области грудной клетки — круглая железная пряжка с язычком, ниже ее — окисленное железное кольцо, у правой бедренной кости ниже таза — мелкие окислы бронзы.

Невыразительные погребальные конструкции и бедный инвентарь указывают на принадлежность погребенных в могилах 44—А, 44—Б и 44—В к низшим или зависимым слоям общества. Очевидны следы насильственной смерти на черепе погребенного в могиле 44—Б. Возраст погребенных в могилах 44—А и 44—В позволяет предположить аналогичные обстоятельства их смерти. Все это с известной долей вероятности может служить археологическим подтверждением сообщений письменных источников о существовании в погребальном обряде сюнну обычая человеческих жертвоприношений⁵. Таким же образом можно интерпретировать ряд других погребений Дырестуйского могильника.

Так, при раскопках северной курганной группы у юго-западного угла большого кургана 39 было выявлено погребение 39—А, расположенное

под камнями кладки основного кургана. На древней дневной поверхности оно было отмечено сплошной прямоугольной кладкой, камни которой уложены в один ряд. Могильная яма оказалась заложена крупными камнями, перекрывавшими каменный ящик из небольших вертикально поставленных каменных плит. Внутри ящика в деревянном гробу был погребен головой на север полугодовалый младенец, лежавший на спине с руками, вытянутыми вдоль тела. Справа от черепа найдена плечевая кость козы, в ногах — пять ребер того же животного, слева от черепа — две сердоликовых, бирюзовая и стеклянная бусины, за головой, в промежутке между стенками гроба и каменного ящика, — небольшой сосуд. Сходство погребений 44—А и 39—А очевидно: оно выражается в однотипных внутримогильных конструкциях (деревянный гроб, вставленный в каменный ящик), составе погребальной пищи, возрасте погребенных. Такое сходство позволяет высказать предположение, что погребения детей, выявленные в составе разных погребальных групп Дырестуйского могильника, — не случайное явление.

Это обстоятельство подтверждается и материалами других погребальных памятников сюнну, в частности могильника в Ильмовой пади. Здесь при раскопках одного из курганов знати (№ 54) у юго-западного и юго-восточного углов кладки на равном расстоянии от дромоса найдены два погребения, простых по конструкции и бедных по инвентарю. Погребение 54—В, как и погребение 39—А и 44—Б в Дырестуйском могильнике, представляло собой каменный ящик, внутри которого находился деревянный гроб. В гробу обнаружен костяк ребенка, ноги которого были спутаны железной цепочкой, что указывает, возможно, на насильственную смерть погребенного. Погребение 54—А было совершено в грунтовой яме и деревянном гробу, отмечено на поверхности редкой каменной кладкой. Сохранившиеся кости скелета указывают на молодой возраст погребенного⁶. Вполне очевидно, что погребения 54—А и 54—Б составляли единый комплекс с курганом 54, в который входили, возможно, и другие объекты, не имевшие внешних признаков и оставшиеся незамеченными при раскопках.

Раскопки сплошной площадью даже части курганной группы Дырестуйского могильника позволяют подробнее охарактеризовать планиграфию могильников сюнну⁷. Очевидно, что сюннуские погребения расположены группами, куда входят не отдельные курганы, а погребальные комплексы, включающие центральное погребение и расположенные вокруг «сопутствующие» могилы. Эти последние, не имевшие внешних признаков, совершались, очевидно, одновременно с центральным захоронением и в ряде случаев могли представлять собой погребения принесенных в жертву людей⁸. При этом конструкции центральных погребений таких комплексов могли быть различными. Но во всех случаях в центральных погребениях были захоронены мужчины, занимавшие, судя по разнообразию конструкций, различное положение в обществе. В «сопроводительных» могилах каждой из рассмотренных групп наблюдается определенная закономерность: в их составе выявлены однотипные безынвентарные или крайне бедные инвентарем захоронения младенцев или детей в деревянном гробу, вставленном в каменный ящик. В этом, вероятно, проявляются неизвестные ранее требования погребальной практики сюнну, предписывавшей определенные обрядовые действия даже при погребении лиц различного ранга. Дальнейшие раскопки Дырестуйского и других могильников сюнну помогут детально восстановить эти обрядовые действия.

Следует подчеркнуть, что большинство «сопроводительных» погребений и других объектов, не имеющих внешних признаков, не обнаруживаются геофизическими методами разведки, поскольку не содержат магнитных, электрических или иных аномалий, отличающих их от окружающей почвы. Вскрытие погребальных памятников сюнну сплошным раскопом — единственный прием, позволяющий обнаружить такие объекты.

- ¹ Давыдова А. В. Некоторые вопросы социальной истории населения Забайкалья по данным Иволгинского могильника // СА. 1982. № 1. С. 132—143; Она же. Иволгинский комплекс — памятник хунну в Забайкалье. Л., 1985.
- ² Надмогильные сооружения сюннуских погребений, если они имеются, традиционно именуются курганами, хотя представляют собой невысокую каменную кладку без насыпи.
- ³ Могильник открыт в 1900 г. Ю. Д. Талько-Гринцевичем, раскопавшим здесь 26 могил. Позднее еще несколько погребений были раскопаны П. Б. Коноваловым (*Талько-Гринцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья* // Тр. ТКО ПОРГО. 1902. Т. III, вып. 2, 3; Т. IV, вып. 2; Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ, 1976). При работах Забайкальского отряда продолжается нумерация исследованных ранее погребений.
- ⁴ Антропологические определения выполнены И. И. Гохманом, палеозоологические — Н. М. Ермоловой.
- ⁵ Таскин В. С. Материалы по истории сюнну. М., 1968. Вып. 1. С. 40.
- ⁶ Коновалов П. Б. Указ. соч. С. 63—70.
- ⁷ Миняев С. С. К топографии курганных памятников сюнну // КСИА. 1985. Вып. 184. С. 21—27.
- ⁸ Атрибутация таких могил как захоронений самих сюнну остается проблематичной.

ХРОНИКА

А. И. ПУЗИКОВА

РАБОТА ОТДЕЛА
СКИФО-САРМАТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
В 1985—1986 ГГ.

Тематика работы отдела в 1985—1986 гг., как и в предыдущие годы, была разнообразна. Сотрудники сектора активно участвовали в подготовке многотомного издания «Археология СССР». Два тома — «Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время» (редактор А. И. Мелюкова) и «Славяне и их соседи в первой половине I тысячелетия н. э.» (редактор И. П. Русанова и Э. А. Симонович) — сданы в издательство. Подготовлен к печати том «Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время» (редактор М. Г. Мошкова). Редактирование тома «Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья» продолжала Г. А. Брыкина. Кроме того, 13 сотрудников отдела принимали участие в написании разделов для различных томов издания. Сотрудники сектора В. В. Кропоткин, О. А. Гей, В. А. Могильников, Н. Л. Членова написали 12 разделов для различных томов «Археологии СССР», касающихся истории и археологии черняховских племен, а также племен Западной Сибири, Забайкалья, Приобья, Алтая. Продолжалась разработка важных проблем железного века. Исследовались вопросы взаимоотношения и взаимосвязи предскифских культур Сибири, Кавказа, степной зоны Восточной Европы, Северного Причерноморья (А. И. Мелюкова, Н. Л. Членова, В. В. Дворниченко), вопросы, связанные с локальными вариантами и особенностями кобанской культуры на Северном Кавказе (В. И. Козенкова). Изучались вопросы особенностей собственно скифской культуры, ее локальных вариантов в Причерноморье и на периферии скифского мира (А. И. Мелюкова, В. С. Ольховский, В. Г. Петренко, А. И. Пузикова, Т. М. Кузнецова).

Разрабатывались проблемы происхождения, расселения, хронологии сарматов, взаимоотношения и взаимодействия их с окружающими культурами (М. Г. Мошкова), а также история племен Центрального Предкавказья в сарматское время (М. П. Абрамова).

Одновременно разрабатывались проблемы железного века Восточной Европы, Кавказа; Западной Сибири и Средней Азии (Г. А. Брыкина, Ю. А. Краснов, Х. И. Крис, В. А. Могильников, К. А. Смирнов), проблемы происхождения, локальных вариантов, хронологии черняховской культуры, расселения черняховских племен, соотношения черняховских, скифских и раннеславянских памятников (В. В. Кропоткин, Г. Ф. Никитина, О. А. Гей, М. Г. Гусаков).

Выполнялись работы по археологии Ближнего Востока и Мезоамерики (В. А. Башилов).

В 1985—1986 гг. сотрудниками отдела завершены следующие плановые темы: Ю. А. Краснов закончил работу над 1-м томом «Истории крестьянства СССР: Предпосылки становления крестьянства. Крестьянство рабовладельческих и раннефеодальных обществ на территории СССР».

(VI—V тысячелетия до н. э.— I тысячелетие н. э.)). Работа передана в издательскую часть Института археологии. Х. И. Крис завершила работу над темой «Памятники изобразительного искусства племен Волго-Окского междуречья в раннем железном веке». В. С. Ольховский написал работу «Поминально-погребальная обрядность населения степной Скифии (VII—III вв. до н. э.)», Г. Ф. Никитина окончила тему «Анализ погребального обряда и инвентаря черняховского могильника у с. Оселивка», а В. Г. Петренко — тему «Курганы междуречья Буга и Ингульца».

За истекший период сотрудники отдела написали большое количество монографий, статей, заметок, полевых отчетов. В печать сдано четыре монографии и 127 статей и заметок. За этот же период вышло из печати 93 работы, в том числе монография Г. Ф. Никитиной «Систематика погребального обряда племен черняховской культуры» (М., 1985).

Сотрудники отдела, руководившие работами экспедиций и отрядов, написали 19 полевых отчетов.

За 1985—1986 гг. проведено 58 заседаний, на которых было заслушано 46 докладов сотрудников отдела и 14 сообщений сотрудников других отделов и учреждений. Три заседания были посвящены обсуждению томов «Археологии СССР», несколько заседаний — отчетам о результатах работ конференций, семинаров, симпозиумов, докладам о зарубежных командировках (Ю. А. Краснов, Г. Ф. Никитина, Т. М. Кузнецова, К. А. Смирнов, О. А. Гей, Т. В. Мирошина, В. А. Башилов).

В 1985—1986 гг. сотрудники отдела скифо-сарматской археологии принимали участие в работе теоретического семинара Института археологии и отдела, посвященных методическим и методологическим проблемам в археологии. Сделаны доклады: в 1985 г. Ю. А. Краснов — «Итоги работы симпозиума, посвященного 100-летию со дня выхода в свет работы Ф. Энгельса „Происхождение семьи, частной собственности и государства“»; В. И. Гуляев — «Проблема власти в период перехода от классового общества к классовому» (по материалам Мезоамерики); В. В. Кропоткин — «Проблема власти в готском обществе по письменным источникам»; В. Б. Ковалевская — «Новые методы в археологии» (обзор новейшей литературы); М. Г. Гусаков — «Проблема миграции в варварской Европе» и в 1986 г. «Святыище Савин — языческий храм»; В. С. Ольховский — «Об алгоритме источниковедческого анализа антропоморфных изваяний»; «Об информационной модели антропоморфных изваяний».

Отдел провел большие полевые работы, которые в основном были связаны с выполнением плановых тем. Многие сотрудники принимали участие в работах новостроечных экспедиций (Г. А. Брыкина, В. В. Дворниченко, Т. В. Мирошина, В. А. Могильников, В. Г. Петренко, А. И. Пузикова). Западноволынская экспедиция под руководством О. А. Гей продолжила раскопки могильника черняховской культуры у с. Раковец-Чесновский и могильника «Красный Маяк» на Нижнем Днепре в основном позднескифского времени. Одновременно проведены разведки в Приазовье (Ждановская обл.), где открыты и обследованы поселения римского времени. М. П. Абрамова (Карачаево-Черкесский отряд) изучала поселения кобанской культуры и могильника первых веков нашей эры. Лейлякская экспедиция Г. А. Брыкиной работала на могильниках и поселениях, расположенных в западной части Ташраватского орошаемого массива. Большинство их относится к I тысячелетию н. э.

Западный отряд Балтийской экспедиции М. Г. Гусакова проводил раскопки на двух могильниках поморской культуры у пос. Покровский и могильника римского времени у пос. Пионерский (Калининградская обл.). Поволжская экспедиция В. В. Дворниченко работала на городище Селитренном Харабалинского р-на Астраханской обл. (раскопаны мечеть, медресе, караван-сарай, часть дома) и на бескурганном могильнике у с. Косики Енотаевского р-на (около 40 одновременных погребений).

Алтайская экспедиция В. А. Могильникова в 1985 г. работала на трассе канала Сибирь — Средняя Азия, где проводились обследование и рекогносцировочные раскопки памятников. В 1986 г. на городище Кулайско-Саргатской культуры у с. Старый Погост Тюменской обл. В. С. Ольховский (Степная Крымская экспедиция) исследовал курганы в Сакском и Первомайском районах Крыма. Вскрыто семь насыпей, 46 одновременных погребений и два жертвенных комплекса. Датировка погребений — от II тысячелетия до н. э. (катакомбная культура) до XI—XIII вв. н. э. (половцы). В. Г. Петренко (Краснознаменная экспедиция) исследовала скифские памятники VII—V вв. до н. э. на территории Центрального Предкавказья. У с. Новозаведенное раскопано шесть насыпей. В погребениях прослежены новые элементы скифской поминально-погребальной обрядности.

А. И. Пузикова (Курская экспедиция) продолжила исследования памятников раннего железного века в бассейне р. Тускарь. В 1985 г. раскапывалось скифское городище у дер. Глебоко Курского р-на; в 1986 г. были продолжены раскопки многослойного поселения Переверзево II Золотухинского р-на. Продолжались спасательные работы на курганном могильнике у дер. Дуровка Белгородской обл. За два сезона вскрыто восемь насыпей, давших богатый и разнообразный инвентарь IV—III вв. до н. э. (серебряный кубок, золотые изделия, железное оружие, бронзовые уздечные наборы и котел и т. д.).

Сотрудники отдела принимали участие в различных конгрессах, симпозиумах и научных конференциях как внутри страны, так и за рубежом. Во Всесоюзной сессии, посвященной итогам работы в XI пятилетке (1985 г., г. Баку), — В. В. Кропоткин, М. П. Абрамова, М. Г. Гусаков, В. В. Дворниченко, В. И. Козенкова, В. Г. Петренко, Т. М. Кузнецова, К. А. Смирнов. В конференции, посвященной связям Поднепровья и Поволжья в III в. до н. э. (апрель 1985 г., г. Куйбышев) участвовали В. В. Кропоткин, О. А. Гей, В. А. Могильников, Г. Ф. Никитина. О. А. Гей была на конференции «Ольвия и ее периферия» в г. Одессе, М. Г. Гусаков — на Всесоюзной конференции Института славяноведения и балканистики (май 1985 г., Москва). Доклад о работе Поволжской экспедиции сделал В. В. Дворниченко на Ломоносовских чтениях истфака МГУ в апреле 1985 г.

В работе двух конференций в 1985 г., состоявшихся в Москве, — «Балто-славянские этнокультурные археологические древности (погребальный обряд)» и «Жизнь мифа в античности» (ГМИИ) — участвовала Т. М. Кузнецова, Т. В. Мирошина — в конференциях, посвященных памяти В. Д. Блаватского (1985 г.), Н. И. Сокольского (1986 г.), и конференции молодых ученых. Г. Ф. Никитина сделала доклад на семинаре по вопросам классификации в г. Миассе (1985 г.) и в школе-семинаре в Ростове Ярославском, посвященном статистическим методам исследования. В. В. Кропоткин участвовал в работе Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии, состоявшейся в Москве. М. Г. Гусаков по заданию дирекции Института археологии в 1986 г. занимался подготовкой конференции «Религиозные представления в древнейших обществах» по линии секции «История первобытного общества», ученым секретарем которой он является. Конференция намечена на 1988 г.

В работе XIV Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа в 1986 г. принимали участие В. И. Козенкова и В. Г. Петренко, в работах различных конференций — Т. М. Кузнецова и В. А. Могильников (Т. М. Кузнецова — в работе семи конференций в основном по античной и скифо-античной тематике; В. А. Могильников — четырех конференций и совещаний по археологии Сибири и Средней Азии). В. С. Ольховский выступил с докладом на конференции молодых ученых, основным организатором которой он являлся.

Сотрудники отдела участвовали и в работе международных конференций и конгрессов: В. В. Кропоткин — на конгрессе по славянской архео-

логии (г. Киев, 1985 г.); В. А. Башилов — в работе «Круглого стола» Венского центра ЮНЕСКО «Доколумбовы коллекции в музеях Европы» (1985 г.), во II Всесоюзном симпозиуме по проблемам индеанистики «Этническая экология коренных народов Америки» в 1985 г., а также в работе III советско-американского симпозиума в 1986 г. В конференции «Местные этнополитические образования Причерноморья и их взаимоотношения с греческим миром в VII—V вв. до н. э.» (г. Цхалтубо-Вани, 1985 г.) приняли участие А. И. Мелюкова (с докладом), В. И. Козенкова, Т. М. Кузнецова. На финно-угорском конгрессе в Сыктывкаре в 1985 г. выступили с докладами Х. И. Крис, Н. Л. Членова, В. А. Могильников, К. А. Смирнов. Кроме этого конгресса, К. А. Смирнов был организатором симпозиума в г. Хельсинки по теме: «Этнокультурные связи Финляндии с Востоком („На шелковом пути“)». Он прочитал доклад «Финны в Восточной Европе». Сотрудники отдела участвовали в работе более 30 конференций, симпозиумов, совещаний как внутри страны, так и международных.

Сотрудники отдела проводили постоянную работу в области популяризации археологических знаний, печатали статьи в местных областных и районных газетах об археологических памятниках, их значении и необходимости их охраны, выступали по телевидению и радио (Х. И. Крис, А. И. Пузикова, В. В. Дворниченко). Сотрудники в экспедициях проводили лекции и беседы с местными жителями, студентами, школьниками (Г. А. Брыкина, М. Г. Гусаков, В. А. Могильников, А. И. Пузикова, О. А. Гей, В. С. Ольховский, В. В. Дворниченко). Постоянную консультативную работу с местными музеями вели Х. И. Крис, А. И. Пузикова, В. В. Дворниченко, В. С. Ольховский, М. Г. Мошкова, В. Г. Петренко, Г. А. Брыкина, В. В. Дворниченко, Ю. А. Краснов и А. И. Мелюкова опубликовали несколько статей в научно-популярных изданиях: в журналах «Наука и жизнь» и «Работница», а также в районных газетах (Ю. А. Краснов, В. В. Дворниченко).

Статьи нескольких сотрудников были напечатаны в зарубежных изданиях: В. А. Башилова — в Мексике и Колумбии; К. А. Смирнова — в Финляндии; В. В. Кропоткина — в Венгрии; Ю. А. Краснова — в ГДР; Т. В. Мирошиной — в США. В. А. Башилов находился в двухмесячной командировке на Кубе (1985 г.) и в США (1986 г.). К. А. Смирнов работал в Советско-Венгерской экспедиции (1985—1986 гг.).

В 1985—1986 гг. скифо-сарматский отдел готовил молодые кадры как для Института археологии, так и для других научных учреждений. При секторе окончили аспирантуру В. Н. Игнатов (1985 г., руководитель В. П. Шилов); Т. Н. Булыгина (1986 г., руководитель Г. А. Брыкина); И. Н. Храпунов (1986 г., руководитель Д. Б. Шелов); проходит аспирантуру Б. Х. Атабиев (руководитель Р. М. Мунчаев). В. В. Кропоткин осуществляет научное руководство заочными аспирантами, а Ю. А. Краснов, В. А. Могильников и М. Г. Мошкова — несколькими соискателями.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭБ — Археология и этнография Башкирии. Уфа
АЭМ — Археология и этнография Монголии
АЮС — Археология Южной Сибири
БСЭ — Большая Советская Энциклопедия
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВДИ — Вестник древней истории
ВСС — Вооружение скифов и сарматов
ДАК — Дело Археологической комиссии
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАИ — Искусство и археология Ирана
ИАИСИНС — Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен
ИАК — Известия Археологической комиссии. СПб.
ИВ — Институт народов Востока АН СССР
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры
КСИА — Краткие сообщения ИА АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА — Ленинградское отделение ИА АН СССР
МАР — Материалы по археологии России
МАС — Монгольский археологический сборник
МАЗ — Марийская археологическая экспедиция
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПАП — Проблемы археологии Поволжья и Приуралья
ПЗА — Проблемы Западносибирской археологии
ПЭБРЖД — Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
САКЗВД — Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности
САСДС — Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье
СС — Скифы и сарматы
ССЗСИНЕ — Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии
ССКИЕ — Скифо-сибирское культурно-историческое единство
СЭ — Советская этнография
ТКО ПОРГО — Троицко-Савск-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Русского географического общества
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея. М.
Тр. КЧНИИ — Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Ставрополь
УЗ ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета
BSA — The Annual of the British School of archaeology at Athens
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Н. Л. Членова.</i> О культурной принадлежности Старшего Ахмыловского могильника, новомордовских стелах и «отделившихся скифах»	3
<i>И. С. Манюхин.</i> Специфические черты позднекаропольской культуры	11
<i>Т. М. Кузнецова.</i> Скифские ритуальные сосуды	17
<i>Т. Б. Барцева.</i> Бронзовые кинжалы Сержень-Юрта	23
<i>Л. С. Розанова, Н. Н. Терехова.</i> Технологическая характеристика железных изделий из памятников Курского Посеймья	30
<i>Б. А. Раев.</i> Бронзовый шлем из коллекции Новочеркасского музея	36
<i>Н. А. Кренке, Л. Д. Сулержицкий.</i> Радиоуглеродная и археологическая хронология Дьякова городища	39
<i>Н. А. Кренке.</i> Периодизация дьяковских памятников бассейна Москвы-реки	44
<i>К. К. Марченко, С. Л. Соловьев.</i> К типологии строительных комплексов Нижнего Побужья IV в. до н. э.	49
<i>М. П. Абрамова.</i> Поддурганные катакомбы первых веков нашей эры на Северном Кавказе	54
<i>М. Г. Гусаков.</i> Булавки со спиральновитым навершием в зарубинецкой культуре	59
<i>А. Н. Гудим-Левкович.</i> Клад у с. Глинск и некоторые проблемы денежного обращения в черняховское время	64
<i>О. М. Приходнюк.</i> О генезисе древностей позднеримского и раннесредневекового времени Днепровского лесостепного Левобережья	68
<i>С. М. Васюткин.</i> К вопросу о происхождении и ранней дате именьковской культуры в Среднем Поволжье	75
<i>Т. И. Останина.</i> Мазунинская археологическая культура в Среднем Прикамье. К вопросу определения археолого-этнического комплекса культуры	80

Полевые исследования

<i>И. Л. Станкевич, В. И. Вишневский.</i> Городище дьяковской культуры Кубринское I	86
<i>М. Ю. Вахтина.</i> Золотая подвеска с изображением Афродиты из раскопок Елизаветовского городища на Дону	92
<i>Т. В. Мирошина, Г. Г. Пятых.</i> Сарматские погребения могильника Осинки I	95
<i>С. С. Миняев.</i> Комплекс погребений 44 в Дырестуйском могильнике	99

Хроника

<i>А. И. Пузикова.</i> Работа отдела скифо-сарматской археологии в 1985—1986 гг.	104
Список сокращений	108

Научное издание

Железный век

КСИА, вып. 194

Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии
Академии наук СССР

Редактор издательства Г. И. Улунян
Художественный редактор В. В. Алексеев
Технический редактор А. С. Бархина
Корректоры В. А. Алешкина, Л. И. Кириллова

ИБ № 37936

Сдано в набор 05.04.88
Подписано к печати 22.06.88
Формат 70×108^{1/16}
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 9,8. Усл. кр.-отт. 10,15. Уч.-изд. л. 10,3
Тираж 1650 экз. Тип. зак. 1539
Цена 1 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
421099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6